

Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Казанский государственный университет им. В.И.Ульянова-Ленина»

На правах рукописи

Сабитова Регина Рифкатовна
РУССКИЙ ГЛАГОЛ
В ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНОМ ЖАНРЕ XVII ВЕКА
(СЕМАНТИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ ФОРМ ВРЕМЕНИ)

10.02.01 – русский язык

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель –
доктор филологических наук,
профессор Николаева Т.М.

Казань – 2004

Введение	
Глава 1. Семантическое образование форм	
прошедшего времени.....	
1.1.Формы прошедшего времени, образованные	
семантическим способом на базе форм настоящего	
1.2.Формы прошедшего времени, образованные	
семантическим способом на базе форм будущего простого	
1.3.Формы прошедшего времени, образованные	
семантическим способом на базе инфинитива	
Глава 2. Семантическое образование форм	
настоящего времени	
2.1.Формы настоящего времени, образованные	
семантическим способом на базе форм будущего простого	
Глава 3. Семантическое образование форм	
будущего времени	
3.1.Формы будущего времени, образованные	
семантическим способом на базе форм настоящего	
3.2.Формы будущего времени, образованные	
семантическим способом на базе форм инфинитива	
Глава 4. Парадигма темпоральных форм семантического образования	
4.1.Парадигма форм прошедшего времени.....	
4.2.Парадигма форм настоящего времени.....	
4.3.Парадигма форм будущего времени.....	
Заключение	
Список источников и литературы	

Введение

В последние десятилетия в отечественной русистике доминирует функциональный подход к грамматическим явлениям, рассматривающий в единой системе средства, относящиеся к разным языковым уровням, но объединенные на основе общности их семантических функций. Однако семантическая деривация в морфологии, особенности которой исторически изменчивы, а степень изученности в диахронии неудовлетворительна, до сих пор остается на периферии научных изысканий функциональной ориентации. Это определяет необходимость исследования особенностей семантического образования глагольных форм в начальный период формирования русского национального языка, в значительной степени обусловивших характер последующего развития семантического формообразования.

Как указывает В.М.Марков, «грамматическая и лексическая системы обнаруживают в своем развитии многие точки соприкосновения, многие черты исторически обусловленного сходства, что в процессе осмысления языкового материала допускает установление целого ряда показательных аналогий» [Марков 2001б: 117], поэтому, пишет Г.А.Николаев, семантическая деривация «в морфологии, как и в лексике, происходит за счет изменения т о л ь к о семантики формы без изменения ее формальной стороны. Как и в сфере семантического словообразования, при котором слово включается в иной лексический разряд, что ведет к образованию лексических омонимов, в сфере семантического формообразования грамматическая форма включается в иной грамматический разряд, что приводит к образованию грамматических омонимов» [Николаев 1987: 14]. Процесс семантической деривации в морфологии завершается не только созданием результативной единицы, но и возникновением деривационных отношений между исходной и производной грамматическими формами; он может быть описан путем реконструкции

деривационной истории, т.е. восстановления процесса образования одной грамматической формы на базе другой.

Первым из отечественных лингвистов признал возможность появления нового грамматического значения на базе существующих без изменения структуры исходной грамматической формы А.А.Потебня, указавший на параллелизм семантических процессов в лексике и морфологии. Ученый писал, что «многозначность форм» как явление «вполне аналогично с тем, когда слово, понимаемое в смысле звуковой единицы (т.е. отвлекаясь от значения), имеет много реальных значений...Омоним есть фикция, основанная на том, что за имя (в смысле слова) принято не действительное слово, а только звук. Действительное слово живет не в словаре или грамматике, где оно хранится только в виде препарата, а в речи, как оно каждый раз произносится, причем оно каждый раз состоит из звуков единственного и одного значения. Рассуждая таким же образом, мы приходим к заключению, что омонимия форм есть тоже грамматическая фикция. Каждая форма первоначально имеет одно значение. Когда это значение может стать представлением другого, то вместе с тем создается новая форма. Если при этом первое значение не потеряно, то мы имеем в языке две формы с различными значениями» [Потебня 1941: 96].

Однако русская грамматическая традиция знает и другие трактовки омонимии грамматических форм. Так, К.С.Аксаков на основании того, что формы времени от собственно времени не зависят, поскольку морфологически не выражены и выявляются только в контексте, пришел к выводу об отсутствии форм времени в русском языке [Аксаков 1875б: 412-413]. Вслед за К.С.Аксаковым отрицал наличие постоянных форм времени в русском глаголе Н.П.Некрасов – также на основании способности любой русской глагольной формы выражать самые разные временные значения. Критика исследовательского подхода, согласно которому «между языковой формой и ее содержанием существуют взаимоднозначные отношения, что каждой единице

плана выражения всегда соответствует одна, и только одна, единица плана содержания» [Кацнельсон 1986б: 146], представляется совершенно справедливой. Вместе с тем мысль П.Н.Некрасова о субъективности категории времени, о том, что «русский язык осмыслил время как нечто постороннее для действия, как внешнее (по отношению к действию) условие, под влиянием которого скорее находится лицо говорящее и лицо слушающее, чем само действие» [Некрасов 1865: 133], вполне согласуется с принятым в современной теории функциональной грамматики различием реального (внеязыкового) и системно-языкового центров временного дейксиса, т.е. внеязыковой точкой отсчета временных соотношений и ее репрезентацией в системе временных форм [Бондарко 1990а: 9].

В исследованиях XX века использование одной грамматической формы в функции другой – ее противочлена в парадигматическом ряду – чаще всего квалифицируется как транспозиция и изучается посредством функционально-семантического сопоставления исходной грамматической формы (транспонируемого) и результата транспозиции (транспозита). Примечательно, что понимание транспозиции как синтаксического использования формы, связанное, на наш взгляд, с тем, что в роли средства транспозиции (транспозитора) выступает контекстуальное окружение транспонируемой формы [Виноградов 1986: 26], в последние десятилетия сменяется трактовкой транспозиции как явления морфологического порядка. Так, по мнению А.В.Бондарко, «при транспозиции грамматическое значение формы не исчезает. Однако столкновение с противоречащим ему значением контекста приводит к тому, что грамматическое значение формы выступает в условиях транспозиции как значение переносное, метафорическое (т.е. общее значение выступает в переносном частном варианте). Так, при переносном употреблении времен и контекст, и временная форма соотносят глагольное действие во времени с действительностью, однако одно из временных отношений (то,

которое передается контекстом) является реальным, а другое (обозначаемое глагольной формой) – образным, метафорическим» [Бондарко 1971: 96].

Е.Н.Ремчукова утверждает, что «явление морфологической транспозиции необходимо рассматривать не изолированно, а в комплексе с другими типами грамматического варьирования (конкуренцией и нейтрализацией) в рамках общей проблемы изучения эмоционально-экспрессивных и образных возможностей грамматических единиц» [Ремчукова 2000: 79]. Однако *варьироваться*, а значит – вступать в синонимические отношения могут только единицы одного порядка, то есть грамматические формы. Следовательно, так называемые транспозиты (в принятой нами терминологии – семантические дериваты) невозможно трактовать иначе как новые грамматические формы. Признание же возможности появления нового грамматического значения без одновременного возникновения новой грамматической формы (хотя бы и омонимичной другим формам) противоречило бы принципу единства значения и его выражения в системе грамматических форм как двусторонних языковых единиц, являющегося необходимым признаком любой грамматической категории.

Основной причиной того, что лингвисты считают формы семантического образования несамостоятельными, внепарадигматичными, является отсутствие их системно-парадигматической оценки. Однако, как отмечает Г.А.Николаев, подобные формы и не должны входить в парадигмы, сложившиеся из морфемных образований, они должны составлять отдельные парадигмы форм, состоящие из семантических дериватов [Николаев 1987: 17].

Семантическое формообразование осуществляется по особым семантическим моделям и относится к типовым явлениям. Грамматическая аналогия при семантическом производстве форм, как и при морфологическом, «представляет собою процесс уподобления, создающий новую форму по образцу старой. Она является грамматическим новотворчеством, но ...

новотворчеством ретроспективного характера» [Жирмунский 1954: 75]. К семантическим средствам формообразования, как и к морфологическим, вполне применим критерий продуктивности. Сопоставим темпоральные формы, образованные морфологическим и семантическим способами.

Темпоральность, согласно теории функциональной грамматики, – это «семантическая категория, отражающая восприятие и осмысление человеком времени обозначаемых ситуаций и их элементов по отношению к моменту речи говорящего или иной точке отсчета. Вместе с тем темпоральность – это базирующееся на данной семантической категории функционально-семантическое поле, охватывающее группировку грамматических (морфологических и синтаксических), лексических, а также комбинированных (лексико-грамматических, грамматико-контекстуальных и т.п.) средств того или иного языка, используемых для выражения различных вариантов данной семантической категории. Если аспектуальность представляет собой «внутреннее время» действия (имеется в виду действие в широком смысле, охватывающем все разновидности предикатов), т.е. внутреннюю характеристику протекания и распределения действия во времени, то темпоральность – это «внешнее время» с явной дейктической характеристикой» [Бондарко 1990а: 5]. Примечательно, что признаки, определяемые характером временного дейксиса, представляют вершину иерархии типов темпоральных отношений [там же: 10-20] и с давних пор привлекают внимание исследователей (см., в частности, различные трактовки вопроса о функционировании форм времени в ситуативно актуализированной и неактуализированной речи [Белин 1928: 47-55; Бенвенист 1974: 270-284; Золотова 1982: 320-336; Маслов 1984: 22-42; Падучева 1986: 413-424; Пospelов 1966: 17-29; Reichenbach 1947: 289 и сл.]).

Грамматикализация темпоральных отношений наиболее полно проявляется в системе форм времени, представляющих собой регулярные

видоизменения глагольного слова, которые выражают временные значения. Большая темпоральная парадигма объединяет частные парадигмы форм прошедшего, настоящего и будущего времени. Ее можно изобразить как таблицу форм, устанавливающую однозначное соответствие значений времени средствам их выражения (формативам). Тождество лексемы во всех ее грамматических видоизменениях выражается глагольной основой. Темпоральная парадигма является закрытым классом форм, характеризуясь точно определенным числом позиций.

Вышесказанное справедливо как для морфологического, так и для семантического способов формообразования. Однако формы семантического образования выступают по отношению к формам морфологического как вторичные. Поскольку семантическая деривация в морфологии исключает изменение морфемного состава производящей формы, производная форма омонимична производящей. При построении парадигмы темпоральных форм семантического образования необходимо учитывать, что формальной неоднородности строения производных форм соответствует семантическая неоднородность производящих. В качестве последних в современном русском языке могут выступать темпоральные формы морфологического образования, императивная форма 2-го лица единственного числа глаголов совершенного вида, а также инфинитив. Производные форм настоящего и будущего времени (имеется в виду как будущее простое, так и будущее сложное) противопоставлены по лицу и числу, а прошедшего (л-форма) – по роду и числу. Семантика субъекта действия, названного императивом и инфинитивом, выражается соответственно приимперативной формой именительного и приинфинитивной формой дательного падежа имени/местоимения. От своих производящих формы семантического образования отличаются стилистической маркированностью, так как функционируют главным образом в художественной речи и в разговорном

языке. Отметим, что избирательность, ограничения и дополнительные специфические особенности реализации функций темпоральных форм касаются не только разных форм существования языка и типов речи, но и типов высказывания. Если относительно законченная реализация темпоральной функции формы морфологического образования как правило осуществляется в пределах высказывания, равного речевой репрезентации предложения (см. [Гак 1973: 352]), то функции темпоральной формы семантического образования могут выявляться и в сверхфразовом единстве, и в комплексе таких единств. Очевидно, что функции темпоральных форм (вне зависимости от способа их образования) соотносятся «с функциональными признаками фрагментов текста и текста в целом, т.е., с одной стороны, обуславливаются функциональными признаками текста, а с другой – конституируют их» [Бондарко 1987: 20].

Согласно традиционной модели функциональной грамматики, «форма времени дает дейктическую основу темпоральной функции – все остальное определяется взаимодействием с другими категориями (прежде всего аспектуальными и модальными), с лексическими показателями типа *вчера, только что, сейчас, вот-вот* и т.п., с речевой ситуацией» [там же: 20]. Однако это справедливо лишь для форм морфологического производства. Дейктическую основу темпоральных форм, созданных семантическим путем, дает их контекстуальное окружение, а «все остальное» определяют как раз они сами.

Еще одно отличие форм морфологического образования от форм семантического заключается в том, что последние не могут функционировать в качестве сказуемого придаточной части сложноподчиненных изъяснительных предложений, то есть исключается возможность их **о т н о с и т е л ь н о г о** употребления.

Различие абсолютного и относительного времени в русском языке не является морфологическим, поскольку временные формы используются в

функции и того, и другого, однако оно получает определенное выражение в сфере синтаксического времени, реализуясь в определенных типах сложноподчиненных предложений [Бондарко 1990а: 12]. Соотношение «абсолютное/относительное время – прямой/переносный тип представления времени действия» обращает на себя внимание потому, что абсолютное и относительное употребление времен выступают как варианты общего грамматического значения формы, при определении которого «важно учитывать ее переносное употребление, так как и при переносном употреблении (в нашей терминологии: при семантическом образовании одной формы на базе другой – Р.С.) общее значение формы сохраняется и проявляется в том или ином варианте» [Бондарко – Буланин 1967: 9].

Особенности семантической деривации таковы, что трансформация исходной формы времени осуществляется исключительно в контекстных условиях, обнаруживая абсолютную зависимость от временной отнесенности изображаемой ситуации. Грамматическая метафоризация темпоральной формы несовместима с теми смысловыми отношениями, которые получают формальное выражение в структуре сложноподчиненного изъяснительного предложения и дифференцируются посредством той или иной комбинации глаголов-сказуемых в главной и придаточной частях. Необходимость однозначного выражения предшествования, одновременности или следования действия, названного в придаточной части, по отношению к действию в главной, обуславливает использование для этих целей темпоральных форм морфологического образования. Именно они характеризуются максимальной концентрацией базисных темпорально-дейктических признаков и наибольшей специализированностью в выражении временных отношений. Ограниченные функционально и стилистически темпоральные формы семантического образования оказываются неспособными к функционированию в качестве придаточной части сложноподчиненного изъяснительного предложения.

Опыт разработки теоретических оснований семантического формообразования, предпринятый в настоящем исследовании, имеет поисковый характер, так как взятые на вооружение принципы грамматического описания и система исходных понятий рассчитаны на уточнение и развитие в ходе последующих исследований функциональной ориентации (на материале как современного русского языка, так и более ранних этапов его развития). Вместе с тем реализация теории семантического формообразования в анализе фактического материала представляется невозможной без обращения а) к отечественной языковедческой традиции и к сохраняющим свою значимость трудам зарубежных лингвистов (см. работы [Есперсен 1958; Кацнельсон 1986а; 1986в; Курилович 1962; Мещанинов 1978; Пешковский 1938; Потебня 1941; 1958; Фортунатов 1957; Шахматов 1927] и др.) с одной стороны, и б) к разрабатывающим частные проблемы грамматики исследованиям, результаты которых могут способствовать решению целого ряда вопросов семантической деривации.

Следует заметить, что темпоральные формы семантического образования – разумеется, как случаи переносного употребления – изучаются с давних пор преимущественно на материале современного русского языка (целенаправленно или при разработке других грамматических явлений: [Бондарко 1965; 1971; Ермоленко 1987; Прокопович 1982; Шмелев 1960] и др.). Специальных же работ по и с т о р и и безморфемного формообразования нами не зафиксировано.

Все вышесказанное определяет **актуальность** исследования семантического образования в историческом плане, составной частью которого является изучение темпоральных форм, созданных семантическим способом, в русской повести XVII столетия.

Отметим, что в работах, исследующих морфологию глагола интересующей нас эпохи (специально или в числе других языковых явлений), с

давних пор отмечалось употребление темпоральных форм в «несобственных» функциях [Аверьянова 1955; Агафонова 1981; Бондарева 1973; Бондарко 1958; Даневич 1961; Жульева 1973; Лопушанская 1967; Черных 1953]. К сожалению, фиксируя случаи так называемого переносного употребления форм, исследователи чаще всего ограничиваются простой констатацией фактов. Упоминания о стилистических и семантических особенностях интересующих нас форм единичны.

Так, например, в своем исследовании «Особенности синтаксиса сатирических произведений и повестей XVII в. Способы выражения сказуемого» Г.Н.Аверьянова, обращаясь к форме *praesentis historici*, пишет, что о ее стилевом значении можно говорить только там, где есть четкое противопоставление единой формы прошедшего времени формам настоящего и будущего, так как в текстах, где функционируют аорист и имперфект, *praesens historicum* – это «элемент нового качества на месте исчезающих простых прошедших времен – элементов старого качества» [Аверьянова 1955: 60]. Однако исследователь не развивает свою мысль, ограничившись указанием на связь использования таких форм с проблемой выражения семантики характера протекания действия. Вместе с тем в тексте XVII века формы времени, созданные морфологическим и семантическим способами, образуют единство, далекое от отношений равновесия и равномерного распределения его компонентов: доминирующими оказываются либо первые, либо вторые – и факторы, определяющие выбор темпоральной формы того или иного способа образования, заслуживают самого пристального внимания.

В статье «Настоящее историческое глаголов несовершенного и совершенного видов в языке русских памятников XV-XVII вв.» А.В.Бондарко, изучив особенности функционирования форм «настоящего исторического», делает вывод, что употребление «настоящего исторического» глаголов совершенного вида в XV-XVII вв. уже, чем употребление «настоящего

исторического» глаголов несовершенного. В современном русском языке его вообще нет, однако это обстоятельство – не следствие постепенного исчезновения совершенного вида в настоящем историческом, а результат обобщения существующей с давних пор тенденции преимущественного употребления в настоящем историческом глаголов несовершенного вида [Бондарко 1958: 70]. На наш взгляд, проблема употребления форм *praesentis historici* (в художественной литературе старорусского периода вообще и XVII столетия в частности) заслуживает рассмотрения не только в плане видовой соотносительности глаголов, функционирующих в указанной форме. Не вызывает сомнений необходимость их изучения в качестве результатов семантической деривации, которое обеспечит объективное исследование роли указанных форм в организации текстового пространства повествовательных произведений интересующей нас эпохи.

При изучении семантического образования форм времени в повести XVII века необходимо, среди прочего, учитывать такие особенности использования глагольных форм, которых, с одной стороны, нет в современном русском языке, а с другой – не было и не могло быть в древнерусских текстах. По мнению С.П.Лопушанской, «история формирования категории времени русского глагола до некоторой степени отражает сохранение следов древнего конкретно-пространственного восприятия протекания действия во времени как начала и развития цепи событий» [Лопушанская 1961: 10]. Д.С.Лихачев отмечает, что в древнерусской литературе «художественное время не только имеет свой конец и начало, но и известного рода замкнутость на всем своем протяжении» [Лихачев 1967: 258].

С.Матхаузерова на материале произведений протопопа Аввакума показывает, что Аввакумову концепцию глагольных форм можно рассматривать как придуманную итальянскими художниками Возрождения проекционную сетку: время субъективно, оно проецируется на временную ось

самого рассказчика, что было совершенно невозможно в ранний период истории русской литературы, когда «изображаемый отрезок времени надо было воспроизвести не в опосредованной авторским субъектом форме, а в аутентическом, т.е. абсолютном или «наивно объективном» виде» [Матхаузерова 1972: 232]. В произведениях Аввакума эта древняя концепция входит составной частью в усложненную перспективу: действия, обозримые с позиции рассказчика, преходящие, «человеческие», выражены л-формой (называемой С.Матхаузеровой «прошедшим сложным»), а действия, которые нельзя обозреть с того места, откуда рассказчик наблюдает, так как речь идет о времени «вечности», относящемся к трансцендентному наблюдателю, выражены формами аориста и имперфекта.

П.В.Петрухин, исследовавший функционирование глагольных форм в «Пискаревском летописце», отмечает: «Вместо прежнего фрагментарного анналистического принципа изложения, имевшего лишь условную начальную «точку отсчета» – сотворение мира – летописец обретает реальную, «фиксированную» точку отсчета (без кавычек), исходя из которой он может рассматривать исторический материал, и этой точкой отсчета является его же, летописца, настоящее, его сегодняшний день. Прошлое для него интересно прежде всего тем, чем оно отличается от настоящего и чем настоящее ему обязано» [Петрухин 1996: 82].

Как указывает В.М.Марков, без должного внимания к формам проявления сознательного отношения к языку «невозможны ни полноценная разработка вопросов исторической грамматики, ни, тем более, разработка вопросов истории литературно-письменной нормы» [Марков 2001а: 149]. Действительно, исследование семантического формообразования невозможно без учета, с одной стороны, таких общих особенностей текстов XVII века, как сосуществование старых и новых грамматических форм, находившихся в отношениях свободного варьирования, широкое развитие грамматической

синонимии, активизация различных переходных явлений в грамматических категориях, а с другой – индивидуальных особенностей конкретной повести (личность автора, уровень его начитанности в древней и современной ему русской литературе и его критерии правильного и допустимого, художественные задачи повести и способы их решения).

Целью настоящей работы является исследование специфики семантического образования темпоральных форм в повествовательных произведениях XVII столетия, предполагающее решение следующих **задач**:

1. описание форм времени семантического образования в единстве их плана содержания и плана выражения, а следовательно – выявление основных закономерностей их функционирования;
2. установление регулярности моделей семантического образования форм времени, нашедших свое отражение в текстах повестей XVII века, путем сопоставления с темпоральными формами, представленными в текстах литературных произведений старорусского периода;
3. построение парадигмы указанных форм, отражающей перечень грамматических значений входящих в нее форм и характеризующейся однозначным соответствием позиции и связанного с ней формообразовательного средства, а также ее анализ;
4. выявление продуктивности моделей семантического образования темпоральных форм, представленных в повествовательном жанре XVII столетия, посредством сопоставления названных производных с соответствующими формами, функционирующими в литературных произведениях XIX и XX веков.

Цель и задачи диссертации обусловили **комплексную методику** анализа, направленную на достижение всестороннего охвата предмета исследования, однако ведущим можно считать *метод функционального анализа*, предполагающий рассмотрение языковых фактов в их системно-

функциональных связях. Обращаясь к исследованию семантического образования форм времени в языке XVII века как в системе одновременно существующих взаимосвязанных и взаимообусловленных элементов, мы исходим из принципа неразрывности *синхронного* и *диахронного* подходов к изучению языковых фактов: синхронное рассмотрение языка предшествует диахроническому (всегда связанному с сопоставлением по крайней мере двух последовательных стадий в языковой системе), диахронические объяснения способствуют познанию особенностей функционирования языка в синхронии.

Материалом исследования послужили 40 произведений, в числе которых – и типичные образцы повествовательного жанра, ориентированные на событийное воспроизведение действительности, и сатирические повести, построенные на нарочитом несоответствии стилистического и тематического планов художественной формы, в которых элемент литературной пародии оттесняет изображение действий и событий на второй план. Анализируются, с одной стороны, *воинские повести*, в XVII столетии активно использующие народно-поэтические мотивы («историческая», «поэтическая» и «сказочная» повести об Азовском взятии и осадном сидении, «Повесть о Сухане»); *житийные повести*, отражающие деформацию агиографического канона («Повесть о житии Варлаама Керетского», житийно-биографические повести о подвижничестве в семье и домашней жизни «Повесть о Марфе и Марии», «Повесть об Улиянии Осорьиной»); *исторические повести*, демонстрирующие нарративную стратегию разного типа (насыщенные публицистическими мотивами «Новая повесть о преславном Российском царстве», «Повесть о смерти воеводы М.В.Скопина-Шуйского», «О новоявльшемся развратнице Тишине, его же имя нарицашеся дикой вор тушинской», «Повесть о розстриге Григории» и беллетризованные «Сказание о зачатии Москвы и Крутицкой епископии», «Повесть о зачале Москвы», «Сказание об убиении Даниила Суздальского и о начале Москвы»,

«Повесть о Тверском отроче монастыре»); повести - путешествия («Челобитная Василия Полозова», имеющая, несмотря на избранную форму послания, все черты древнерусских хождений, и «Отписка Степана Тарбеева и Ивана Басова», созданная в жанре паломнических чудес, однако со ссылкой на реального очевидца); бытовые (нравоучительные «Повесть о Савве Грудцыне» и «Повесть о Горе и Злочастии», плутовские «Повесть о Шемякином суде», «Повесть о Карпе Сутулове», «Повесть о бражнике», «Повесть о крестьянском сыне», «Повесть о Фроле Скобееве») и сказочные повести («Повесть о византийском царе Михаиле», «Повесть о некоем купце Григории, како хоте его жена с чародеем уморити», «Повесть о купце», «Повесть о разуме человеческом», «Слово о купцы и сыне его и жене сыновне»); с другой стороны – сатирические повести, либо прямо пародирующие самые разные текстовые формы – лечебники («Лечебник на иноземцев»), азбуковники («Азбука о голом и небогатом человеке»), дорожники («Сказание о роскошном житии и веселии»), послания («Калязинская челобитная»), письмовники («Послание дворителное недругу»), судные списки («Повесть о Ерше Ершовиче»), наконец, Священное писание и литургию («Сказание о куре и лисице» и «Служба кабаку» соответственно), либо отсылающие читателя к различным жанрам устной словесности, вообще широко используемой в нашем материале («Слово о мужах ревнивых», «Повесть о Фоме и Ереме», «Сказание о попе Савве»). Из перечисленных произведений были извлечены и классифицированы примеры функционирования форм времени как семантического образования, так и морфологического (с которыми рассматриваемые семантические дериваты варьируются). В работе в качестве иллюстративного материала и те, и другие приводятся выборочно, хотя анализировались исчерпывающе. К исследованию по возможности привлекались наиболее ранние редакции повестей в списках XVII века. Сопоставление различных списков того или иного произведения

позволило во многих случаях уточнить значение глагольных форм, следовательно – повысить уровень объективности исследования. Сразу же отметим, что орфография всех приводимых в работе примеров из древнерусских и старорусских текстов приведена к единому образцу, ориентированному на правила, принятые издателями большинства использованных нами источников XVII века: *ять* заменен Е, *i* – И, диграф *ou* – У, *юсы* – У и Я, *омега* – О, *фита* – Ф, *кси* – КС, *пси* – ПС, *ижица* – У; *ь* сохранен только в середине слова, титла раскрыты, в текст внесены надстрочные буквы, введена современная пунктуация.

Выбор материала определяется следующими обстоятельствами. Как известно, в XVII веке писатели демократических кругов «начали создавать свою литературную традицию, принимая за основу отвечающие тому или иному случаю формы канцелярской письменности и широко используя элементы живой речи, народной поэзии, а наряду с ними – и элементы старой книжности» [Робинсон 1949: 195]. Разрыв с традицией жанров, а именно – превращение жития в житийную повесть, движение исторической повести к художественной беллетристике на историческую тему и т.д. (см. об этом применительно к нашему материалу: [Адрианова-Перетц 1977: 129; Дмитриев 1972: 191; Малышев 1956: 121; Скрипиль 1954а: 415; 1954б: 359; Тотубалин 1954: 336] и др.), давал свободу художественному домыслу, побуждал автора вдумываться в психологию, с одной стороны, своих героев, следовательно – искать точного выражения нюансов их языка, а с другой – своих читателей, и, соответственно, широко использовать выразительные средства разговорного языка эпохи. Темпоральные формы семантического образования представлены в повествовательных произведениях тем шире, чем ближе язык конкретной повести к разговорному языку эпохи. Вероятно, первоначально они характеризовали разговорную речь и уже оттуда проникали в письменные тексты вообще и художественные произведения в частности. К сожалению, мы

не располагаем точными данными о динамике форм времени безморфемного образования в диахронии. Однако в повестях XVII века, написанных в традициях старой книжности, таких форм либо нет совсем (о чем свидетельствует проведенный нами анализ текстов «Повести о некоей брани» Евстратия¹ и «Предания об основании Москвы Олегом»²), либо они единичны и при этом однотипны: таковы, например, претериты, образованные на базе форм настоящего времени в «исторической» повести Азовского цикла, или на базе инфинитива в «Повести об Улиянии Осорьиной». А.А.Потебня отмечает широкое использование форм семантического образования в языке былин [Потебня 1941: 108-116], который, по мнению исследователей, в XVII веке представлял собой разговорный, «живой язык эпохи» [Евгеньева 1944: 176]. Извечная проблема невозможности опереться в исторических исследованиях на разговорную практику при изучении семантического формообразования если и не снимается полностью, то во всяком случае трансформируется. На наш взгляд, сопоставление форм семантического образования в художественных произведениях и в памятниках бытовой и деловой письменности (которое представляется необходимым для всестороннего изучения семантического формообразования в XVII веке) может способствовать ее окончательному решению.

Теоретическая значимость работы заключается в том, что проведенное исследование позволяет восполнить пробелы в понимании истории семантической деривации в морфологии и тем самым способствует расширению теоретических основ исторической морфологии и уточнению таких понятий, как грамматическая форма, грамматическое значение, парадигма, следовательно – создает реальную основу для решения проблемы

¹ *Повесть о некоей брани* / Подготовила к печати О.А.Белоброва // АН СССР. Ин-т лит-ры (Пушкинский дом). Труды отдела древнерусской литературы. – 1970. – Т. XXV. – С. 155-159.

² *Предание об основании Москвы Олегом* / Подготовила к печати М.А.Салмина // Повести о начале Москвы. – М.-Л.: Наука, 1964. – С. 259.

изучения эмоционально-экспрессивных и образных возможностей грамматических единиц. Изучение основных особенностей семантического образования темпоральных форм в его параллелизме с морфологическим формообразованием, которое **впервые** осуществляется на материале разножанровых повестей XVII века, обеспечивает возможность системно-парадигматической квалификации семантических дериватов, что позволяет говорить о **научной новизне работы**.

Теоретическая значимость работы и ее научная новизна определяют сферу ее **практического использования**. Данные, полученные в результате проведенного исследования, могут служить базой для изучения семантического формообразования применительно к последующим периодам истории русского языка. Материалы диссертации могут быть использованы при подготовке лекционных и специальных курсов по исторической грамматике и истории русского литературного языка при характеристике письменных памятников XVII столетия.

Апробация работы проводилась на следующих научных конференциях:

1. Итоговая научная конференция преподавателей и сотрудников Казанского государственного университета 2001 г. – Казань, КГУ, 5 февраля 2002 г.
2. Итоговая научная конференция преподавателей и сотрудников Казанского государственного университета 2002 г. – Казань, КГУ, 6 февраля 2003 г.
3. Международная научная конференция «Грамматические категории и единицы: синтагматический аспект» – Владимир, ВГПУ, 24-26 сентября 2003 г.
4. Международная научная конференция «Вторые Бодуэновские чтения. Казанская лингвистическая школа: традиции и современность» – Казань, КГУ, 11-13 декабря 2003 г.
5. Итоговая научная конференция преподавателей и сотрудников Казанского государственного университета 2003 г. – Казань, КГУ, 5 февраля 2004 г.

Структура работы: диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения и библиографии, включающей перечень источников с указанием принятых в работе сокращений и списка использованной научной литературы.

Глава 1

Семантическое образование форм прошедшего времени

Формы п р о ш е д ш е г о времени, или претериты, занимают, как известно, особое место в системе времен. В них чрезвычайно четко выражено отношение к исходной точке отсчета: время обозначаемой ситуации занимает внешнее положение по отношению к моменту речи как исходному пункту реального временного дейксиса [Бондарко 1990а: 21]. Форма прошедшего времени «может отображать реализацию или нереализацию всего глагольного действия в целом, а не одной лишь его «срединной» части, как это имеет место при актуальном настоящем. С другой стороны, несколько дефинитивных действий в прошлом могут быть связаны между собой столь же дефинитивными временными отношениями одновременности, предшествования и следования (а не только отношением одновременности, как в настоящем времени). Таким образом, сфера прошедшего характеризуется наибольшей определенностью и разнообразием как внутренней темпоральной структуры глагольных действий, так и внешних темпоральных отношений между ними» [Сильницкий 1990: 95].

Прежде чем перейти непосредственно к изложению наших наблюдений, рассмотрим формы прошедшего времени морфологического образования, представленные в нашем материале. Их обзор предпринимается нами с единственной целью – обозначить круг форм, с которыми грамматически варьируются претериты семантического образования. В нашем материале формы прошедшего времени морфологического образования представлены л-формой, древнерусским «перфектом» со связкой (разделяя мнение В.М.Маркова о неоправданности употребления термина «перфект» [Марков 1997], мы вынуждены использовать его за неимением лучшего), аористом и имперфектом. Как правило, рассказ о происшедшем ведется от третьего лица,

поэтому наиболее частотными являются формы прошедшего времени 3-го лица единственного и множественного числа (формы двойственного числа в нашем материале единичны, причем их употребление в повестях старой книжной традиции определяется сознательными грамматическими предпочтениями авторов, а в повестях новой – несамостоятельно и обусловлено текстуальными связями со сложившимися в древности произведениями жанра (ср. [Жолобов 2002: 149]). Формы 1-го и 2-го лица фиксируются преимущественно в диалогах, занимающих достаточно скромное место в пространстве повествования.

Л-форма является наиболее частотной формой в целом: этот универсальный претерит, имеющий значение действия, отнесенного в прошлое и дифференцируемый по совершенности/несовершенности (см. [Маслов 1984: 40]), образуется от любых глагольных основ без каких-либо ограничений и функционирует в самых разных повествовательных произведениях: *И в том своем слове запрение **учинил**, яко несть говорил и аки в темне храмине, в сквернем своем теле лукавую душу **затворил*** Нов. пов. Рос. царств., 21 (здесь и далее арабская цифра после запятой обозначает номер страницы издания, по которому цитируется текст); *О чем тогда ты их **не послушал**? **Не захотел** ты им покориться, **постыдился** им поклониться* Пов. Горе Зл., 10; *А **взяли** его атаманы и казаки зимою: **шол** ис того града Азова* Ист. Азов., 51 и др.

Старый перфект со связкой, к которому генетически восходит л-форма, обозначал в исходной морфологической системе, реконструированной для древнейшего периода развития русского языка, состояние в настоящем времени, явившееся результатом прошедшего действия. Его употребление характеризует преимущественно повести XVII столетия, ориентированные на старую книжную традицию: *Она же тяжело вся то внят, еже он поведи пред многими, и рече: «**Соблазнился еси**, егда о себе глаголеши; кто есмь аз грешница, да буду достойна сего нарицания»* Пов. Уляян., 280-281; ***Отшел еси** от сего света, **возлюбил еси** Небесному царю воинствовати, а нас **еси** кому*

ты *оставил*? Пов. воев. Шуйск., 31; *Такоже сий новый Ярослав, князь Андрей Александрович, прослезився горце по брате своей, князе Даниле Суздальском, и воздев руце на небо и рече со слезами: «Господе, владыко творце и всему создатель, мстил еси ты кровь праведну Бориса и Глеба князю Ярославу на окаянного Святополка. Такожде, господи владыко, мсти кровь сию неповинную, мне грешному»* Сказ. уб. Дан., 206; *Аще восхотел еси* жениться, да поимеши себе жену от велмож богатых, а не от простых людей и небогатых и худейших и безъотечественных, да не будеши в поношении и уничижении от своих родителей, и от бояр и друзей и от всех ненавидим и от мене удален стыда ради моего

Пов. Тв. мон., 117 и др. Исключение составляют сатиры «Служба кабаку», «Сказание о куре и лисице» и «Повесть о бражнике», в которых функционирование старого перфекта, как, впрочем, и старых простых претеритов, не связано с обычным для текстов нашего материала использованием той или иной формы прошедшего времени в качестве своеобразного модификатора глагола. «Служба кабаку» пародирует литургию, поэтому появление в ней форм старого перфекта определяется наличием подобных форм в тексте богослужебной книги: *В три дни очистился еси до нага* Сл. каб., 46 (ср. *В третий день воскресл еси, Христе* «Трефологий»). Чаще всего в «Службе кабаку» отмечаются формы 2-го лица единственного числа, другие формы крайне редки: *Житьем своим процвели есте, яко голики, чем баню метут* Сл. каб., 51; *Днесь есми был* пьян, не помню, как с кабака свели Сл. каб., 55. Сходное употребление старого перфекта находим в «Сказании о куре и лисице» и «Повести о бражнике», герои которых обнаруживают блестящее знание богослужебных книг: *Чадо мое милое, громкогласны кур! Вознеслся еси ты на прекрасное древо* Сказ. кур., 73; *Перелстила ты еси* меня лестными словами и лживыми Сказ. кур., 76; *Аз есмь* жены своя не слушивал, а души не погубил Пов. бражн., 108.

Отдельного упоминания заслуживают отмеченные в нашем материале конструкции, считающиеся результатом сложной семантической эволюции древнерусского плюсквамперфекта. Известно, что развитие грамматической категории вида, в связи с которым характер протекания действия начал выражаться видом и лексическим значением глагола, а не специальными его формами, обусловило изменение как формы, так и семантики плюсквамперфекта (см. [Маслов 1984: 40]). В повестях отмечаются, во-первых, конструкции «был (-а, -о и т.д.) + л-форма спрягаемого глагола» в исконном для древнерусского плюсквамперфекта значении прошедшего действия, совершившегося ранее другого прошедшего действия (или отнесенного к прошлому результата еще ранее совершенного действия): *Отець мой и мати моя **оставили** мне имение **были** свое, да лихие люди всем завладели* Азб. гол., 230; во-вторых, более поздняя конструкция «неизменяемая частица *было* + л-форма» со значением действия, готовившегося в прошлом, но не осуществившегося (или действия, начавшегося в прошлом, но прерванного другим действием): *И еще я вам скажу, как Ершь меня обманул, когда **было** яз **пошел** из вотчины своей реки Которости к Ростовскому озеру, и тот Ерш встретил меня на устье, пустил до озера да назвал меня братом* Пов. Ерш., 11.

Аорист, называющий четко локализованное во времени прошедшее (длительное или мгновенное) действие, мыслимое как единичный, полностью законченный в прошлом акт, является в нашем материале вторым по употребительности претеритом после л-формы и также фиксируется в повестях различной направленности: *Свекры же глагола ей: «Како ты свой нрав **премени**, егда **бе** хлебу изобилие, тогда **не** **могах** тя к раннему и полуденному ядению принудити»* Пов. Улиян., 278-279; *Потом **моли** мужа отпустить ю в монастырь; и **не** **отпусти**, но **совеща**стася вкупе жити, а плотного совокупления не имети* Пов. Улиян., 280; *Никим же е нудими, никим же посылаеми, но сами **восхотехом** и по своей нашей воле за имя Христа*

истиннаго бога нашего и за обиду Росийскаго государства единодушно помереть и крови своя пролияти Ист. Азов., 54; *И **начаша** напрасно семо и овамо искати, и абие **обретоша** парус и едва **извлекоша** на лодью* Пов. жит. Кер., 195; *Сродники же ево **хватишася** и **ста** по граду искати и **не обретоша** нигде* Пов. куп., 128 и мн. др.

Формы имперфекта, передающие более длительное, неограниченное ко времени или повторяющееся (без ограничения этой повторяемости) действие, немногочисленны, причем их употребление тем более ограничено, чем ближе язык повести к разговорному языку эпохи: *Сей убо **бьяше** град Азов* Ист. Азов., 47; *И после того разорения в том граде Азове **живяху** поганския люди* Ист. Азов., 47; *А на выласках от нас из града все видеша бусурманы, турки и крымцы и нагаи, мужа храбра и младова во одежде ратной со едином мечем голым на бою ходяще, множество бусурман **побиваше*** Поэт. Азов., 79; *От того же нищим **даяше** и никого нища тща не отпусти* Пов. Улиян., 282; *И **живяста** во всяком благоверии и чистоте и **имяста** сыны и дщери* Пов. Улиян., 276 и пр.

Отметим, что изучение особенностей функционирования старых форм прошедшего времени в повествовательных произведениях указанной эпохи с давних пор приводит к разным, подчас противоположным выводам. Так, Г.А.Хабургаев и О.Л.Рюмина настаивают на несовпадении между русской и церковнославянской системами в XVII веке, считая, что тексты XVII в. с таким общим соотношением форм прошедшего времени, как преимущественно аорист и имперфект и незначительно – перфект, по языку являются церковнославянскими и их анализ выявляет особенности церковнославянского языка русской редакции XVII в., а не церковнославянского слоя в русском литературном языке этого времени; что авторы произведений художественной литературы используют именно церковнославянскую систему времен, причем ориентация на нее, судя по

«Грамматикам» и «Риторикам» этого времени, является вполне сознательной и определяется литературными установками эпохи [Хабургаев – Рюмина 1971: 68-70]. Н.М.Сабельфельд выделяет 2 системы форм – народную и книжно-литературную – в р у с с к о м языке [Сабельфельд 1985: 6], отмечая, что аорист, имперфект и л-форма в рамках книжно-литературной системы обладают четко противопоставленными друг другу значениями. В.А.Жульева пишет, что «в устах исследователей памятников делового письма «мертвое», «искусственное», «традиционное», «книжное» имеет принципиально иное значение, чем те же категории по отношению к собственно литературным источникам, а между тем это важное различие принимается во внимание далеко не всегда. Изучение памятников художественной прозы XV-XVII веков приводит к выводу, что аорист и имперфект без сомнения не только составляли устойчивую принадлежность вполне живых и популярных форм литературного повествования в ранний период древнерусского языка, но и в последующие века обнаруживали своеобразную жизненность, выходящую за пределы обособленных в стилистическом отношении контекстов» [Жульева 1973: 5]; при этом исследователь отмечает четкую функционально-стилистическую дифференциацию форм аориста и имперфекта, подчеркивая, что случаи нарушения их согласования единичны. Ю.В.Фоменко указывает, что случаи взаимозамены аориста и имперфекта, замены аориста перфектом и кратким действительным причастием, а также образование аориста от заведомо имперфективных основ и имперфекта – от перфективных, свидетельствуют о «семантическом выветривании» и «грамматической слабости» старых претеритов, которые в XVII веке уже не являются частью системы, так как вытеснены на ее периферию [Фоменко 1963: 6-7] (ср.[Рюмина – Крепких 1990; Морозова Е.С. 1997]). А.В.Даневич полагает, что система времен в повестях XVII века – та же, что и в современном русском языке; и хотя параллельно с л-формой употребляются аорист и перфект со связкой, ошибки в образовании

указанных форм и «смутное понимание авторами функций этих времен в предложении свидетельствуют о том, что эти формы уже выполняют стилистическую роль разрисовки произведения под книжно-церковную старину» [Даневич 1961: 10]. Исследования показывают, что перестройка системы форм прошедшего времени, реконструированной для исходной морфологической системы древнерусского языка, изменила первоначальные значения простых претеритов (аорист – длительное либо мгновенное действие, целиком отнесенное в прошлое и мыслимое как единичный, полностью законченный в прошлом акт; имперфект – длительное, неограниченное ко времени или повторяющееся действие без ограничения этой повторяемости). Приобретение л-формой, также пережившей сложную семантическую эволюцию, общего значения предшествования действия моменту речи означало отказ от обозначения формантом времени характера протекания действия и перевод всех «частных» временных значений в функциональный план, следовательно – разрыв связи формы времени с видовым значением глагольной основы (которая существовала у аориста и имперфекта). Тенденция к дополнительному распределению форм времени у членов видовой корреляции (коррелят несовершенного вида образовывал формы настоящего времени, имперфекта, действительного и страдательного причастия настоящего времени и противопоставлялся корреляту совершенного вида, сначала бывшему коррелятом т.н. «общего» вида и образовывавшему формы настоящего/будущего времени, действительного причастия прошедшего времени на -в- и страдательного причастия прошедшего времени) перестала действовать [Силина 1982: 192-195]. Таким образом, в свете всех обстоятельств эволюции простых претеритов и на фоне бурного развития в старорусском языке XV-XVII веков различных способов глагольного действия становится очевидным, что семантика характера протекания действия в XVII веке может быть выражена как «старым», так и «новым» способами. При этом выбор

зависит от жанра, в котором работает автор повести, а также связан с задачей создания определенного колорита, наличием специальных речевых установок и пр. Их сосуществование в текстах повестей, разумеется, нельзя отождествлять с взаимозаменяемостью «старых» и «новых» форм, но и игнорировать недублетные средства выражения интересующей нас семантики в угоду некоему «семантическому инварианту» – неправильно. Ошибки в образовании форм аориста и имперфекта в повестях старой книжной традиции (где они зачастую составляют большинство форм прошедшего времени), на наш взгляд, свидетельствуют лишь об отсутствии указанных образований в живом языке XVII столетия, но никак не о смутном понимании их функций, в связи с чем в настоящей работе простые претериты рассматриваются как у с т а р е в ш е е к начальному периоду формирования русского национального языка средство той или иной интерпретации прошедшего действия – чуждое языковой системе, но не внешнее жанровой (оправдывающей воплощение нового принципа выражения мысли в старых формах [Колесов 1989: 281]). Книжник рассматриваемой эпохи «не видит еще реальной системы языка и результаты абстрагирующей работы мысли конструирует на основе традиционных текстов» [там же: 244].

Составляющее задачу настоящей главы выявление особенностей функционирования претеритов семантического образования позволит дополнить описание эмоционально-экспрессивных и образных возможностей форм прошедшего времени в повествовательном жанре XVII века.

1.1. Формы прошедшего времени, образованные семантическим способом на базе форм настоящего

Традиционное название подобных форм – формы настоящего исторического, или *praesentis historici*. Сходные формы, функционирующие в сценических ремарках драматического произведения, и называемые формами настоящего сценического (*praesentis scenici*), с одной стороны, представляют собой указания для актеров, т.е. относятся к вневременным фактам и стоят на одном уровне с другими общими предписаниями (встречающимися в уставах, правилах употребления, поваренных книгах и т.д.), а с другой – служат для читателя суррогатом действия пьесы, что сближает их до некоторой степени с настоящим историческим [Кошмидер 1962: 162].

Функционирование в литературных произведениях форм прошедшего времени, образованных семантическим способом на базе настоящего, в течение долгого времени оставалось практически неизученным в диахронии (если не считать некоторых – сделанных в связи с анализом видо-временных отношений – замечаний об использовании названных форм в народной поэзии: см., например, [Потебня 1941: 108-116; Размусен 1891: 389-391; Овсяннико-Куликовский 1902: 104]; отметим, что сказанное в полной мере относится и к претеритам, мотивированным формами будущего простого, которые в указанных работах анализируются параллельно с рассматриваемыми образованиями). Первым исследованием, целиком посвященным функционированию форм так называемого «настоящего исторического» в художественных произведениях XVII столетия, стала работа А.В.Бондарко «Настоящее историческое глаголов несовершенного и совершенного видов в языке русских памятников XV-XVII вв.» [Бондарко 1958]. Автор отмечает, во-первых, отсутствие в «настоящем историческом» видового противопоставления (имеется в виду возможность замены форм «настоящего исторического» л-

формами как несовершенного, так и совершенного видов); во-вторых, преимущественное употребление в нем глаголов несовершенного вида. Отметим, что формы «настоящего исторического» в исследованиях последних лет называются формами не настоящего, а прошедшего времени, наравне с аористом, имперфектом, л-формой [Петрухин 1996: 77-78].

Претериты, мотивированные формами настоящего времени, с давних пор представляют собой наиболее распространенное средство организации текстового пространства повествовательного произведения, однако, как подчеркивает О.Есперсен, «каким бы художественным приемом драматическое настоящее время не являлось, не следует думать, что по своему происхождению оно не связано с народным языком» [Есперсен 1958: 301] (см. тж. [Виноградов 1986: 466]). По мнению Д.Н.Овсянико-Куликовского, употребление «мнимого настоящего ... составляет характерную черту языка народной поэзии. Оно наглядно обнаруживает истинное значение мнимого настоящего – как прошлого» [Овсянико-Куликовский 1902: 104]. Примечательно, что А.А.Потебня пишет относительно использования аориста взамен греческого *praesentis historici* в старославянском переводе Библии: «быть может, переводчик чувствовал, что настоящее историческое, столь обыкновенное теперь ..., дало бы повествованию слишком простонародный, сказочный тон» [Потебня 1941: 158].

Повествовательные произведения XVII столетия, в которых используются л-формы глаголов несовершенного вида, формы имперфекта и формы прошедшего времени, образованные семантическим способом на базе настоящего, демонстрируют функциональную близость названных претеритов. На это указывает не только их варьирование в пространстве текста. Сопоставление различных списков одного и того же произведения свидетельствует о возможности замены рассматриваемых форм: *И приехав перевозчик, а сам **говорит*** (в другом списке: *глаголаше* – Р.С.) Сказ. уб. Дан.,

201; *Еще бо и он без вреда **пребывает*** (в другом списке: *пребываше* – Р.С.) *от них, но восхоте и протчим человеком путь без вреда сотворити* Пов. жит. Кер., 192; *Аще бо и нецыи от окрестных стран враждующе **поносят*** (в другом списке: *поношаху* – Р.С.) *ему* Пов. зач. Моск., 174; *А каким переводом и что на том образе пречистые богородицы подпись, и он того нам сказати **не умеет*** (в другом списке: *не умел* – Р.С.), *потому что он в полон взят давно и русково обычая отвыкл* Отп. Тарб. Бас., 272. Ср. замечание П.В.Петрухина о функциональном тождестве и взаимозаменяемости трех форм несовершенного вида: имперфекта, л-формы и «настоящего исторического» в «Пискаревском летописце» [Петрухин 1996: 78 и сл.]. Случаи замены претеритами, производными от форм настоящего времени, форм аориста или л-форм глаголов совершенного вида, немногочисленны: *Малые же дни помедлив, и сын его Савва на устроенных судах по повелению отца своего к Соли Камской плавание творити **начинает*** (в других списках: *поплыл / в путь коснулся*, наряду с которыми, однако, отмечается *пути касался* – Р.С.) Пов. Груд., 235; *И по некоем времени отаи **приводит** я к ложу его и **предает*** (в других списках: *приведе* и *предаде* соответственно – Р.С.) *того в руце врагом* Пов. зач. Моск., 179.

Характерное для рассматриваемых форм подчеркнутое выражение процессуальности используется для создания разнообразных стилистических эффектов.

Так, форма прошедшего времени, мотивированная формой настоящего, в изолированном употреблении позволяет выделить ключевые моменты в рассказе о прошедших событиях. Отметим, что в качестве ее контекстуального окружения могут выступать любые формы прошедшего времени морфологического образования: л-формы (*А наши очи то не видели, лише мы по утру по убитом **знаем**, что дело божие, не рук наших: пластаны люди турские, иссечены наполю* Поэт. Азов., 79; *И видя то страшное чудо, арапы и*

иные многия бусурманы и тому чуду дивилися. И греческого патриарха **называют** безбожным еретиком Чел. Вас. Пол., 267; Молодец пошел пеш дорогою, а горе под руку под правую, **научает** молотца богато жить Пов. Горе Зл., 13; И после того князь с тем же греченином Василием спустя 4 дни наехали горы, а в горах тех **стоит** хижина Зач. Моск., 246; Мне начесь спалось да много видилось: пришли ко мне два анъела и **говорят**: много-де у тебя, поп, в мошне денег, мы-де их вынем, сочтем и в обтеку снесем Сказ. Сав., 71-72; В полунощи прислал царь к нему того сенатора, дабы ехал к венчанию. Купец же **сорежаетца** для сочтования законного брака Пов. куп., 132; Лучилось ему приехати к оленю; а олень, стоячи в болоте, **обивает** левою ногою от левого уха мухи и мошки. И он, приехав, ево застрелил Пов. раз., 325), формы аориста (Но скоро **доходит** вестъ в Володимер-град ко князю Андрею Александровичю, что здеяся таковое злоубивствие над братом его Даниилом Сказ. уб. Дан., 205; И скоро ту князю смерть **дают** лютую, мечи и копьи прободоша ребра ему и отсекоша главу ему, в том же трубце покрыша тело его Сказ. уб. Дан., 204; Потом же тот купецкий сын взя тело и **не ведает** куды схоронити Пов. куп., 127; В ноци же той возляже опочинути и в сон тонок введен бысть и **видит** на том месте аки поле чистое Пов. Тв. мон., 123), а также формы имперфекта (И егда пришед юноша, жена его видево и диаволом подстрекаема, радостно **сретае** его и всяким ласканием приветствоваше его и лобызае его Пов. Груд., 241; Лисица же скрежетае зубы и, глядя на него немилостивым оком, аки диавол немилостивы на христиан, **поминает** грехи куrowы Сказ. кур., 74).

Форма прошедшего времени, образованная семантическим путем на базе настоящего, способна подчеркнуть не только важность осуществления тех или иных прошедших действий, но и особенно тесную связь между ними: Той убо Фома Грудцын видя в России великое нестроение и нестерпимыя пакости от нечестивых ляхов и не хотя жити, **оставляет** великий град Устюг и дом свой и **преселяется** с женою своею в понизовый царственный град Казань Пов.

Груд., 235; *И понеже преподобный извещение прием от бога, вскоре **оставляет** мир и **бывает** инок, и в пустыню вселился и, божиею помощию бесовские полки победив, с миром ко господу отиде в Чюпской губе* Пов. жит. Кер., 192 (отметим, что в нашем материале подобные формы глагола *бывать* единичны: *Савва же, аще и убоясь ехати противу такового страшнаго воина, обаче по словеси брата своего беса немедленно **бывает** противу того* Пов. Груд., 251; чаще отмечается омонимичная указанной форма настоящего постоянного: *И после того в полках их почела быти стрельба пушечная и мушкетная великая: как есть стала гроза великая над нами страшная, будто гром велик и молния ото облака **бывает** с небеси* Поэт. Азов., 61). Для сравнения приведем отрывки из тех же повестей: следующие друг за другом действия обозначены разными формами прошедшего времени, так как автор не видит необходимости подчеркивать их особую связь: *Бес же **зовет** Савву и об едину ноц из Кузмодемьянска приидоша на реку Оку* Пов. Груд., 245; *Еще бо без вреда **пребывает** он от них, но и протчим человеком путь без вреда сотвори* Пов. жит. Кер., 192.

Использование в пределах одного контекста нескольких претеритальных форм семантического образования дает возможность выделить в рассказе о прошедших событиях ту или иную существенную для дальнейшего развития действия сцену: *А в те поры брата моево з детми рыболовы поволокли на берег, а он, вор Ершь щетина, в малую ячейку из неводу и вывернулся, аки бес, а брата моево на берег выволокли да обухами и з детми прибили, и Ершь **скачет** да **пляшет**, а **говорит**: «А дак-де нашево Абросима околачивают»* Пов. Ерш., 12; *Загаркал, напустил на них. **Свищет** надубок в руке богатырской, **ломаются** древа копейные, **цепляются** щиты татарские, **валяются** шоломы их з головами татарскими* Пов. Сух., 141; *И оне, бусорманы, догадалися – к нам на стрелах почали ерлыки метать. А в ерлыках они в своих **пишут** – **просят** у нас пустова места азовскаго, а **дают** за него выкуп на всяково*

молотца по 300 тарелей серебра чистово да по 200 золотых червонных арапских Поэт. Азов., 77; *Предреченный же отрок той, усмотря время благополучное и припаде к ногам великого князя и **молит** его со многими слезами, и **возвещает** ему свою мысль, да сочается законному браку, яко ему годно бысть; красоту и возраст и разум девицы оныя **изъявляет*** Пов. Тв. мон., 117; *И лучилося царю опять ехать тою ж дорогою мимо тое ж мизгити. И **сидят** на той мизгити две совы друшка к дружке носами, кабы что **говорят**. И царь, на них глядя, вспаметовал да учал спрашивать: «Кто, де, беи у меня языку птичью горазд?»* Пов. раз., 326; *Уже Фрол Скобеев **живет** роскошно и **ездит** везде по знатым персонам. И весма Скобееву удивлялис, что он зделал такую притчину так смело* Пов. Скоб., 165; *И не было у Кучка боярина круг его красных сел ограды каменные, ни острогу деревянного, и немного возмог Кучко боярин боем битися. И не вдолге князь Андрей своей силою войскою **емлет** приступом селы и слободы красныя...и Кучка боярина и с его детми в полон **емлет**. И **куют** их в железа крепкие и **казнят** его и з детми его всякими казнми розноличными лютыми. И ту Кучко боярин и своими детми злую смерть прия в лето 6997 месяца марта в 17 день* Сказ. уб. Дан., 208.

Следует отметить, что примеры функционирования нескольких подобных форм в зачине повести отмечаются лишь в сатирах: ***Стоит** дерево высоко и прекрасно, а на том дереве **сидит** кур велегласны, громкогласны, громко **распевает**, Христа **прославляет**, а христиан от сна **возбуждает*** Сказ. кур., 73; *Послушайте, миряне и все православные христиане, что ныне зделалася, великое чудо учинилася над долгим попом, над прямым дураком, от Козмы и Домияна из-за реки, а в приходе у него богатые мужики. А **зовут** его, попа, Савою, да не мелак он славою: аще **живет** и за рекою, а в церкву ни ногою* Сказ. Сав., 70. Традиционное для самого начала «серьезного» повествования противопоставление авторского настоящего настоящему героев произведения предполагает использование форм прошедшего времени

морфологического образования: *Лета 7150-го году октября в 28 день **приехали** к Москве к государю царю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа Руси самодержьцу з Дону из Азова города донския казаки* Поэт. Азов., 59; *В лета великаго князя Ярослава Ярославича Тверскаго **бысть** у сего великаго князя отрок* Пов. Тв. мон., 116; *В некоторой стране **живяше** купец славный и богобоязлив и нищелюбив* Пов. куп., 126 и т.д. В исторических, воинских, житийных, сказочных и прочих повестях формы прошедшего времени семантического образования выделяют то или иное звено в цепи событий, когда герой, место и время действия уже известны читателю. Однако сатирические повести – произведения злободневные: время героя намеренно не отстраняется от времени автора и читателя, более того – исторические события реального прошлого представлены как вполне обычные для настоящего. Вероятно, по этой причине уже во вступительной части сатирического произведения функционируют претериты, образованные семантическим путем на базе форм настоящего времени. Они способны сразу же актуализировать описываемые события, представив обозначенные ими действия как «общевременные».

Контексты, в которых интересующие нас формы семантического образования повторяются, отмечаются не только в повестях, созданных в традициях былин (для которых стилистический повтор – одно из основных лингвистических средств ретардации) – *И поехал Сухан ко дуброве зеленой, и наехал сыр-зелен падубок, да вырвал ево и с кореньем, да едет с ним не очищаючи. И как выезжает из добровы зеленые, а не белое каменье на горах **белеются, белеютца** доспехи их во всех полках* Пов. Сух., 140 – но и в произведениях, выдержанных в стиле старой книжности: *На утрое же свитающе дни, утреннему славословию кончану, солнцу паки возсиявшу и второму часу наставшу, и паки **стекается** всенародное множество со всего Московского царства, понеже во вчерашний день не всем в слух внидоша и не*

ведомо, где погребен будет. Ныне обое слышат и сего ради безчисленное множество отовсюду **стекаются** мужие и жены и, по предреченному, старцы со юнотами, нищими, слепии и хромии; иже есть хто неведаше его во плоти, но слышавшие его храбрость и на враги одоление, и поне погребанию его сподобятся причетницы быти. И тако торжыща истоцишися и купилища быша порозни оставльшие, а раби – господей своих службы, и дома порозни быша жителей своих: всяк возраст **стекается** на погребение его Пов. воев. Шуйск., 34; Она же, яко ехидна злая, скрывает злобу в сердце своем и подпадает лестию к юноши оному. Принесенну же бывшу вину, абие **наливает** в чашу и **подносит** мужу своему. Он же испив, благодаря бога. И потом **наливает** сама испив. И абие **наливает** отравнаго уготованнаго зелия и **подносит** юноше оному Савве Пов. Груд., 238.

Особого внимания заслуживают примеры функционирования исследуемых форм на фоне расширенного настоящего и настоящего актуального (морфологического образования). Форма расширенного настоящего указывает на отсутствие временных ограничений: значение общевременности ближе всего к настоящему времени, также включающему в себя элементы прошлого и зародыши будущего [Виноградов 1986: 465]. Поэтому соседство с нею формы прошедшего времени, образованной семантическим способом на базе настоящего, усложняет перспективу. Авторское, «субъективное» изображение прошедшего действия совершающимся словно бы в момент речи и отстраненное, «объективное» воспроизведение условий совершения этого действия объединяются: *В прежние времена, как мы не умели пива пити, всяк **зовет** и на дом **ходят**, и мы **не ходим**, и в том гнев **живет** от друзей своих. А ныне где и не зовут, и мы идем своим напрасньством* Сл. каб., 47; *И та мамка **ведает**, что у Фрола Скобеева есть сестра, девица. И приехала та мамка в дом Фрола Скобеева* Пов. Скоб., 156; *И как услышел Фрол Скобеев от мамки и **не ведает**, что*

делать, и **не знает**, как кого обмануть, для того что ево многия знатныя персены знали, что он Скобеев дворянин небогатой, толко великою ябидо, ходатайствует за приказными делами Пов. Скоб., 160; И на те их разговоры пришел Фрол Скобеев и отдал всем столникам как по обычаю поклон. И все столники Фрола Скобеева знают и кроме всех столников пал перед ногами Скобеев столнику Нардину Нащокину и **просит** прощения Пов. Скоб., 162-163 и т.д.

Сходный процесс наблюдается в случаях объединения в одном контексте подобных претеритов и форм настоящего актуального морфологического образования: **Говорят** молотцу люди добрыя: «что еси ты, доброй молодец? Зачем ты на пиру невесел сидишь? Кручиноват, скорбен, нерадостен? Ни пъешь ты, ни тешишься? Да ничем ты на пиру не хвалишься?» Пов. Горе Зл., 6; И Фрол Скобеев **видит**, что признать она ево не может, то Фрол Скобеев пал перед ногами той мамки и объявил ей о себе Пов. Скоб., 157; Потом столник Нардин Нащокин поехал в монастырь к сестре своей. Долгое время **не видит** дочери своей и спросил сестры своей «Сестрица, что я не вижу Аннушки?» Пов. Скоб., 161; И столник Нардин Нащокин приехал в дом свои и пошел в покои, жестоко **плачит** и **кричит**: «Жена, жена! Что ты ведаешь, я нашел Аннушку!» Пов. Скоб., 163 и т.д. Отметим, что сосуществование различных форм настоящего времени морфологического образования и форм прошедшего времени семантического образования характеризует преимущественно повести, наиболее близкие к разговорному языку XVII века.

Нами зафиксированы контексты, в которых претериты, образованные семантическим путем на базе форм настоящего времени, соседствуют с формами прошедшего времени, созданными на базе форм будущего простого. Первые используются так же, как и в изолированном употреблении, а именно — для подчеркнутого выражения процессуальности. Вторые, как правило, имеют

значение неоднократно повторявшегося в прошлом действия – *Не токмо государь наш подвигом своим врагов устрашал, но и мыслию помыслишь на врагов на Литовских и польских, и оне и от мысли твоя дале **бегут**, со страхом **емлются**. И как ты, государь наш в полцех у нас поедешь, и мы, аки на небесное солнце, назреться **не можем*** Пов. воев. Шуйск., 32; *Али ж я спал дома на перине, проснулся, ан уш в патриаршей хлебне на рогозине, и **хожу** по хлебне, покличу, ан с шелепом ко мне навстречу* Сказ. Сав., 72; *И того огня засветил свещу греческой патриарх и по браде своей поведет, и огонь брады **не палит**. И видя то страшное чудо, арапы и иныя многия бусурманы и тому чуду дивилися* Чел. Вас. Пол., 267; *И Сухан **бьет** татар надубком на все четыре стороны, куды Сухан ни оборотится, тут татар костры **лежат*** Пов. Сух., 141 – хотя в некоторых случаях представляют действие как единичное: *И случитца по некотрому времени тому столнику Нардину Нащокину ехать в гости з женою своею, и **приказывает** дочери своей, ежели пришет по тебя из Москвы сестра корету и с возниками, то ты поезжай к ней* Пов. Скоб., 159; *И сия изрече, со гневом поемлет Савву оттуду и **приходит** с ним во град нарицаемый Шую и тамо пребываху неколико время* Пов. Груд., 246 и т.д.

Следует отметить, что данные исторических исследований свидетельствуют об общеязыковом характере функционирования претеритов, омонимичных формам настоящего времени, в начальный период формирования русского национального языка. Так, указанные формы, именуемые формами «настоящего исторического» (*praesentis historici*) либо формами настоящего времени в значении прошедшего, фиксируются В.А.Бондаревой в языке бытовой и деловой письменности XVII века [Бондарева 1973], А.В.Бондарко, как уже указывалось выше, – в повестях и публицистике XV-XVIII столетий [Бондарко 1958], С.П.Лопушанской – в документах «Слова и и дела государевых», наиболее непосредственно отразивших живую стихию разговорной русской речи XVII века [Лопушанская 1967: 69-70],

С.Д.Никифоровым – в художественной литературе, публицистике и деловых документах второй половины XVI столетия [Никифоров 1952: 174], П.В.Петрухиным – в летописных повестях XVII века [Петрухин 1996: 78]. Наш собственный анализ севернорусских житий XVI-XVII веков, созданных в традициях «демократической» новгородской агиографии и отразивших воздействие устных легендарных преданий и сюжетных мотивов³, демонстрирует умелое использование рассматриваемых претеритов в житиях Адриана Пошехонского (*Соседи же воскочиша к нему на гору, чая зверя, он же **показует** им образ пречистыя богородицы* [Дмитриев 1973: 202]), Александра Свирского (*К родителема **приходит** и **украдает** отпущение. Просит по обычаю молитву и благословение, глаголя «Господие мои, до оной веси яко вдале трею поприщ, орудие имам ко онсице (имя тому прилож), и аще обрет пред вами милость, благословен вами и отпущен да буду, и аще укуснит ми ся тамо, да не прогневаются на мя». Отец же его, угодие ему творяше, - «Господь с тобою, - глаголя, - чадо, да благословит тя и исправит путь твой». Мати же его, яко матерем есть обычай, объемиши его и целовавши любезно, и отпустиста с миром, заповедавши и скоро возвратитися* [Дмитриев 1972: 186]), Артемия Веркольского (*Агафоник ... ходяи по тому месту лесом, иде же **лежит** тело святого праведного Артемия ... и возсия свет от места того* [Дмитриев 1973: 254]), в житии Никодима Кожеозерского (*Та же некогда сяду ему по обычаю на месте своем, иде же обыкновенно **есть** продаяти случившаяся ему, и се прииде к нему некий муж* [Дмитриев 1972: 190]), в чуде «О страждущих человецех в седми судах» в житии Зосимы и Савватия Соловецких (*Сице нам вопиющим и обеты **воздаем** грехов своих, и уже*

³ Здесь и далее по изданиям [Дмитриев 1972], [Дмитриев 1973] цитируются жития Адриана Пошехонского (1-я часть – повесть о гибели святого, созданная в 1571-1572 гг.), Александра Свирского (1545 г.), Артемия Веркольского (1-я редакция, составленная около 1618 г.), Зосимы и Савватия Соловецких (чудеса, вписанные в житие на протяжении XVI в.), Иоанна и Логгина Яренгских (1-я редакция – сборник записанных между 40-50-ми гг.XVI и 20-ми гг. XVII в. рассказов, редакция Сергея Шелонина середины XVII в. и 3-я редакция – более поздняя переработка Сергеевой) и Никодима Кожеозерского (XVII в.).

живота отчаявшимся и не надеемся живыми быти. Ту аби чудно есть видети, и не токмо видети, но и слышати – преславно вскоре бог милость свою посылает молитвами преподобных отец Зосимы и Савватиа. В том чясе скоро около нас ледов начаша ставитися и высоко, аки руками полагахуся, к нам же нимало притисняхуся [Дмитриев 1972: 196]), в Сергиевой редакции жития Иоанна и Логгина Яренгских (*Воздуху же служащу посивну сущу, вспять возвращаются. И море на свою плещу тихостию кораблец со преподобнаго телом ношаше* [Дмитриев 1972: 200]), в 3-ей редакции того же жития (*От сих же некия собращася от своего пребывания три человека, касаются пути по берегу морскому, хотяху себе что либо получить ко препитанию своему* [Дмитриев 1973: 231]).

Итак, поскольку специфика темпоральных форм безморфемного образования определяется семантикой их производящих, отличительной чертой претеритов, производных от форм настоящего времени, является обусловленная категориальным значением несовершенного вида семантика процессуальности. Анализ произведений повествовательного жанра XVII века свидетельствует об активном использовании таких претеритов с целью создания разнообразных стилистических эффектов в повестях как старой, так и новой книжной традиции.

1.2. Формы прошедшего времени, образованные семантическим способом на базе форм будущего простого

Функционирование в художественном тексте XVII столетия претеритов, мотивированных формами будущего простого, впервые стало предметом специального исследования в упомянутой выше работе А.В.Бондарко [Бондарко 1958]. Ученый, трактуя указанные образования как формы настоящего исторического совершенного вида, отмечает более узкое (по сравнению с формами несовершенного вида) их употребление в повествовательных произведениях XV-XVII вв. и фиксирует в них (помимо значения совершенного вида и значений различных способов действия) значения, характеризующие отношение одного действия к другому и разнообразные модальные значения.

Разумеется, термин «настоящее совершенное» условен, так как результативное значение, свойственное формам совершенного вида, противоречит идее настоящего времени. Еще А.А.Потебня писал, что «грамматическое время есть отношение действия или состояния ко мгновению р е ч и и (так как мысль сознается мыслящими первоначально только в форме речи) сознательной мысли о них. Действие, занимающее одно неделимое мгновение или и более продолжительное, но оконченное, не может быть современным акту сознания этого действия. Удар грома поразил мой слух, вошел в мою мысль, но, когда я даю себе отчет в этом, этого удара уже не слышно, и мне остается сказать: *гром грянул*, или, если ожидается другой удар, – *грянет*. Я могу употребить настоящее время лишь в тех случаях, когда действие представляется настолько продолжительным, что, начавшись до минуты сознания, не прекращается и в течение самого акта речи и сознания: *дождь идет* (т.е. теперь, когда я думаю об этом). Сказанным объясняется, почему появление видов и, в частности, глаголов кратчайшего действия,

повлекло за собою потерю значения настоящего в этих глаголах» [Потебня 1941: 137].

Поскольку формы непрошедшего времени совершенного вида в русском языке XVII века указывают на следование события за моментом речи или иной точкой отсчета, представляется целесообразным квалифицировать их как формы будущего времени. При семантическом образовании на их основе форм прошедшего времени указание на то, что описываемая ситуация следует во времени после момента речи или мысленно приравниваемого к нему момента, может сохраняться, хотя и в несколько измененном виде. На это обстоятельство с давних пор обращали внимание исследователи русского языка. Так, А.А.Потебня отмечал, что совмещение в них значений прошедшего и будущего времени позволяет автору представить постоянное в прошлом действие как ожидаемо постоянное и в дальнейшем [Потебня 1941: 106]. Такого самостоятельного употребления подобных форм, так как в соотносительных предложениях они указывают на то, что «одно сочетание признака с субъектом наступает всякий раз, как существует или наступает другое сочетание признака с субъектом», то есть «без отношения к какому-либо субъективному моменту времени» [Ульянов 1895: 210 и 213] (ср.: «нередко русское настоящ.<ее> сов.<ершенного> вида принимает на себя как будто знач.<ение> действия, предшествующего каждому проявлению другого неоднократно совершающегося действия, именно в придаточных предложениях после союзов, означающих время, в условных и в неопределенных уступительных придаточных предложениях. При таком употреблении настоящего вр.<емени> сов.<ершенного> вида всегда обозначается каким-нибудь способом, что означенная форма не имеет знач.<ения> б у д у щ < е г о > сов.<ершенного> вида; указание это может заключаться в употреблении рядом с нею глагола несов.<ершенного> вида; последний тогда означает повторение действия, представляемого в сов.<ершенном> виде», например, «когда хлор улечучится,

– как бы в знач.<ении> «есть улетучившись» – *я наливаю раствор в банку* (наливаю вм.<есто> *налью* в см.<ысле> наст.<оящего> вр.<емени> сов.<ершенного> вида об обычном)) и «*Когда хлор улетучится*, – то есть, как бы «был улетучившись» – *я наливал* (в зн.<ачении> *я бывало налью*) *раствор в банку*» [Размусен 1891: 410]). Действительно, чтобы перевести обозначенные глаголами действия в конструкциях типа *Птица вспорхнет* – *собака насторожится* именно в план прошлого, требуются соответствующие обстоятельственные квалификаторы (*вчера, бывало* и т.д.) либо предварительная осведомленность о протекании названных процессов до момента речи. В этом нет необходимости в случаях, когда предшествующее/обуславливающее действие представлено формой семантического образования, а следующее за ним/обусловленное – морфологического: ср. у А.А.Потебни: «Если по-русски скажем: «*Тогда махнет булавою и убьет кузнеца*» или «*Как услышит об этом, станет ему жаль*», то выражения эти необходимо будут отнесены к будущему объективному, если только особым словом (*было, бывало*) не будет обозначена их обычность в прошедшем. Есть только одно средство придать б у д у щ и м *махнет, услышит* смысл прошедшего объективного: это поставить в последующих предложениях другое время: *махнет* – *и убил*; *услышит* – *и стало ему жаль*» [Потебня 1941: 118].

В нашем материале формы прошедшего времени, образованные семантическим способом на базе будущего, по-разному представляют прошедшие действия. Так, формы с отрицательной частицей могут выражать модальные значения, указывая на невозможность совершения действия в прошлом – *И потом нача поп з богатым ужинати, убогова ж не позовут к себе ясти* Пов. Шем., 21, – а также на нежелание производить его в существующих обстоятельствах: *А се в мале дружине своей остались, уж*

стало переменитца некем, - ни на единой час отдохнуть нам не дадут! Поэт. Азов., 75.

Что касается гораздо более употребительных форм без отрицания, то они могут представлять прошедшие действия и как повторявшиеся в течение определенного отрезка времени – *Учал знатися с царем, дружбу любовну имети, ако же и побратися с царем и царя к собе звати на обед почасту. И царь **приедет** ко двору, идеже дом Василев, и Василей **постелет** сукна дорогие, скорлатные, и царь по тем сукнам идет за стол с своею околничею. И вшед за стол и велит своим людям сукна те все взяти на собя* Сл. куп., 327; *Почали оне к нам на приступ присылать на всякой день людей своих, янычен по 10000 человек, приступают к нам целой день до ночи. Ночь **придет** – на перемену им **придут** другия 10000 человек, - те уж к нам приступают ночь всю до света* Поэт. Азов., 75; *И в те поры, отчаявше живот свой в Азове городе, в выручке своей безнадежны стали от человек. Толко себе чаем помощи от вышняго бога. **Прибежим**, бедные, к своему помощнику предтечеву образу, пред ним, светом, **розплачемся** слезами горькими* Поэт. Азов., 75-76; *Не токмо государь наш подвигом своим врагов устрашал, но и мыслью **помыслишь** на врагов на Литовских и польских, и оне и от мысли твоя дале бегут, со страхом емлются. И как ты, государь наш в полцех у нас **поедешь**, и мы, аки на небесное солнце, назрети не можем* Пов. воев. Шуйск., 32 (в данном случае рассматриваемые формы объединены в одном контексте не с формами настоящего времени, а с омонимичными им претеритами, так как дружинники покойного князя Шуйского вспоминают, каким он был при жизни); *Савва же, елико заповеда ему бес, тако и сказываше, кто его **спросит*** Пов. Груд., 245 – и как однократные результативные: *Отбегши они да **оглянутся** и сами они другу другу говорят* Пов. Ф. Е., 44; *Ныне обое слышат и сего ради безчисленное множество отовсюду стекаются мужие и жены и, по предреченному, старцы со юнотами, нищими, слепии и хромии; иже есть хто неведаше его во плоти, но*

слышавшие его храбрость и на враги одоление, и поне погребанию его **сподобятся** причетницы быти Пов. воев. Шуйск., 34; **Спамятует** молодец спасенный путь – и оттоле молодец в монастырь пошел постригаться Пов. Горе Зл., 13; Когда **приспее** время обручению и венчанию его и отпускает его в насаде по Волге реке, бе бо то село близ Волги стояй Пов. Тв. мон., 118. Они могут мыслиться и как происшедшие внезапно, неожиданно для одного из участников ситуации – По некоем же времени **поемлет** бес Савву и поидоша оба за град Орел на поле Пов. Груд., 241; По ядении же **поемлет** (в другом списке: взяв – Р.С.) бес Савву и поидоша с двора царева и изшедшим же им из града, вопрошает же Савва брата своего беса Пов. Груд., 243; И случится по некоторому времени тому столнику Нардину Нащокину ехать в гости з женой своею Пов. Скоб., 159.

Особняком стоит глагол *быть*, формы которого (с основной буд- и флексиями настоящего времени) называют разовое, не имевшее тенденции повторяться состояние в прошлом. В нашем материале они функционируют в придаточной части сложноподчиненных предложений времени: *Лодка утла, а ботник безо дна: Ерема поплыл, а Фома не отстал. И как **будут** они среди быстрыя реки, наехали на них лихие бурлаки: Ерему толкнули, Фому выбросили, Ерема упал в воду, Фома на дно – оба упрямы, со дна не бывали. И как **будут** им третины, выплыли они на крутой бережок, сходились их смотреть многие люди* Пов. Ф.Е., 45; *И как **будет** после честного стола пир на весело, и дьявольским омрачением злодеяница та княгиня Марья, кума подкрестная, подносила чару пития куму подкрестному и била челом, здоровала с крестником Алексеем Ивановичем* Пов. воев. Шуйск., 30; *Как **будет** день уже до вечера, а солнце на западе, от сна молодец пробуждается, в те поры молодец озирается* Пов. Горе Зл., 5; *И оттуду пошел молодец на свою сторону. Как **будет** молодец на чистом поле, а что злое горе наперед зашло* Пов. Горе Зл., 12; *Поехали через лес. И как **будут** среди лесу на поле и стоит*

двор превеликой, на котором разбойники живут Пов. куп., 130; *И егда **будет** среди торжища, встрече его того царства сенатор* Пов. куп., 131. Л.П.Размусен, анализируя употребление таких образований в народной поэзии, подчеркивает, что они имеют «значение непременно истор.<ического> настоящего при паратактическом соединении (в смысле «когда то-то случилось») с прош . <им> вр.<еменем> о последующем действии» [Размусен 1891: 389]. Отметим, что подобные формы фиксируются исследователями и в памятниках деловой письменности XVII столетия. Так, В.А.Бондарева приводит следующие примеры из челобитных: *Ехал я холоп твои ...и как **буду** я холоп твои в Волотуком уезде...и учал я холоп твои проситца на двор ночеват; Шел я сирота твои из города к дворишку своему и как **буду** я сирота твои у дворишка своего учел он к моему дворишку человеческой навоз метат; И как государь **будут** на дороге против деревни Медведок и на встрече съехался с ним человек ево* [Бондарева 1971: 120]. По данным С.П.Лопушанской, в документах «Слова и дела государевых» 1613-1653 гг. на 95 случаев употребления глагола *буду* в значении будущего времени приходится 27 (!) случаев со значением действия в прошлом: *И как **буду** против шацкия тюрьмы, и из тюрьмы завопил тюремный сиделец; Того же де числа **будет** он, Лаверентий, у городовых ворот на мосту и завопил ... поп; Нешто де **будет** то письмо назади писано в те поры, как он, Степанка, тое челобитную отдавал смотреть* и др. [Лопушанская 1967: 100].

Данные исторических исследований свидетельствуют об общеязыковом характере функционирования претеритов, омонимичных формам будущего простого, в начальный период формирования русского национального языка. Так, указанные формы, именуемые формами «настоящего исторического глаголов совершенного вида» либо формами будущего простого в значении прошедшего, фиксируются В.А.Бондаревой в языке бытовой и деловой письменности XVII века [Бондарева 1973], А.В.Бондарко, как уже указывалось

выше, – в повестях и публицистике XV-XVIII столетий [Бондарко 1958], С.П.Лопушанской – в документах «Слова и и дела государевых» XVII века [Лопушанская 1967: 69-70], П.В.Петрухиным – в летописных повестях XVII века [Петрухин 1996: 78]. Наш собственный анализ севернорусских житий XVI-XVII веков позволяет отметить интересующие нас претериты в 1-ой редакции жития Иоанна и Логгина Ярэнгских: *Како **повлечем** ю ко гробом чюдотворным, и на молебнах пятьма человеком не могуцим держати. И како священник чтет святое Евангелие о беснующихся и она **начнет** усты своими нелепая глаголати и диявичитися, нам невозможно сказати. И **начнет** трепетатися и на плеща держащим скакати **начнет** и невоздержанно плевати на люди. И на долг час тако с нею борющеся по многи дни тако ей творящей. А в ноци связану к чюдотворцам затворяху и в полуноци со крестом честным с приставником ея Богданом и со иконою Ивана Богослова прихождахом, и просту ю обретахом, и много страха от нея наимахомся* [Дмитриев 1973: 221]). Формы глагола *быть* (с основой *буд-* и флексиями настоящего времени) в севернорусских житиях функционируют с теми же особенностями, что и в повестях нашего материала (ср. в житии Адриана Пошехонского: *И как **будут** противу пречистыя образа, яже бе на дубе, тогда яша две рыбыцы щуки великия* [Дмитриев 1973: 202]).

Итак, поскольку специфика темпоральных форм безморфемного образования определяется семантикой их производящих, значение претеритов, производных от форм будущего простого, осложняется оттенками, связанными как с футуральной семантикой, так и с категориальным значением совершенного вида. Анализ произведений повествовательного жанра XVII века свидетельствует об активном использовании таких претеритов с целью создания разнообразных стилистических эффектов в повестях как старой, так и новой книжной традиции.

1.3. Формы прошедшего времени, образованные семантическим способом на базе инфинитива

В отечественной русистике с давних пор предлагаются различные решения проблемы включения инфинитива в состав глагольных форм, имеющей непосредственное отношение к нашему исследованию.

Ф.Ф.Фортунатов противопоставлял глагол, обладающий формами словоизменения, инфинитиву, охватывающему «слова, имеющие при отсутствии форм словоизменения словообразовательную форму, называемую формой инфинитива», которой «данные предметы мысли (действия и состояния) обозначаются без отношения ко всему тому, что в глаголах является обозначенным формами сказуемости и лица» [Фортунатов 1956: 166].

А.М.Пешковский отмечал, что, хотя «логически нельзя себе представить деятельность без всякого отношения к деятелю», в силу иррациональности языка в нем создалась специальная категория с именно таким значением – инфинитив, глагольный номинатив, выражающий идею действия, без осложнений, вносимых в нее всеми другими глагольными категориями [Пешковский 1938: 142-143].

Д.Н.Овсянико-Куликовский считал, что «инфинитив есть глагольная форма, происшедшая от существительного отглагольного, выражающая лишь возможность отношения к лицу, которое (лицо) выясняется только в контексте, и служащая для обобщенного обозначения глагольности представления (понятия), данного в лексическом содержании слова» [Овсянико-Куликовский 1902: 88].

А.А.Потебня, полагавший, что «в понятие о глаголе непременно входит отношение к лицу» [Потебня 1958: 91], приписывал «неопределенному наклонению», т.е. инфинитиву (который он считал особой, промежуточной частью речи), отношение к неопределенному лицу. А.А.Шахматов, вслед за

А.А.Потебней, полагал (имея в виду независимый инфинитив), что представление об инфинитиве – «наиболее общем названии глагольного действия» – вызывает представление о производителе соответствующего действия-состояния. О потенциально заложенном в инфинитиве отношении к лицу свидетельствует, по мнению ученого, то обстоятельство, что инфинитив безличных глаголов самостоятельно не существует, обнаруживая себя лишь в составе аналитических форм – в сочетаниях со вспомогательными глаголами [Шахматов 1927: 43-44].

«Грамматика-80» трактует инфинитив как исходную форму глагольной парадигмы, только называющую действие и никак не обозначающую его отнесенности к лицу, числу, времени, реальности или ирреальности [Грамматика I: 674]. В.В.Виноградов, считая, что глагольная система «более синкретична и более синтаксична, чем система всех других знаменательных частей речи», называет инфинитив «окраиной», а не центром этой системы [Виноградов 1986: 528].

Не подлежит сомнению, что при деривационном подходе инфинитив правомерно трактовать как вторичную, производную форму, хотя с морфологической точки зрения инфинитив – первичная, исходная форма [Храковский – Володин 1986: 195]. Примечательна следующая мысль Д.Н.Овсянико-Куликовского: «Что же касается инфинитива, то после всего сказанного о наклонениях, должно быть достаточно ясно, что оно отнюдь не может быть понимаемо, как особое наклонение. Но оно, как мы видели, может выступать в роли то повелительного, то сослагательного, и тогда оно – наклонение, только не особое, а именно либо повелительное, либо сослагательное» [Овсянико-Куликовский 1902: 125]. Перефразируя мысль ученого, скажем, что инфинитив (разумеется, с определенными ограничениями, обусловленными его семантической спецификой) может выступать в тексте XVII столетия в роли той или иной темпоральной формы, и тогда он

представляет собой форму времени – прошедшего или будущего, в зависимости от того, каковы условия контекста.

Семантическое образование различных глагольных форм (не только темпоральных) на базе инфинитива шло разными путями. Так, если образование императива указанным путем начиналось с эллипсиса сказуемого в исходной конструкции с модальным словом (и формально маркируется не только повелительной интонацией, но и отсутствием этого модального слова, ср. [Храковский – Володин 1986: 202]) – *Филинова смеху 4 комка, сухова крещенского морозу 4 золотника и смешать все вместе...потом взять москворецкой воды на оловянном или на серебряном блюде, укрошить в два ножа и выпить* Леч. инозем., 96; *Помнишь ли ты святыя книги и как в правилах святых отец пишет: одна жена понять по закону, а другую понять для детей, а третью понять чрез закон прелюбодеяния ради* Сказ. кур., 75; *Злонравный же злый он сопостат король никако же ничего того не хотя и не мысля в уме своем тако тому быти, якоже нам годе* Нов. пов. Рос. царств., 12 – то история образования форм времени не сводится к обособлению эллиптических конструкций.

Как указывает К.А.Тимофеев, формы прошедшего времени, образованные на базе инфинитива, могут быть сопоставлены с конструкцией «аорист безличного глагола *быти* + инфинитив»: они имеют с ней одинаковое модальное значение и одинаково же употребляются с дательным падежом косвенного субъекта действия. Как самостоятельный тип предложения с независимым инфинитивом, выражающие фактическое действие в прошедшем времени, оформились в древнерусском языке раннего периода. В качестве неполных (эллиптических) их нельзя рассматривать уже потому, что они встречаются в ранних памятниках русского языка, правильно и последовательно употребляющих аорист и имперфект, то есть тогда, когда еще не могло быть утраты простых претеритов; кроме того, в случае утраты аориста

(как и имперфекта) в сочетаниях с инфинитивом естественно было бы ожидать не независимое употребление инфинитива, а замену переставших употребляться простых претеритов л-формой. Более того, конструкции «аорист безличного глагола *быти* + инфинитив» перестают употребляться именно в результате сближения с широко представленными в древнерусском языке собственно инфинитивными предложениями [Тимофеев 1959: 24-25].

Формы прошедшего времени, образованные на базе инфинитива, встречаются в памятниках различных жанров – летописях, житиях, повестях – как древнейшего периода, так и более позднего времени. Вот некоторые примеры, приведенные К.А.Тимофеевым в подтверждение этого факта: *И се бяше тогда: попове бо не можяху проводити по единому из дворов, за множество умирающих не успевати бо, но веляше комуждо своя мертвыя на церковный двор возити* I Псковская летопись, 1325 г.; *Темиръ ...ныне же пакы убося и устраиися зело ... и объят и страх и трепет, и мнети* ему, яко некоему многу въинству грядущу на нь от Русскыя земли Московская летопись, 1395; *И бысть скорбь и туга христьяном велми, толко слышати* плачь и рыданье по улицам...I Новгородская летопись, 1445 г.; *Боле же легиона бесов вниде в ню, и зле нача трясеньем лютым плоть ея сокрушати и тольми беситися* ей, яко же всем познати от множества бесов ей мучиме быти Повесть о женщине, вошедшей в церковь в нечистом виде по списку XV в.; *Живущая во мне демонская сила смутися, нача вопити во утробе моей, аки малый младенец, предстоящим ту слышати* ужасное ея вражие кознодейство Повесть о бесноватой жене Соломонии, XVII в.; *И сим земли всей велик раскол сотвори и усомневатися* всем в мыслех своих о бываемом Временник дьяка Ивана Тимофеева; *И возрадовашася сему радостию великою ...и бысть в них шум велий и клик, и не слышати*, кто что глаголетъ Иное сказание; *И бысть при царе Василии Ивановиче ...война с поляки велия, мало государству не опустети* «О России в царствование Алексея Михайловича»

Г.К.Котошихина [Тимофеев 1959: 25]. Очевидно, что основное значение таких форм, образующихся преимущественно на базе инфинитива несовершенного вида — независимое от воли своего субъекта действие, обусловленное стечением обстоятельств.

Представленные в нашем материале формы прошедшего времени, образованные на базе инфинитива, также объединяет то, что субъект действия, выраженного глаголом, не воспринимается как его активный производитель: *И злое бы корение и зелие ис того места вон вывести, понеже много того корения злаго и зелия лютаго на том месте вкоренилося, и уже бы тому высокому и преславному месту не колебаться, занеже за некое неисправление пред сотворшим вся месту тому **колебаться** и живущим на нем **смуцаться** и главами своими **глубиться** и велицей крови **литися*** Нов. пов. Рос. царств., 12; *А иже сироты и вдовы немощныя в веси той бяху, и всех обшиваше и всех нужных и болных всяцем добром назираше, яко всем **дивиться** разуму ея и благоверию* Пов. Улиян., 277; *Она же со смирением послушание имяше к ним, ни в чем не ослушася, ни вопреки глагола, но почиташе я и вся повеленная ими непреткновенно совершаше, яко всем **дивиться** о ней. И многим искушающим ю в речах и во ответах, она же ко всякому вопросу благочинен и смыслен ответ даяше; и вси дивляхуся разуму ея* Пов. Улиян., 277; *Во едино же время зима бе студена зело, яко земли **разседатися** от мраза* Пов. Улиян., 280; *В то же время бысть глад крепок во всей русстей земли, яко многим от нужды скверных мяс и человеческих плотей **вкушати**, и множество человек неизчетно голодом изомроша* Пов. Улиян., 281; *Таже по времени царь и патриарх и прочий синглит и освященный собор во церковь оную собрася, и уставному пению погребению наченихуся и гласу от поющих превозносяхуся зелне, понеже в строках роспеваху. От бояр же и от служилых людей, иже с ним оной службе в победе и в одолении бывших паче же и от всенароднаго множества люди по предреченному, яко звезд небесных или песка морскаго, вдов же, оставльшихся*

от муж своих и черноризиц и нищих и сирот, вопиющих с плачем и кричанием. И не бе гласа поющих слышать и мнетися, аки во иступлении ума суцу, ако и воздуху **потупнути** и земли **стонати** и камению **колебатися**, не токмо стенам, но и граду; и по пророку реши, яко взятся покрову храма от гласа вопиющих Пов. воев. Шуйск., 34-35; Не токмо же Русские земли народом и всему миру **плакати**, но и иноземцем и Немецким людем и самому Свицкому воеводе Якову Пунтусову Пов. воев. Шуйск., 35; И толико множество Полских людей и мятежников и клятвопреступников Русских собрашася, яко и земли **покрыватися** щиты и воздуху **блещатися** копии, брани же и крови **разливатися** всюду Пов. Туш., 290. Столь же пассивным оказывается носитель состояния, отнесенного в план прошлого посредством глагола *быти* в форме претерита, мотивированного инфинитивом: Не малу же времени минувишу, абие разболевся Савва и бе болезнь его тяжка зело, яко **быти** ему близ смерти Пов. Груд., 254; Доиде прежереченнаго места Святаго Носа, ту бе, глаголют, прежде того непроходну месту тому **быти** ради множеств червей морских, иже творяху многи пакости над лодиями мореходцем Пов. жит. Кер, 192. Действие или состояние, с точки зрения автора повести, вызвано внешними обстоятельствами, поэтому субъект действия или носитель состояния, названный именем или местоимением в дательном падеже, – всего лишь исполнитель, подобно субъекту безличного предложения, оказывающемуся «на положении предмета, признак которого – состояние или действие – обращен к нему или на него, «настигает» его извне, без его собственной активности, лишь с его соучастием» [Павлов 1992: 94]. Ср. замечание А.В.Бондарко о том, что выражение семантики субъекта формами косвенных падежей свидетельствует об определенном сдвиге от субъектности к объектности: при общем смысловом содержании субъектности «форма косвенного дополнения накладывает на эту «отражательную» семантику субъекта оттенки объектной грамматической интерпретации» [Бондарко 1991: 16].

Очевидно, что рассматриваемые производные функционируют в достаточно далеких от живого языка XVII столетия фрагментах повествовательных произведений. Приведенные примеры извлечены из текстов, либо всецело следующих старой книжной традиции (житийно-биографическая, воспевающая подвижничество в семье и домашней жизни «Повесть об Улиянии Осорьиной»; агитационно-патриотическая повесть «О новоявльшемся развратнице Тишине, его же имя нарицашеся дикой вор тушинской»), либо отражающих ее значительное влияние (насыщенные публицистическими мотивами «Новая повесть о преславном Российском царстве» и «Повесть о смерти воеводы М.В.Скопина-Шуйского»; нравоучительная «Повесть о Савве Грудцыне»; демонстрирующая воздействие устных легенд Русского Севера «Повесть о житии Варлаама Керетского»). Наш анализ произведений севернорусской агиографии XVI-XVII веков, хотя и неканонических, но все же чрезвычайно далеких от живого языка своего времени, позволяет отметить те же, что и в повестях нашего материала, особенности функционирования претеритов, образованных на базе инфинитива, в житиях Артемия Веркольского (*И во всем повинуюся родителем своим, прилежаши навывая труду земледельства, яко всем сущим соседом его дивитися необычному малолетия возраста его смирению* [Дмитриев 1972: 192]), в Сергиевой редакции Иоанна и Логгина Яренгских (*Во время, рече, морскаго возмущения от жестоких ветров, егда море разсвирилося, дивяго зверя образом распахашеся, и волны, яко горы сотворив, сурово наскakahе, и всем потоплением претяше, ничто же надеяться разве смерти, понеже от зельнаго ветреняго дыхания на кубарах ядрила сокрушишася и в мори погрязнуша, и егда в последнем отчаянии всем бывшим, тогда видеши святых на своих кубарах, «Дерзайте», глаголющих, «невредими пребудете». Умилению бо тогда **видети** позор и плачу достоин, кто бо виде море безчиние творяще* [Дмитриев 1972: 201]), в чудесах «О человеце, плавающем на соловарном

црне, именем Андрее» (*И насташа волны и зыбь велия зело, и во мгновение ока толь много отплых, яко не видети брега, ни превысоких гор вскрай моря стоящих* [Дмитриев 1972: 195]), «Сказание о солнечном течении, како бывает в западных странах» (*Коль благ бог во святых своих, иже толиких и таковых чудес сподобивый их, иже быша в последния роды сия в Руской земли в северной стране на концы вселенныя, идя же солнце не позна запад свои: прежде даже не зайти утрения зари сияющи: утреннему бо славословию во святых церквах начинаему – солнце нисхождаше, совершаему же – восхождаше; с луною же вкупе на тверди небесней грядущим, звезде же пред солнцем всеми видимей быти идущей, понеже на тверди устройства не яко же в полуденной стране* [Дмитриев 1972: 199]) и «О страждущих человецех в седми судах» в житии Савватия и Зосимы Соловецких (*И приближихомся ко острову, яко уже нам и брег видети* [Дмитриев 1972: 196]).

Существенно, что В.В.Колесов, анализируя типичные случаи обновления словесных форм в традиционных формулах – литературных клише, отмечает преобразование неясного (разрядка наша – Р.С.) инфинитивного оборота книжного происхождения *яко по удолием крови теци*: в *кровь течаще* – в Ипатьевской летописи (XV в.), в *кровь течааше* – в Воскресенской (XVI в.), в *кровь ручьем течаще* – в Тверской (XVI в.). Ученый пишет, что в русской традиции инфинитив устраняется, тогда как в церковной – по возможности сохраняется: так, первоначальная форма, отмеченная в Радзивилловской летописи (XVI в.), в митрополичьем своде переделана при сохранении грамматического смысла книжной формы: *крови текущи* (Никоновская летопись XVI в.), приведена «в соответствие с развивающимися категориями языка (в данном случае – видовыми)» [Колесов 1989: 88]. Следовательно, претериты, мотивированные инфинитивом, на всем протяжении старорусского периода развития языка воспринимались в качестве архаичного средства интерпретации прошедшего действия. Модель их образования, таким образом,

следует считать непродуктивной; появление же в повествовательном тексте XVII столетия форм, созданных по непродуктивной модели, можно объяснить либо текстуальными связями со сложившимися в древности произведениями жанра, либо – при отсутствии «готовой» формулы – сознательным стремлением автора повести трактовать прошедшее действие посредством устаревшей формы. При этом анализируемые формы функционируют в контекстах, где в качестве показателей отнесенности действия к плану прошлого выступают формы аориста и имперфекта – также характеризующие в начальный период формирования русского национального языка культурную позицию книжника, но не живой язык эпохи.

В отражающих близость к разговорному языку XVII века сатирических и сказочных повестях подобных форм нет вовсе. Исключением может на первый взгляд показаться пример употребления претерита, мотивированного инфинитивом, в пародирующей судные списки «Повести о Ерше Ершовиче»: *И оне Ерша отпустили на волю, а Ростовским озером попрежнему стали владеть, а Ершу **жить** у них во крестьянх* Пов. Ерш., 13. Однако неоднозначность интерпретации фрагмента, а именно – возможность двоякой трактовки действий Ерша, обусловленная отсутствием обстоятельственного квалификатора (Ершу *пришлось жить* в крестьянах у Леща и Голавля до времени, которое автор повести считает своим настоящим, или же *приходится жить*, начиная со времени суда, и *придется жить* и впредь, то есть повинность распространяется и на авторское настоящее, и – потенциально – на авторское будущее), не позволяет уверенно отнести выделенную форму к претеритам.

Итак, поскольку специфика темпоральных форм безморфемного образования определяется семантикой их производящих, обозначение инфинитивом действия безотносительно к деятелю отражается в функционировании мотивированных им претеритов с дательным падежом

косвенного субъекта; с обусловленностью деятельности чужой волей связаны и свойственные указанным производным модальные оттенки долженствования, непредвиденности и т.д. Анализ повествовательного жанра XVII века свидетельствует о стилистическом использовании таких претеритов только в произведениях, в большей или меньшей степени ориентированных на старую книжную традицию.

Глава 2

Семантическое образование форм настоящего времени

Семантика форм настоящего времени чрезвычайно сложна, а изучение особенностей их функционирования издавна приводит исследователей к различным, зачастую противоположным выводам. Не останавливаясь на истории вопроса, отметим одно существенное для нашего исследования обстоятельство. Все «отрицательные» трактовки презенса, сводящие его значение к отсутствию собственного положительного временного признака, фактически переводят реально выражаемые значения в функциональный план. Таковы, например, теория вневременности русского глагола, выдвинутая К.С.Аксаковым и поддержанная П.Н.Некрасовым, а также различные версии концепции настоящего как немаркированной (беспризнаковой) временной формы. По мнению К.С.Аксакова, «времена настоящее, будущее и прошедшее – понятия выводные и не имеют для себя своих форм в русском языке: они суть дело употребления и являются по соответствию их с формами глагола и с смыслом речи» [Аксаков 1875б: 414]. Согласно точке зрения Р.О.Якобсона, высказанной в 1932 году, «прошедшее указывает на то, что действие относится к прошлому, тогда как настоящее как таковое не определено в отношении времени и является типично беспризнаковой категорией» [Якобсон 1985: 215]. А.В.Исаченко считает, что именно «отрицательная семантика форм презенса дает возможность представить действие либо как не разобщенное с моментом речи (т.е. как «актуальное»), либо как разобщенное с моментом речи (т.е. как «неактуальное»)» [Исаченко 1960: 447].

Представляется совершенно справедливым указание А.В.Бондарко на то, что подобная трактовка презенса как «пустой» формы, не воздействующей на передаваемое темпоральное содержание и не участвующей в его выражении, «не согласуется с такими фактами, как транспозиция. Ср., например, настоящее

историческое в живом рассказе о прошлом: *Выбегаю, вижу, что машины нет* ... и т.п. Если бы форма настоящего времени действительно была беспризнаковой и не обладала собственным положительным временным значением, было бы непонятно, откуда исходит тот контраст временных планов, который характеризует данный тип функционирования рассматриваемых форм. Давно уже было замечено, что в таких случаях реально прошедшие действия образно (фигурально) представляются так, как будто они происходят на глазах говорящего и слушающего (ср. оборот живой речи «как сейчас вижу»). Единственным языковым средством, которое может рассматриваться как источник образной актуализации прошлого, является форма настоящего времени. Значит, он не может быть охарактеризована как беспризнаковая, лишенная собственного положительного значения» [Бондарко 1990а: 25-26]. Таким образом, сама возможность транспонирования формы (в нашей терминологии – семантическая деривация – Р.С.) свидетельствует в пользу позитивной, маркированной семантики форм настоящего времени. Только маркированная семантика презенса в состоянии обеспечить сам процесс образования семантическим путем форм прошедшего и будущего времени на базе настоящего.

Н а с т о я щ и м в собственном смысле, как указывалось выше, мы признаем только непрошедшее время н е с о в е р ш е н н о г о вида, выступающее во всей полноте функций презенса. Согласно замечанию А.А.Потебни, «как скоро к конкретно-несовершенным глаголам присоединяется предлог, то вторая их тема получает значение действия конкретного с о в е р ш е н н о г о , а первая, именно настоящее время и повелительное наклонение, – оттенок будущего времени. Последнее объясняется тем, что мысль о действии, действительно совершающемся в настоящее мгновение, а между тем оконченном, немислима, потому что заключает в себе противоречие. Что я вижу, слышу и т.д. в это мгновение, то не

может быть оконченным. Действие оконченное я могу представить себе только в прошедшем или в будущем» [Потебня 1941: 47]. Языковые факты, которые приводятся как доказательство возможности употребления глагола непрошедшего времени совершенного вида при выражении ситуации настоящего актуального, квалифицируются нами как случаи семантического образования форм настоящего времени на базе будущего (см. соответствующий раздел настоящей главы).

Прежде чем обратиться к анализу форм настоящего времени, образованных семантическим способом, рассмотрим их грамматические синонимы – презентные формы морфологического образования.

В нашем материале они выражают грамматическое значение отнесенности действия к временному плану, частично (абстрактное настоящее) или полностью (конкретное, или актуальное, настоящее) совпадающему с моментом речи. В количественном отношении формы конкретного настоящего уступают формам абстрактного настоящего, так как формы настоящего актуального возможны только в прямой речи, а диалоги занимают в пространстве повествования достаточно скромное место: *И пришед ко старицу и рече: «Кая ти, отче, печаль **есть** яко тако неутешно **плачешу**?» Нищий же он святыи старец глаголет ему: «**Плачу**, чадо, о погибели души твоя: не веси бо яко погубил еси душу твою и волю предался еси диаволу»* Пов. Груд., 245; *И человек ему нача говорить: «Что-де ты **кажешь** камень?»* Пов. Шем., 22; *И бражник рече: «Ты, господине, кто? глас твой **слышу**, а имени твоего не вемь»* Пов. бражн., 107; *Отбегши они да оглянутся и сами они друг другу говорят: «Чево нам бояться, заодно мы **бежим**»* Пов. Ф.Е., 44 и др.

Формы абстрактного настоящего способны выражать самые разные оттенки своего основного значения. Так, например, они указывают на то, что начавшееся в прошлом действие продолжается – *И турецкой салтан уведал, что я еще веру свою христианскую **верую*** Чел. Вас. Пол., 266; *Ехати было в*

гости, да нихто не зовет Азб. Гол., 230 – либо повторяется на протяжении временного периода, охватывающего момент речи: *Егда же миро то роздано бысть, нача подле гроба исходити персть, аки песок; и **приходят** болящици различными недуги, и **обтираются** песком тем, и облегчение **приемлют** и до сего дня* Пов. Улиян., 284; *И от тех де звезд во Царегороде в трех местех загорелось де многия дворы и лавки, где **приставают*** (в другом списке: ***пристают*** – Р.С.) *корабли и суды, выгорели многия* Отп. Тарб. Бас., 271.

В потенциально-качественном значении форма глагола отмечает постоянно наличествующее свойство, которое проявляется спорадически – *То были они пинарщики, которые делали* (в другом списке: ***делать умеют*** – Р.С.) *всякие приступныя мудрости и ядра чиненныя огненныя, и ини которые мудрости **умеют*** Поэт. Азов., 60 – или дает характеристику лица: *Дом потешен, голодом изнавешан, робята **пищать**, ести **хотят**, а мы право **божимся**, что сами не етчи **ложимся*** Сл. каб., 47; *Господа, люди добрые, а крестияня они божии, а **кормятся** своею силою, а тот Ершь щетина лихой человек, поклепщик бедо, обманщик, воришько, воришько-ябедник, а **живет** по рекам и по озерам на дне, а свету мало к нему **бывает**, он таков, что змия испод куста **глядить*** Пов. Ерш., 10; *Вооружился на пьющих крепко, яко гороховое полохало, по образу яко человек, по разуму же яко нетопыр, в день **не летает**, а в ноче **летает**, тако и ты, пропойца, в день за печью **лежишь**, свернувся, яко пес, голодом **мрешь** а в ноче, яко глуп подважник, у пьяных мошни **холостиш**, а за труд свой почесть – прутье **терпишь*** Сл. каб., 53; *Никем вы в пустынях водими или посылаеми, яко орли парящие без страха по воздуху **летаете** и яко лви свирепыи в пустынях **рыскаете*** Поэт. Азов., 62.

В нашем материале функционируют также формы «настоящего вечных истин»: *Прохождаше повсуду слава о нем, **любит** бо таковая сих з дерзостию притицати и скорее крылатых **обноситца**, еже и до царствующаго града Москвы самодержцем в слух внидоша* Пов. Мар., 53; *Господие мои! Не*

дивитесь о сем, что вам обещался сей отрок, он бо тако совеща, но бог свое строит: не сей бо мне будет супруг, но той, его же бог мне подаст Пов. Тв. мон., 117; *И вси видеша около главы ея круг злат, яко же на иконах около глав святых пишется* Пов. Улиян., 283.

Несмотря на то, что формы презенса, образованные морфологическим и семантическим способами, могут вступать в синонимические отношения, говорить об их полном функциональном тождестве, а следовательно – взаимозаменяемости, представляется неправомерным. Анализ форм настоящего времени семантического образования в повествовательных произведениях XVII века позволит выявить такие оттенки значения указанных форм, которые отсутствуют у их грамматических синонимов морфологического образования.

2.1. Формы настоящего времени, образованные семантическим способом на базе форм будущего простого

Образование названных форм привлекает внимание прежде всего тем, что они вместе со своими производящими представляли некогда единую синкрету (некоторые исследователи считают возможность использования в современном русском языке форм настоящего времени в значении будущего и наоборот наследием древнейшего синкретизма, ср. [Силина 1982: 197-198]). Как известно, синкретичная форма настоящего/будущего времени в древнерусском языке могла выражать как одновременность с моментом речи, так и следование за ним, то есть в зависимости от условий употребления была способна представлять принципиально разные типы отношения к исходной точке отсчета. Значение будущего времени заключается в отнесенности ситуации к временному плану, вынесенному за пределы единства субъекта действия и его настоящего. Значение же настоящего, напротив, исключает разобщение времени ситуации и момента речи, и в зависимости от условий контекста область презенса локализуется в моменте речи и его ближайшем окружении либо расширяется и обобщается, причем возможно обобщение, не предполагающее отнесенности ситуации к моменту речи или даже исключаяющее такую соотнесенность [Бондарко 1990а: 22]. Однако уже к XIII-XIV вв. древний синкретизм настоящего/будущего времени был ликвидирован, чему способствовало появление и быстрое распространение универсального средства имперфективации – суффикса -ыва-/-ива-. Оно сделало возможным образование формы несовершенного вида от любых приставочных глаголов, которые поэтому оказались втянутыми в систему видовых корреляций. Поляризация видовых значений обоих членов видовой корреляции, т.е. окончательное формирование и укрепление значения совершенного вида уничтожила былую недифференцированность формы настоящего/будущего

времени приставочных глаголов, закрепивших за собой значение совершенного вида; вместе с тем члены видовой корреляции получили дополнительное распределение форм не прошедшего времени: коррелят несовершенного вида образовывал только форму настоящего времени (*собираю, привязываю, истекаю*), а коррелят совершенного вида – будущего простого (*соберу, привяжу, истеку*) [Силина 1982: 196]. Таким образом, «настоящее несовершенных, говоря приблизительно, осталось, каким было; настоящее же совершенных послужило средством или представлением нового значения к апперцепции новой грамматической категории б у д у щ е г о совершенного» [Потебня 1941: 98]. При этом морфологически формы несовершенного и совершенного вида тождественны, так как образуются от основы настоящего времени глаголов совершенного и несовершенного вида присоединением одного и того же набора окончаний со значением лица и числа [Грамматика I: 627].

Существующее в современном русском языке четкое разграничение форм настоящего и будущего времени совершенного вида (будущего простого) характеризует и материал нашего исследования. В повествовательных произведениях XVII века темпоральная функция форм настоящего актуального совместима только с глаголом несовершенного вида. На базе форм будущего простого семантическим способом образуются только формы настоящего неактуального.

Большинство форм презенса, производных от форм будущего времени совершенного вида, составляют в нашем материале формы, осложненные модальным оттенком готовности к осуществлению действия: *А кто либо охотник и пьян **напьется**, ино ему спать довольно никто **не помешает*** Сказ. роск. жит., 32; *Чего и не творим, ино добрые люди втрое **прибавят**. Всяк себя **ублюет**, толко не всяк на себя **скажет*** Сл. каб., 50; *Разумной человек не одну душу свою **спасет**, но и людцкия многия* Пов. раз., 327; *А спать ложится, а не*

ляжет, а хотя паки и ляжет, и опять **вскочит**, и пот кроватию смотрит и пот полатию и пот половицею ищет и под печию заглядывают Сл. муж., 132; Бог, отче, вся видит деяния наша: аще от человека **утаим** странствие наше, но он вся вестъ, обличения не требует Пов. Сут., 117; Знают Ерша на Москве бражники и голыши и всякие люди, которым **не сойдецца** купить добрые рыбы, а он **купит** ершев на полденьги, **возмет** много есть, а более того хлеба **разплюет**, а досталь собакам за окно **вымечють** или на кровлю **выкинуть** Пов. Ерш., 11; Крестьянин **побожится** душою крестьянскою и на той правде во веки стоит, а ваш брат, бусорман, **побожится** верою бусурманскою, а ваша вера бусорманская равна бешеной собаке – и потому вашему брату бусорману собаке и верить нельзя! Поэт. Азов., 70; А как **принесет** бог русскаго человека, и он **даст** человеку по золотому, и ево **пустят** смотреть. И кто **приидет** во Вифлием, и на том камени опочивают християны; и я грешной, спал дважды Чел. Вас. Пол., 268; Псы на милова не лають, постылова кусають, из двора **сволокуть** Азб. Гол., 231. В таких случаях к широкому плану настоящего времени относится целый ряд повторяющихся действий, представленный одним – данным в его целостности и ограниченности пределом – актом повторения.

Формы настоящего времени, образованные семантическим способом на базе форм будущего простого, также могут выражать модальное значение возможности или неизбежности какого-то результата действия, названного глаголом: И кому какая птица годна, тот ту себе, избрав, **взмет**, а остаточных прочь отгоняет Сказ. роск. жит., 31; Сего ради приношение Христа ради **приимут** от рук их денешку и две денешки, и взявши питья, **попотчуют** его, и егда хмель приезжаго человека **премощет**, и **разопьется**, и ведром пива голянских **напоят**, и **приимет** оружие пьянства и ревностию драки, и **наложит** шлем дурости и **приимет** щит наготы, **поострит** кулаки на драку, **вооружит** лице на бой, **пойдут** стрелы ис полинниц, яко от пружна

лука, и каменьем бывает бьем пьяница. **Вознегодует** на них целовальник и ярыжные напрасливы з батогы проводит; яко вихор, **развиет** пьяных и, очистя их до нага, да на них же утре бесчестие правят и **отпустит** их во всю землю безо всего Сл. каб., 52; Сего ради почестъ прием трудов своих, кропивным венцем увязе главу свою, кручиною изнаполнил еси сердце свое, дектем помазал еси лице свое, процвел еси, яко кропива, кто ея **ни возмет**, тот руки **ожжет**, тако и с тобою, с пропойцем, хто **ни подружитца**, тот **охнет** Сл. каб., 53; Избу метеш, как и всегда добрый послушник, а как его **опьеш**, так ты, что бес, на старые полати **скакнеш** Сл. каб., 54; А где он **впроситца** начевать, и он хочет и хозяина-то выжить Пов. Ерш., 10; И тот Ерш, выходя из реки на устье, да обманывает большую рыбу в неводы, а сам и **вывернетца** он, аки бес Пов. Ерш., 10; Аз убо особаго дому не имею, но где **прилучитца**, тамо и ночую Пов. Груд., 240; На себя что купить – то **проторится**, а ты, молодец, и так живеш! Пов. Горе Зл., 9.

Приведенные примеры показывают, что функционирование форм презенса семантического образования, осложненных модальными оттенками готовности к осуществлению действия или возможности его осуществления, характерно преимущественно для сказочных и сатирических повестей, особенно близких к разговорному языку эпохи. В повестях, созданных в старой книжной традиции, указанные формы единичны, что, однако, ни в какой мере не является свидетельством связи их активизации с демократизацией повествовательной литературы в целом. Мы относим это обстоятельство исключительно на счет авторского выбора. Наш анализ таких далеких друг от друга произведений середины XVII столетия, как редакция жития Иоанна и Логгина Яренгских Сергия Шелонина, ориентированная на старые образцы агиографии, и публицистическое сочинение Г.Котошихина «О России в царствование Алексея Михайловича», демонстрирует одинаково активное использование указанных форм. В житии Яренгских святых: *Тако же, яко*

добре ся **исплодят**, вmale повелившися и покормившися в жатвенный год, паки зиме приступаючи, **возвратятся** во свои жилища, во глубинную теплоту и солнечнаго присно сияния, отбегиши студености полунощныя, на моря, идеже худе потрясаются ветром [Дмитриев 1972: 201]; Тамо входят, идеже живут и киты великия зовомии, лежа си подобни суть великим горам, яко видевшим я, **поведают** [Дмитриев 1972: 201]; Многими же реками исполняемо, слаждьшу воду паче инех морь имать. Им же мало походив солнце по той стране, **отъидет** и **не измет** ей всяа влаги сладкия лучею, радуют же ся сладкому и морския рыбы [Дмитриев 1972: 201]; Обычай есть в примории живущим человеком: от моря утопших человек взимати телеса и земли предавати погребению, дабы зверие не растерзали и птицы небесныя не расторгали. Аще ли случится жестока земля и каменна, то каменья на могилу насыпают и гроб, елико онем довольно, **сотворят** [Дмитриев 1973: 228]. В сочинении Г.Котошихина: Да у бояр же, и у думных и у ближних людей, и у иных чинов, у столников, у дворян, у дьяков и у стряпчих и у жилцов, обычай таков: кого с кем царь **похочет** послати в товарищах, в посолство и в иные во всякие посылки, и те люди, кому с кем велят быти, сведав о том наперед, что им с ними быти, а им быти с ними зачем будет немочно, **учинятца** нарочным делом болны, чтоб тою приметною болезнью тое службы избыть Котош., 308; Российского государства люди ... ненаучением своим говорят многие речи к противности или скоростию своею к подвижности, а потом в тех своих словах временем **запрутся** и превращают на иные мысли Котош., 309; ...и будет кто **учнет** свататца у того человека на дочери его и посылает смотрити мать свою или сестру и кому верит, и те люди, вместо тое своя увечные дочери, назвав имянем тое дочери, за которую, не ведаючи, **учнут** свататца, показывают другую или третью дочь, и та присланная смотря девицы тое, **излюбит** и **скажет** жениху, что она добра и женится ему на ней мочно Котош., 315. Приведенные примеры показывают, что

функционирование форм презенса семантического образования не является в интересующую нас эпоху принадлежностью только повествовательного жанра. Более того, оно не может считаться исключительной характеристикой языка, обработанного мастерами художественного слова. Так, В.А.Бондарева пишет об использовании форм будущего простого в значении абстрактного настоящего в деловой и бытовой письменности XVII века [Бондарева 1973], что свидетельствует о регулярности образования форм настоящего времени с указанным значением в разговорном языке эпохи.

Особый интерес представляют в нашем материале формы, образованные на базе будущего простого с отрицанием. Они выражают значение обобщенной невозможности совершения действия при имеющихся обстоятельствах: *Тому и бог не поможет, кто хлеба и соли не помнит* Сказ. кур., 76; *Люди богатые пьют и едят, а голенки не ссужают, а сами того не распознают, что и богатые умирают* Азб. гол., 229; *Покая себе, своей бедности, не обретаю, лапти разбиваю, а добра не налему* Азб. Гол., 230; *Учинилась мне беда великая, в бедности хожу, весь день не евши, а поест мне никто не даст* Азб. Гол., 230; *Таким именитым государством владеет, аки великим морем колеблет: что хочет, то творит, а никто ему не возбранит* Нов. пов. Рос. царств., 26; *За нагим-то Горе не погонитца, да никто к нагому не привяжетца, а нагому босому – шумить разбой* Пов. Горе Зл., 9; *Сами ведаете с коего времени сидят! И всякое великое утеснение терпят и ни на которую меру не поползнут и никакому их вражью прелести и на обещание не прельстятся, что им обещает и сам наш сопостат и вси стоят единодушно и непреклонно и неподвижно умом и душою на их прелестное ложное обещание и душ своих не потопят и во веки ими погибнути не хотят, а хотят славно умереть нежели безчестно и горько жити* Нов. пов. Рос. царств., 10; *И аки прехрабрый воин лютаго и свирепаго и неукротимаго жеребца, ревушаго на мску, браздами челюсти его удерживает и все тело его к себе обращает и воли ему не подает,*

аще ли подаст, то и сам от него погибнет: занесен будет в неисходный ров и сокрушится, – тако же и оный великий град, по своим делам и паки великий, тому сопостату нашему и похитителю веры нашея православныя, ревущему на великое наше государство и на всех нас, во уме запрещает и к нам итти възбраняет Нов. пов. Рос. царств., 16; *И у него, архимарита, на то и смыслу нет: у нас, знающих людей, **не спросится**, сам во нраве своем один живет, а з горя один хлеб жует* Каляз. чел., 67.

Некоторые формы презенса, образованные на базе простого будущего с отрицанием, на первый взгляд относят действие к ситуации актуального настоящего: *Московские же велможы не хотяху ево во двор ко князю пустити, неверствия ради, к мертвому телу. Яков же з грубыми словесы во слезах изглагола: «Како мя **не пустите** не токмо господина моего, но и государя, кормильца моего, своими очи мне видети?»* Пов. воев. Шуйск., 32. Реальный центр временного дейксиса находится внутри времени ситуации, совпадающей с моментом речи. Однако к настоящему актуальному относится не само действие, как может показаться, а его модальное содержание (т.е. нежелание производить действие). Отметим, что данный модальный оттенок может относиться не только к моменту речи, но и к другим моментам широкого плана настоящего времени: *Затворили вы тем Азовом городом все море синее: **не дадите** проходу по морю ни кораблем, ни катаргам царевым ни в которые поморския города* Поэт. Азов., 63. П.Я.Черных фиксирует «употребление в функции глагола несовершенного вида» (следовательно, в значении настоящего времени – Р.С.) подобных форм в различных деловых документах первой половины XVII столетия: *и те де ямщики у них посадских людей лошади отымают ... и ничего де им с реки на своих лошадях возити **не дадут**, и от тех де ямщиков им ... чинятся ... убытки великие; и ныне де тот Емельянов ... хлеба купить **не даст**; и то делаете своею оплошкою ... по се время ягод можжевеловых **не пришлете**; и пультка во мне ... и я от тое раны живот свой*

мучю: *не заживет, только гниет* [Черных 1953: 350], что в совокупности с нашими данными позволяет сделать предположение об общеязыковом характере их функционирования в начальный период формирования русского национального языка.

Исследователями современного русского языка формы, выражающие невозможность осуществления действия в момент речи, традиционно называются настоящим потенциальным. Их функционирование в наши дни в целом отличается теми же особенностями, что и интересующие нас формы в повествовательных произведениях XVII века: *Выходи поскорее ... - Сейчас... Крылатки никак не найду; Я сейчас не могу вспомнить, как переживали олепинские жители самый первый увиденный ими фильм, как не вспомню, о чем был этот фильм* [Грамматика I: 634].

Наличие модальных оттенков, осложняющих значение анализируемых форм, связано с особенностью семантики их производящих. Для форм будущего времени типично совмещение темпорального значения с различными модальными. В содержании высказываний, относящих ситуацию к сфере будущего времени, неизменно присутствует некоторая доля потенциальности, диалектически соотносящей реальное и ирреальное. Именно понятием потенциальности охватывается круг модальных значений (в числе которых – возможность, необходимость, желательность и т.д.), отражающих динамику перехода от недействительного к действительному и сопровождающих значение отнесенности ко времени после момента речи.

Однако в нашем материале функционируют производные от форм будущего простого с отрицанием, лишенные модальных оттенков. Так, в вопросительных предложениях, ориентированных не на получение ответа, а на передачу позитивной информации, в составе конструкций типа «кто не + форма 3-го лица единственного числа» интересующие нас формы указывают на всеобщность, закономерность и даже целесообразность названного глаголом

действия: *Кто ли, пропився до нага, **не помянет** тебя, кабаке непотребне? Како ли кто **не воздохнет**: во многия времена собираемо богатство, а во един час все погибне?* Сл. каб., 47; *О великое чудо, кто на тя безделное **не пронесет**, но мы про тебе говорим и злобою кленем тя, а не тешим* Сл. каб., 62; ***Ныне** же кто **не подивится** безумию их, без ума бо сами себе искажиша* Сл. каб., 63; *И царство наше от них не отстоит, погибнет, - кто **не восплачется**, кто **не възрыдает**, кто **не воздохнет**?* Нов. пов. Рос. царств., 27. Подобные мнимоотрицательные построения имеют характер риторического вопроса, в котором заключено уверенное экспрессивно окрашенное утверждение. Они распространены и в современном русском языке, ср. в «Грамматике-80»: *Что только **не вспомнит** человек, проживший полвека!* [Грамматика I: 634]. Вероятно, нейтрализация модальных оттенков связана с вопросительностью предложения: лингвисты с давних пор отмечают, что вопросительные предложения модальны, что им «можно приписывать дополнительные модальные признаки, указывающие на те или иные ожидания говорящего» [Лайонз 1978: 326], ср. [Грамматика II: 386]; в теории функциональной грамматики вопросительные предложения относятся к виртуальной разновидности индикатива, которая противопоставляется – по признаку отсутствия у субъекта речи достоверной информации о реализации или нереализации действия – дефинитивной [Сильницкий 1990: 94 и сл.]. Может быть, модальное содержание рассматриваемых производных нейтрализуется именно под влиянием модальности вопросительного предложения.

Итак, поскольку специфика темпоральных форм безморфемного образования определяется семантикой их производящих, значение форм настоящего времени, мотивированных формами будущего простого, осложняется оттенками, связанными как с футуральной семантикой, так и с категориальным значением совершенного вида. Анализ произведений повествовательного жанра XVII века свидетельствует об использовании таких

претеритов с целью создания стилистических эффектов преимущественно в повестях новой книжной традиции.

Глава 3

Семантическое образование форм будущего времени

Семантическая специфика форм будущего времени, относящих действие ко времени после момента речи или другого мысленно приравниваемого к нему момента, состоит в том, что время обозначаемой ситуации занимает внешнее положение по отношению к моменту речи как исходному пункту реального временного дейксиса [Бондарко 1990а: 21].

В русском языке XVII столетия, как и в современном русском языке, будущее время дифференцируется по виду. Формы будущего простого и в начальный период формирования русского национального языка, и на современном этапе его развития характеризуются особыми окончаниями со значением лица и числа, присоединяющимися к основе настоящего времени глаголов совершенного вида (*закрою, закроешь, закроет, закроем, закроете, закроют*), а также глагола *быть* (*буду, будешь, будет, будем, будете, будут*) [Грамматика I: 626], и представляют будущее действие как целостный факт, ограниченный пределом. Формы будущего сложного образуются при помощи вспомогательного глагола *быть* в личной форме будущего простого и инфинитива глагола несовершенного вида (*буду писать, будешь думать, будет рассматривать*) [там же: 627] и относят к будущему не ограниченное пределом действие в процессе его протекания.

Различия в семантике указанных форм заставляют ученых трактовать их как самостоятельные формы времени, несмотря на объединяющее их категориальное значение следования по отношению к грамматической точке отсчета. Мнение В.В.Виноградова о том, что «описательная форма будущего времени несовершенного вида... обозначает течение действия в плане будущего, отрешенном от настоящего (ср., например: *сейчас буду одеваться*, т.е. еще не начинал, и *я сейчас оденусь*, т.е. буду одетым). В описательной

форме будущего времени течение действия целиком относится к области будущего» [Виноградов 1986: 463], совпадает с точкой зрения авторов «Грамматики-80»: «Значение форм будущего сложного ограничено сферой будущего» [Грамматика I: 629]. Из истории сложного предложения явствует, что в условных конструкциях сочетания форм «в будущем совершенном выражают время действия более абстрактно, чем сочетания с формами глагола в будущем несовершенном времени, непременно вносящими реальный временной план будущего» [Морозова С.Е. 1979: 254]. Значение форм будущего простого квалифицируется, таким образом, как не ограниченное сферой будущего. Высказываются предположения, что в период первоначального возникновения видовых различий синкретичная и многофункциональная форма настоящего/будущего времени могла иметь модальное значение (ср.[Силина 1982: 191]). Возможно, что именно этим обусловлено совмещение формой будущего простого темпорального и различных модальных значений, характеризующее русский язык и в XVII столетии, и на современном этапе его развития. Согласно разысканиям в области глагольной морфологии, формы будущего простого, наряду с основным грамматическим значением «в определенных условиях контекста выявляют периферийное значение настоящего времени повторяющегося (в частности, обычного и типичного) действия, нередко с дополнительными модальными оттенками. Хотя возможность выявления этого значения зависит от контекста, существенную роль при этом играет сама форма, по типу своего образования являющаяся формой наст.<оящего> вр.<емени> ...значение наст.<оящего> вр.<емени> повторяющегося действия может совмещаться со значением будущего. Такое совмещение обоих значений особенно характерно для тех случаев, когда временные значения сопровождаются модальными значениями возможности или невозможности осуществления, необходимости, долженствования. В таких случаях обозначается то, что бывает обычно

(постоянно, всегда) и что может быть (должно быть) и в будущем: – *Послушай еще: я ведь не вздор говорю; я согласен, во всем Петербурге не найдешь такого почерка, как твой почерк*» [Грамматика I: 629-630]. Несмотря на то, что в настоящем исследовании подобные случаи трактуются как факты семантического образования форм настоящего времени на базе будущего простого, наличие модальных оттенков и их влияние на семантическую специфику названных форм не подвергается сомнению.

Как указывалось выше, формы будущего простого в языке XVII века и в современном русском языке совпадают и в плане выражения, и в плане содержания. То же относится и к формам будущего сложного (об их функционировании в текстах XVII столетия см. ниже). Тем не менее повествовательный жанр накладывает свой отпечаток на особенности употребления, следовательно – и на частотность указанных форм. Поэтому рассмотрим отмеченные в нашем материале формы футурума морфологического образования, прежде чем обратиться к анализу их грамматических синонимов – форм будущего времени, произведенных семантическим способом.

Синтетические формы будущего простого глаголов совершенного вида, в плане выражения совпадающие с формами настоящего времени и связанные в своей истории с развитием и укреплением противопоставленности совершенного и несовершенного вида, чаще всего называют конкретное единичное, ограниченное пределом действие в будущем: *Великий же князь велми печален бысть, воздохнув, прослезися и воспомяну своя глаголы, яже глагола ко отроку своему Григорию: «Тое на мне сбысться, а его уже отныне не увижу»* Пов. Тв. мон., 121; *Да идеже **приидем**, тамо и денег у нас будет, елико потребно* Пов. Груд., 245; *И заповеда ему, дабы сие никому не поведал: «Аще ли **поведаеши**, то злою смертию **умреши**»* Пов. куп., 132; *И не о том днесь слово, иже впредь **узрите*** Нов. пов. Рос. царств., 11; *А будет*

государство **переменитца**, или тово бог **скротит**, а станет лготу давать и дани **поубавит**, и государство опять полно **наполнитца**, селища опять живи будут Пов. раз., 327; На что вы, воры глупыя, надежны? Запасу вам хлебнаго с Руси николи **не приилють** Поэт. Азов., 64.

В повествовательных произведениях XVII века нами также зафиксированы формы будущего сложного, образованные сочетанием спрягаемых форм глаголов *имети*, *хотети*, *начати* (*почати*, *учати*) с инфинитивом другого глагола, которые на протяжении исторического развития русского языка являлись «не аналитическими образованиями в полном смысле этого слова, а скорее составными глагольными сказуемыми, так как глаголы *хотети*, *имети*, *начати*, выступая в сочетании с инфинитивом как вспомогательные, сохраняли все же свое лексическое значение: *хотети* — значения желания, *имети* — значения обладания, *начати* — начинательное значение» [Иванов 1982: 110]. Кроме того, в нашем материале отмечены конструкции с глаголом *стати*, которые появились в русском языке лишь в старорусский период его развития (см.[Иванов 1982: 129; Демиденко 1964: 6]).

Конструкции с глаголом *хотети* лишь в некоторых случаях относят действия ко времени после момента речи: Он же глагола: «Идем в Поморие торговати, и ныне ледом нас затерло, и вси **погибнути хотим**» Пов. жит. Кер., 195 (о желании не может быть и речи); Сей сын наш **хочет быть** в торгу смыслом лутче меня и **хочет жити** славнее и богачее Пов. куп., 126 (отец уверенно говорит о будущем маленького мальчика, проявляющего незаурядные способности к коммерции). При сохранении глаголом *хотети* лексического значения подобные сочетания не выполняют функций формы футурума: По игранию же восхоте спати и рече: «Господине, не мешай, аз **хочу спати!**» Пов. куп., 133; И потом премудрой той доктор глаголет к купцу: «Что ты злому тому чаровнику и губителю своему **хочеш сотворити** за мерзкое и великое и смертное поругание?» Пов. Григ., 332; Аз бо со ордами управляюся, а

противо меня вы **хощете устояти** Сказ. Азов., 106; *Азовцы же с города смотряху и радующеся глаголаху: «Казаки **хотят** от нашего города **бежать**»* Ист. Азов., 54.

Конструкции с глаголом *начати* (*почати, учати*), выступающим в основном как чисто вспомогательный с абстрактным значением начинательности, напротив, обозначают преимущественно будущие действия – *И да будет у меня денешка скорая и горячая, и **почну** себе товарищав **прибирати**, таких же воров, каков я сам* Пов. крест., 110; *Бес же бежа от нея, вопияше: «Многу беду ныне приях тебе ради, но сотворю ти спону на старость: **начнеши** голодом **измирати**»* Пов. Улиян., 281; *А хто родителей своих на добро учение не слушает, того выучю я, Горе злочастное. Не к любому он **учнет упадывать**, и **учнет** он недругу **покаратися*** Пов. Горе Зл., 10; *И **учнем** в совете **жити** и торги **чинити**, и будите соседи наши ближния* Сказ. Азов., 107; *Первое тебе люди отведает и **учнут** ты **чтить** и **жаловать** за твою правду великую* Пов. Горе Зл., 7. Конструкции с глаголом *стати*, выступающим со значением начинательности, также относят названные ими действия к плану будущего времени: *И столник Нардин Нащокин закричал: «Встань, плут! Знаю тебя давно, плута, ябедника, знатно, что наябедничил себе несносно, скажи, плут, буде сносно, **стану стараться** о тебе* Пов. Скоб., 163; ***Станем** мы с ним, царем турским, **битца**, что с худым свиным пастухом наймитом* Поэт. Азов., 66; *И по окончании стола столник Нардин Нащокин спрашивал: «Ну, плут, чем **станешь жить**?»* Пов. Скоб., 166; *И **станет** она с тобою **играть** и захочет спать, ты же не спи и смотри на лице ея* Пов. куп., 133; *И в нашем царстве **учнут** вас все великия орды называть силными богатыми русскими богатырями з Дону славнаго, тихаго, и **станут** вас **хвалить** за то, что вы, послыша приход турецкаго царя с великою силою, не устрашились, сидя во осаде с малою дружиною* Сказ. Азов., 95. Они характеризуют в основном повести новой книжной традиции, что

неудивительно, учитывая их позднее происхождение. В современном русском языке, согласно замечанию В.С.Храковского, глагол *стать* в форме будущего времени обычно утрачивает начинательное значение и приобретает значение глагола *быть*; исключение составляют случаи выражения повторяющихся действий, причем в качестве примера ученый приводит текстовый фрагмент, организованный семантическими производными: *Везли левшу так непокрытого, да как с одного извозчика на другого **станут пересаживать**, все роняют, а **поднимать станут** – уши рвут, чтобы в память пришел* [Храковский 1987: 166].

Глагол *имети* выступает как вспомогательный, не имеющий собственного лексического значения, и обозначает лишь отнесенность названного инфинитивом действия к будущему: *Купец же о сем велми возрадовася и рече: «Человече, поиди ко мне во служение. Аз **имам дати** великую плату* Пов. куп., 130; *Она же рече ему: «Не убойся, отче, сего, но смерти своей убойся, греха смертнаго; единою смертью умрети, а грех сотворяй, **мучитися имаши** во веки»* Пов. Сут., 118; *Положите упование на бога: приимите венец нетленной от Христа, а души ваши приимет бог. И **имате царствовати** со Христом во веки* Поэт. Азов., 79; *И сам-то господь не придет с палицею на тя и на вся злотворящая, такового человека зла пошлет на тя, и тот тя **имать бити** и **безчествовати** и **предати** на обличение* Пов. Сут., 117. Сочетания глагола *имети* с инфинитивом, как известно, были более близки к образованию аналитической формы футурума, чем конструкции с глаголами *хотети* и *начати* (*почати*, *учати*), однако этому воспрепятствовали история глагола *имети* и его конкуренция с глаголом *буду* как наиболее абстрактным в лексическом плане [Иванов 1982: 115]. Конструкции с глаголом *имети*, в отличие от прочих сочетаний с инфинитивом, в нашем материале немногочисленны, как и сочетания «*буду* + инфинитив глагола несовершенного вида», действительно представляющие собой подлинно аналитическую форму

будущего времени: *И шед, удари челом другу своему Афанасию Бердову: «Друже мой любиме, Афанасие! Се ныне приспе мне время ехати на куплю свою в Литовскую землю, аз оставляю жену свою едину в доме моем; и ты же, мой любезнейший друже, жену мою, о чем тебе станет бити челом, во всем снабди: аз приеду от купли своей, **буду** тебе **бити** челом и **платитися*** Пов. Сут., 114; *И заповеда ему, дабы никому не поведал: «Аще ли поведаеши, то злою смертью умреши. А толко **будем ведать** ты да я да невеста твоя, поп да друшка»* Пов. куп., 132; *Ты же, егда вся совершиши и монастырь сей исправиши, не многое время **будеши** ту **жити** и изыдеши от жития сего к богу* Пов. Тв. мон., 123; *Купец же ей рече: «Чесо тебе, душа моя, ево стыдится, понеже сей раб всегда при нас **будет служить**»* Пов. куп., 133. Однако если сочетания «буду + инфинитив глагола несовершенного вида» в XVII веке только получают закрепление в повествовательном жанре, то сочетания «имети + инфинитив», напротив, постепенно исчезают из его произведений и в нашем материале характеризуют преимущественно повести старой книжной традиции.

Несмотря на то, что формы футурума, образованные морфологическим и семантическим способами, способны выступать как синонимичные, говорить об их полном функциональном тождестве, а значит – взаимозаменяемости, представляется неправомерным. Анализ форм будущего времени семантического образования в повествовательных произведениях XVII века позволит выявить такие оттенки значения указанных форм, которые отсутствуют у их грамматических синонимов морфологического образования.

3.1. Формы будущего времени, образованные семантическим способом на базе форм настоящего

Такие формы футурума, подобно формам презенса, мотивированным формами будущего простого (см. п. 2.1), примечательны тем, что вместе со своими производящими составляли единую синкрету в древнерусском языке исходного периода. Его ассиметричная временная система имела лишь одну недифференцированную парадигму личных форм настоящего/будущего времени, морфологическое (независимое от контекста) значение которых состояло из двух равноправных компонентов: значения одновременности с моментом речи и значения следования. Конкретное значение настоящего или будущего времени указанные формы получали только в контексте [Силина 1982: 190-191]. Особенности развития видо-временных отношений в древнерусском языке XI-XIV вв. привели к ликвидации былого синкретизма многофункциональной формы настоящего/будущего времени. В XVII веке (равно как и на современном этапе развития русского языка) один и тот же для глаголов несовершенного и совершенного видов формант не выражает однозначно морфологического значения настоящего или будущего времени. Отношение действия к моменту речи определяется в и д о в о й с е м а н т и к о й о с н о в ы . Поэтому семантическое образование форм будущего времени на базе настоящего оказалось возможным не только в силу распада древнейшего синкретизма настоящего/будущего времени, исключавшего противопоставление производящего производному, но и благодаря формированию видо-временной системы, в которой видовое значение становится семантическим компонентом каждого глагольного слова.

Специфика форм футурума, мотивированных формами настоящего времени, заключается в следующем. Отнесенность ситуации к будущему, т.е. к временному плану, вынесенному за пределы единства субъекта действия и его

настоящего, выражается формой, семантика которой исключает разобщение времени ситуации и момента речи. Характерное для семантического образования форм времени объединение принципиально разных типов отношения к исходной точке отсчета создает эффект метафоричности: в данном случае будущие действия представлены как процессы, протекающие в момент речи.

Формы будущего времени, производные от форм настоящего, фиксируются в начальный период формирования русского национального языка преимущественно в памятниках деловой и бытовой письменности. Так, анализируя тексты второй половины XVI века, С.Д.Никифоров указывает, что в некоторых случаях «форма настоящего времени выражает действие, которое обязательно произойдет (при отрицании – не произойдет) или которое определенное лицо обязано выполнить в будущем» [Никифоров 1952: 168]: *И вы бы их отослали к Свейскому королю; а государя нашего человек **идет** к свейскому королю о управе на тех душегубцев; И из Серпухова, прося у бога милости, царь и великий князь **идет** против недруга своего крымского царя Казы-Гирея, где его скажут, на прямое дело; У меня есть грамота великого князя, что мне ехать к пречистой в Печеры, а к Пскову отселя яз **не еду**; И нам бы его тем отца его помещьем пожаловати, а он, взроци, с того помещья нашу службу **служит** и мать и сестры ис полону **выкупает**, и, выкупив, с того же помещья мать свою и сестер **кормит** и, вскормив, сестры замуж выдать Акты; А хто на срок не платит или росту наперед не уплачивает ино с убытком и со студом платежь и въпрעדь никто **не верит** Домострой. Сходное употребление форм презенса исследователь отмечает в предложениях, зависящих от инфинитивных конструкций со значением долженствования – *И поминати им мои родители и меня ... докуле монастырь пречистые богородицы **стоит**. А игумену Кириллу з братьею ... моих родителей поминати без выкладки, доколе и бог **благоволит** и монастырь**

*стоит; А теми тремя озера ... владети игумену с братьею и рыбу ловити всякою ловлею, покаместа мельница **мелет*** Акты. В.А.Бондарева отмечает формы настоящего времени в значении будущего в языке частных писем, челобитных и других документов XVII века [Бондарева 1973].

В нашем материале формы будущего времени, мотивированные формами настоящего, немногочисленны и характеризуют сказочные, сатирические и прочие повести, представляющие новую книжную традицию и отражающие близость к разговорному языку эпохи. При этом указанные производные функционируют не в унаследованном повествовательным жанром XVII века от предыдущих эпох формулах (типа традиционных зачинов, обращений к святым-заступникам и пр.), в которых можно увидеть древний довидовой синкретизм недифференцированной формы настоящего/будущего времени. Видо-временные различия в начальный период формирования русского национального языка широко и умело используются в целях актуализации глагольного слова в художественном произведении.

Интересующие нас образования часто употребляются в одном контексте с формами футурума морфологического образования – имеются в виду как формы будущего простого, так и будущего сложного: *Ни, убо; не мни убо того; быти тому – аз убо елико **могу** со всею силою моею подвигнуся на тя!* Пов. Груд., 256; *Аще нас господь бог от сия смерти избавит, то мы не будем в Азове городе жить и **идем** на тихой Дон Иванович и построим мы, казаки, монастырь* Сказ.Азов., 110. Однако они отличаются от своих грамматических синонимов яркой экспрессией, поскольку представляют будущие действия как протекающие в момент речи.

В некоторых случаях можно говорить о стилистическом варьировании форм будущего времени семантического и морфологического образования. Сопоставление различных списков одной и той же повести показывает, что формы футурума, мотивированные формами настоящего времени, и формы

будущего простого воспринимаются как функционально близкие: *Пожалуй, не пролей напрасной крови до тех мест, доколе яз царевы очи **вижду*** (в другом списке: увижу – Р.С.), *а брат мой не солгал, з глупости не умел рассказать царю* Пов. раз., 325; *Но сей не человек, но диавол ходяй с тобою и **доводит*** (в другом списке: доведет – Р.С.) *тя до пропасти адския* Пов. Груд., 245; *И глаголет бес Савве: «Аще кто ты **видит*** (в других списках: увидит/узрит – Р.С.) *и вопросит, откуда пришел еси, ты же глаголи: «От Соли Камской в третью неделю приидохом до zde»* Пов. Груд., 245. Примечательно, что в сложносочиненных предложениях с однородными сказуемыми именно указанные формы морфологического и семантического образования относят несколько последовательно производимых одним и тем же субъектом действий к периоду после момента речи. Это относится и к бессоюзным перечислительным построениям – *Не перелетит через силу нашу турецкую никакова птица паряща, устрашится людей от много множества сил наших, вся **валитса** с высоты на землю* Поэт. Азов., 64 – и к конструкциям с противительными союзами: *Зде умру, а к тебе, госпожа моя лисица, **не иду**, понеже язык твой лстив* Сказ. кур., 73.

Поскольку мы коснулись вопроса о контекстуальных показателях футурального значения рассматриваемых производных, отметим, что на следование события, названного формой семантического образования, за моментом речи могут указывать соответствующие обстоятельственные конкретизаторы: *А есть ли толко вы из Азова города сея ноци вон не выдете, **не можете** завтра от нас живы быти* Поэт. Азов., 63.

Впрочем, более распространенным является отсутствие наречий времени в главной части сложноподчиненных предложений времени и условия (именно в таких конструкциях зачастую функционируют интересующие нас формы футурума). В подобных случаях о том, что действие отнесено к плану будущего времени, свидетельствует определенное соотношение временных

планов главной и придаточной частей. Так, препозиция придаточной части временного предложения выражает предшествование названного в ней действия тому, которое отражено в главной: *Надобно, друг мой, послать к ним образ и благословить их, хотя заочно, а когда сердце наше умилоствивитца к ним, то **можем** и сами видится* Пов. Скоб., 164. Следовательно, выделенная форма представляет действие как будущее.

Условные предложения, в которых сказуемое придаточной части обозначено формой будущего простого, характеризует относительное время предшествования условия следствию: *А есть ли вы сейчас вон не выйдете, то **не можем** вас живых видети* Сказ. Азов., 95; *Он же отвеца: «Готов тебе служить, токмо сотворим мы с тобою обет, чтоб тебе меня во всем слушатца. А ежели слушатца не будешь, то **не иду** к тебе во служение»* Пов. куп., 130. Соответственно, выделенные формы относят действия к временному плану, следующему за моментом речи. Сопоставление приведенных конструкций с извлеченными из тех же повестей условными предложениями, в которых отражается неповторяющаяся, однократная связь ситуаций, названных сказуемыми в форме будущего времени, – *Да еще сегодня Азова не возмете, и вы живы не будете* Сказ. Азов., 103; *И заоведа ему, дабы сие никому не поведал: «Аще ли поведаеши, то злою смертью умреш. А токмо будем ведать ты да я да невеста твоя, поп да друшка»* Пов. куп., 132 – показывает, что в них воспроизводятся одинаковые смысловые отношения. Вместе с тем неясно, следует ли квалифицировать подобное употребление применительно к XVII столетию как грамматическое варьирование равноправных форм непростого времени – настоящего и будущего простого – или же как своеобразное наследие эпохи древнейшего синкретизма формы настоящего/будущего времени. Ср., например, замечание Т.П.Ломтева об употреблении в древнерусском языке форм настоящего времени в придаточном условном предложении, в соответствии с которыми в современном русском языке употребляются формы

будущего и извлеченные им из «Правды Русской» примеры: *аже кто убиет княжя мужа в разбои, а головника не ищутъ, то вирьвную платити, в чьей же верви голова **лежитъ*** (= в чьей верви б у д е т л е ж а т ь голова); *оже ли пропьеться или пробиеться, в безумии чюжь товар испорътитъ, то како любо тем, чье то куны, **ждутъ** ли ему, а своя им воля или **продадятъ**, своя им воля* (=б у д у т л и ж д а т ь его, – своя им воля, или будут продавать – своя им воля) [Ломтев 1952: 219].

Итак, поскольку специфика темпоральных форм безморфемного образования определяется семантикой их производящих, отличительной чертой форм футурума, производных от форм настоящего времени, является обусловленная категориальным значением несовершенного вида семантика процессуальности. Анализ произведений повествовательного жанра XVII века свидетельствует о функционировании таких форм только в повестях новой книжной традиции.

3.2. Формы будущего времени, образованные семантическим способом на базе форм инфинитива

Как отмечалось выше, инфинитив в современном русском языке считается глагольной формой, только называющей действие и никак не обозначающей его отнесенности ко времени его осуществления [Грамматика I: 674]. Однако существуют иные точки зрения. Так, С.Н.Цейтлин полагает, что инфинитив обладает дефектной темпоральной парадигмой, включающей только формы настоящего времени с отчетливой футуральной перспективой: действие представлено как предполагаемое в будущем, но при этом связанное с настоящим. Речь идет о независимом предикативном инфинитиве в конструкциях типа *Мне еще с собакой гулять*, составляющих принадлежность модального поля необходимости [Цейтлин 1990: 149]. Категориальная ситуация необходимости является потенциальной, следовательно, указывает на переход от ирреальности к реальности. Между тем условия для свободного языкового выражения временных отношений создает только значение реальности. Возможно, поэтому А.В.Бондарко располагает конструкции типа *Нам завтра рано **вставать**; **Отдохнуть** бы* на дальней периферии функционально-семантического поля темпоральности. По мнению ученого, они выражают модальные значения, предполагающие темпоральную отнесенность ситуации к плану будущего, однако имеется в виду не грамматическое значение времени, а некатегориальная темпоральная семантика, имплицитруемая категориальным модальным значением синтаксической конструкции [Бондарко 1990а: 51].

Исследования показывают, что в древнерусском языке XI-XIV вв. достаточно широкое распространение имели предложения с независимым инфинитивом, выражающим значения долженствования (*Един бо бог царствует небесными, вам же, с его помощью, **царствовать** земными*

Послание митрополита Никифора к Владимиру Мономаху, XII в.; *Оже ли не будет кто его мьстя, то **положити** за голову 80 гривен* «Русская правда» XIII в.; *Пощенье бо исперва преображено бысть Адаму первое **не вкушати** от древа единого* Повесть временных лет; *По сему образу чернцу всedневный пост **держати*** Слово Кирилла Туровского, XIV в.; *А княжения великого Дмитрию **не подымати*** I Новгородская летопись), возможности или объективной заданности совершения действия, причем с оттенками неизбежности, вынужденности или непредвиденности (*И се **видети** тому чюдо испльнь ужаси* Житие Феодосия Печерского, XII в.; *Княже, конь его же любииши и ездииши на нем, от того ти **умрети*** Повесть временных лет; *Бог бо казнить рабы своя напастьми различными... христианину бо многыми напастьми **внити** в царство небесное* Суздальская летопись; ***Быти** грому великому! **Итти** дождю стрелами с Дону великаго!* Слово о полку Игореве) [Георгиева 1978: 279-282]. Отметим, что подобные формы на протяжении всего древнерусского периода функционировали и в разговорном языке. Об этом свидетельствуют в том числе и новгородские грамоты: *А у сего смьрьда **възяти** епископу...20-50е гг. XI в.* [Зализняк 1995: 223]; *Землици мало, а пожни отъимають. Ни чим **способити*** 70-80е гг. XIV в.[там же: 477].

В старорусский период развития не обнаруживается новых языковых фактов, касающихся семантики и построения таких инфинитивных предложений: во второй половине XVI в., согласно разысканиям С.Д.Никифорова, инфинитив «употребляется с модальными значениями косвенных наклонений (повелительного и условно-желательного) и выражает дол ж е н с т в о в а н и е различных оттенков»: *Всякому человеку ... **разсудити** себя и **сметити** по промыслу и по добытку и по своему имению Домострой; И рукописание тебе крепко на себе дам... дани и оброков мне у тебя **не имати** и земли твоя **не воевати*** Казанский летописец; *А которые собою вышли о тех устрои **чинити** ж по достоянию Стоглав; А земля им*

промеж себя по книгам и по своим дачем делити полюбовно, потому что пахана у них земля совместно Арзамасские акты [Никифоров 1952: 197-198]. Со стороны же особенностей функционирования обращает на себя внимание их более широкое жанровое распространение: если в предыдущую эпоху они характеризовали преимущественно деловые документы и публицистику, то в XV-XVII вв. отмечается их проникновение в том числе и в произведения художественной литературы [Георгиева 1978: 283]. В нашем материале рассматриваемые конструкции представлены в «Сказании о роскошном житии и веселии», пародирующем дорожники XVII столетия: *Тамошняя музыка за сто миль слышать* Сказ. роск. жит., 32; *Там по полам пажити видети скотопитательных пшениц* Сказ. роск. жит., 31; *А за таким великим приходом той земли не бывает снегов, не знают дождя, грозы не видеть*, и что зима – *отнюдь не слышать* Сказ. роск. жит., 32. Зафиксированы они и в повестях, близких народным сказкам: *Ино я сам знаю и ведаю, что не класти* скарлату без мастера, *не утешити* детяти без матери Пов. Горе Зл., 11; *А у них в обычае так: кого уличат ложью, того казнити* смертью Пов. раз., 325; *Слуга же поведает ему: «Кругом лесу ехать, ничего не бойся. А через лес хотя и ближе, то уже та дорога залегла тому 30 лет, ибо на той дороге великой разбой и никому проезду нет»* Пов. куп., 130. Отсутствие вербального выражения субъекта действия в приведенных примерах подчеркивает значение обобщенности действующего лица. В случае необходимости субъект действия конкретизируется посредством употребления имени в дательном падеже: *Кругом двора его каменной город, а круг города ров, а через ров мост, а на мосту устроены цепи и пушки; а христианину в него не входит* Чел. Вас. Пол., 268; *Не бывать* бразнику богату, *не бывать* костарю в славе доброй! Пов. Горе Зл., 11.

Помимо предложений, выражающих абстрактное, нелокализованное во времени долженствование, неизбежность и т.д., то есть ирреальную

модальность «в чистом виде», в повествовательных произведениях XVII века достаточно широко представлены мотивированные ими конструкции с независимым инфинитивом, относящим названное им действие или состояние к периоду после высказывания о нем. Грамматическое значение будущего времени инфинитив получает благодаря контексту, определяющему изображаемую ситуацию как следующую за моментом речи. Футуральная семантика указанной формы осложняется модальными оттенками долженствования, неизбежности, необходимости, вынужденности, возможности/невозможности, ненужности, недопустимости и т.д., связанными со смысловым содержанием ее производящего: инфинитив называет действие безотносительно к его производителю, что позволяет отобразить его обусловленность чужой волей, словно бы внешней тому, кто его исполняет. Указание на косвенный субъект будущего действия, названный именем или местоимением в дательном падеже, обязательно.

Отметим, что семантически любая форма футурума близка конструкции с модальным значением долженствования, подразумевающим темпоральную отнесенность ситуации к плану будущего времени. Ср. замечание Г.Г.Сильницкого о том, что будущему времени присуще значение виртуальности: потенциальность будущего события менее созвучна категориальной сущности индикатива, чем дефинитивность действия в прошлом [Сильницкий 1990: 98]; ср. также мысль Дж. Лайонза о пересечении понятия «будущего» с разграничением наклонения и времени: «утверждения о будущих событиях обязательно основываются на вере, предсказании или намерениях говорящего, а не на знании «фактов» [Лайонз 1978: 328].

Как указывалось выше, в соответствии с существующими представлениями о функционально-семантическом поле темпоральности подобные инфинитивные конструкции располагаются на его дальней периферии, так как выражают модальные значения, предполагающие

темпоральную отнесенность ситуации к плану будущего времени, однако речь идет не о грамматическом значении времени, а о некатегориальной темпоральной семантике, имплицуруемой категориальным модальным значением синтаксической конструкции [Бондарко 1990а: 51]. Вне рамок функционального подхода к языковым фактам подобные конструкции изучаются в качестве явлений синтаксического уровня и трактуются как инфинитивные предложения со значением объективной предопределенности, формально-семантически соотносительные с двукомпонентными глагольными предложениями в форме будущего времени [Грамматика II: 373-377]. В настоящей работе главный член предложений подобного типа квалифицируется как форма будущего времени, образованная семантическим способом на базе инфинитива.

Функционирование указанных производных характерно преимущественно для сказочных и сатирических повестей, особенно близких к разговорному языку эпохи.

Рассмотрим сначала формы футурума, мотивированные инфинитивом в сочетании с отрицательной частицей *не*. В нашем материале они называют будущее действие, осуществление которого представляется невозможным: *Ты на то надеешься, что грамоте горазд и отвецати умеешь. И тем тебе не отговоритца. Повинен ты еси смерти* Сказ. кур., 76; *Есть и пить довольно, чего у кого приволно, сколь душа примет; кому не умереть – немедленно живота избавит* Леч. инозем., 96 (любопытно, что в данном случае в пределах одного предложения функционируют образованные семантическим способом на базе инфинитива формы императива *есть* и *пить* – поскольку лечебник написан как инструкция – и форма будущего времени *не умереть*); *Азовцы же з города наругахуся и глаголаша войску: «Сколко де вам, казакам, под городом Азовом ни стоять, а нашего де вам Азова не взять»* Поэт. Азов., 54; *Что есть того похвалнее и дивнее и безстрастнее: в руках будучи у своего злаго*

сопостата и врага, и у смерти стоячи, и всякую нужу терпячи, и лиц своих противу его, сопостата, не стыдят и в очи ему говорят, что отнюд ево воли не бывати и самому ему у нас *не живати*, да не токмо ему, но и рожденному от него, аще не освятится тако, яко же мы, божиею благодатию Нов. пов. Рос. царств., 15; *Отнюд ничему тому не бывати*, что сыну у нас *живати* Нов. пов. Рос. царств., 19. Примечательно, что и в повествовательных произведениях XVII века, и в современном русском языке подобные предложения с глаголом *бывать* – только отрицательные [Грамматика II: 373].

Формы будущего времени, образованные от инфинитива без отрицания, способны к выражению нескольких оттенков своего основного грамматического значения.

В большинстве случаев они указывают на обусловленную стечением обстоятельств *н е и з б е ж н о с т ь* – *А тебя не ведаю как положити и чем тебя одети: шубою тебя одети – и тебе **опрети**, а портным одети – и ты здрожииш, у нас убежиши, и людей насмешиши, а себя надсадиши* Посл. недр., 37; *Царю Василей! Аще ево ныне не dokonчаеш, утре тебе тою ж самому смертью **умереть*** Пов. Мих., 362; *Како бо не усумневся нимало в трезвене разуме, егда видя нагих пред собою ходящих; да ми с пропою такову же ми **быти** и по запечью с ярыжниками **валятися** и нагому пред всеми людьми **ходитьи*** Сл. каб., 56; *Ну, мой друг, уже **быть** так, что **владесть** дочерью нашею плуту такому, уже так бог судил* Пов. Скоб., 164; *А хто от вас к нам с такою глупою речью впредь будет, тому у нас под стеною города **быть** убиту* Поэт. Азов., 70; *Или мниши яко покаянием сим избудеши от нас? Ни, убо, не мни убо того; **быти** тому – аз убо елико могу со всею силою моею подвигнуса на тя!* Пов. Груд., 256; ***Быть** тебе, травонка, посеченой, **лежать** тебе, травонка, посеченой и буйны ветры **быть** тебе развеемой* Пов. Горе Зл., 12; ***Быти** тебе, травонка, рыбонке, у бережку уловленной, **быть** тебе да и съеденой, умереть будет напрасною смертью!* Пов. Горе Зл., 13 – или *в ы н у ж д е н н о с т ь*

совершения действия в будущем: *Сей двор постоялой, тут нам **начевать*** Пов. куп., 130; *Тогда она рече ему: «Возми, бога ради, понеже ризы многия и драгия в сундуках тех, дабы тати не украли у меня сундуков тех. Тогда, государь, мне от мужа моего **быть** в наказании, и в ту пору станет ми говорить: «Ты бы-де положила на соблюдение человеку доброму до меня»* Пов. Сут., 119; *А которой без ума живет, а впред не промышляет, так ему **жити**, яко в век живет с позоры* Сл. каб., 57.

В вопросительных конструкциях форма футурума, омонимичная инфинитиву, лишь относит названное ею действие в план будущего времени: *И у ково нам жалованья **просити** и за кем нам радощно и весело на враги **ехати** ко брани?* Пов. воев. Шуйск., 32; *Да како могу тебя пустити, понеже нас запрут двоих. Да како же ей, девичье дело, како ей **раздетца** при тебе!* Пов. куп., 133; *Он же вопроси его: «Да како нам ея **делити**?»* Пов. куп., 135; *Не впрям вы еще на Руси богатыри светоруские нарицаетесь: где вы, воры, теперво можете утечи от руки ево страшныя? Птицею ли вам из Азова **лететь**?* Поэт. Азов., 62-63; *Отбегаем мы ис того государства Московскаго из работы вечныя, ис холопства неволнаго, от бояр и дворян государевых, да zde прибегли и вселились в пустыни непроходней, взираем на Христа, бога небеснаго. Кому об нас там **потужить**?* Ради там все концу нашему Поэт. Азов., 68; *Что убо ныне мыслиши, како ти **избыти** от скорби сея и како ти **выручити** рукописание свое из ада?* Пов. Груд., 260. Таким образом, модальные оттенки основного грамматического значения оказываются нейтрализованными, возможно, под влиянием модальности вопросительного предложения как такового. В этом отношении рассматриваемые предложения обнаруживают несомненное сходство с вопросительными конструкциями типа «кто не + форма 3-го лица единственного числа», ориентированными не на получение ответа, а на передачу позитивной информации, которые описываются нами в п. 2.1 настоящего исследования.

Согласно приведенному нами выше предположению, темпоральные формы семантического образования на всем протяжении истории русского языка проникали в художественные тексты из живого разговорного языка. Разумеется, закрепившись в арсенале образных средств морфологии того или иного литературного жанра, семантические дериваты получали дальнейшее развитие уже в пределах конкретных жанровых форм. Однако в общих своих чертах особенности функционирования форм времени семантического образования в различных жанрах не могли не совпадать. Неудивительно, что в публицистических произведениях XVII века, таких, как сочинение Г.Котошихина «О России в царствование Алексея Михайловича» и «Житие» протопопа Аввакума, формы футурума, мотивированные инфинитивом, имеют те же особенности функционирования, что и в повествовательном жанре эпохи:

*...и те люди, кому с кем велят быти, сведав о том наперед, что им с ними **быти**, а им быти с ними зачем будет немочно, учинятца нарочным делом болны Котош., 308; А хотя торговля люди ездят для торговли в ыные государства, и по них, по знатных нарочитых людех, собирают поручные записи, за крепкими поруками, что им с товарами своими и з животами в ыных государствах **не остатится, а возвратится** назад совсем Котош., 309; Аз же некогда видеу у соседа скотину умершу, и в той ноци вставше, пред образом плакався довольно о душе своей, поминая смерть, яко и мне **умереть** Жит. Авв., 5.*

Итак, в произведениях повествовательного жанра XVII столетия нами зафиксированы две формы – прошедшего и будущего времени – образованные семантическим способом на базе инфинитива. Разумеется, контекст однозначно определяет отношение изображаемой ситуации ко времени и неразличение «претеритального» и «футурального» инфинитивов исключается. Однако их функционирование в пределах одного текста характеризует лишь «Новую повесть о преславном Российском царстве», «Повесть о смерти воеводы

М.В.Скопина-Шуйского» и «Повесть о Савве Грудцыне», сочетающие традиционно-книжные элементы с элементами живой разговорной речи; в остальных повестях отмечается либо та, либо другая форма. «Футуральный» инфинитив отсутствует в житийных, исторических и прочих произведениях, жестко следующих традициям старой книжности, «претеритальный» – в сатирических и сказочных повестях XVII столетия, представляющих собой новое явление в развитии повествовательного жанра.

По-видимому, мысль К.А.Тимофеева о том, что утрата «претеритального» инфинитива обусловлена несоответствием его семантики установившейся в русском языке модальности долженствования [Тимофеев 1959: 25], нуждается в некоторых уточнениях. Предложения с независимым инфинитивом, выражающим значения долженствования, были достаточно широко распространены в древнерусском языке XI-XIV вв., то есть в ту эпоху, когда конструкции с «претеритальным» инфинитивом уже оформились в качестве самостоятельных. Следовательно, и те, и другие могли функционировать в пределах одного текста вплоть до утраты «претеритального» инфинитива – и все это время выражаемое им значение фактического действия, отнесенного к плану прошлого и не зависящего от воли его субъекта, которое принадлежит к сфере индикативной модальности, не соответствовало модальности долженствования. Остается либо допустить, что «претеритальный» инфинитив устарел задолго до появления «инфинитива долженствования» (а значит – является в текстах XVII века более архаичным средством выражения претеритального значения, чем аорист и имперфект), либо не считать его утрату прямым следствием установления модальности долженствования.

Позволяют ли имеющиеся данные не только констатировать отсутствие общеязыкового статуса у «претеритального» инфинитива применительно к эпохе нации, но и найти объяснение этому факту? Вероятно, следует говорить о

вытеснении «претеритального» инфинитива «футуральным», то есть предположить, что а) в течение некоторого периода истории русского языка потенциал функционирования инфинитива с дательным падежом субъекта названного им действия детерминировал возможность выступать (в зависимости от темпоральной характеристики контекста) как в функции претерита, так и в функции формы футурума и б) в силу изменения речевых манифестаций первой из функций семантический потенциал инфинитива получил развитие, исключившее последующие реализации претеритального употребления. К сожалению, задачи настоящей работы не позволяют углубиться в разработку данного вопроса. Отметим лишь, что отнюдь не семантические различия производящего и производного (фактивность плана прошедшего времени вступает в противоречие с виртуальностью действия, которое должно осуществиться, следовательно – не утверждается, и, соответственно, неспособно само по себе уточняться в соответствии с членением реального времени) явились причиной утраты претерита, мотивированного инфинитивом. Они не являются препятствием для образования темпоральных форм – напротив, обуславливают саму возможность создания грамматической метафоры. Не зависит от них и жизнеспособность той или иной модели семантического производства форм времени. Так, и на современном этапе развития русского языка образуются претериты, мотивированные формами императива (они отсутствуют в нашем материале, но вполне вероятны в XVII столетии – см. п. 4.1 настоящего исследования): в них прошедшее действие интерпретируется при помощи побудительного волеизъявления субъекта речи, которое не может быть направлено на реализацию прошедшего (уже реализованного) действия.

Итак, поскольку специфика темпоральных форм безморфемного образования определяется семантикой их производящих, обозначение инфинитивом действия безотносительно к деятелю отражается в

функционировании мотивированных им форм футурума с дательным падежом косвенного субъекта; с обусловленностью деятельности чужой волей связаны и свойственные указанным производным модальные оттенки долженствования, непредвиденности и т.д. Анализ произведений повествовательного жанра XVII века свидетельствует о стилистическом использовании таких претеритов только в повестях новой книжной традиции.

Глава 4

Парадигма темпоральных форм семантического образования

Анализ форм времени семантического образования, функционирующих в разножанровых повествовательных произведениях XVII века, позволяет построить большую темпоральную парадигму данных форм, объединяющую частные парадигмы форм прошедшего, настоящего и будущего времени, в соответствии с критериями, вытекающими из определения частной парадигмы как совокупности системно организованных словоформ любой лексемы данной части речи, регулярно выражающих одно и то же грамматическое значение (=грамматическую категорию). Функциональный подход к парадигме предполагает всего два минимальных формальных требования к включаемым в нее словоформам: 1) словоформы должны регулярно образовываться от лексем, которые по своей семантике допускают их образование; 2) словоформы должны опознаваться в контексте как формы, имеющие данное грамматическое значение [Храковский – Володин 1986: 121].

Основной при решении вопроса о составе и строении парадигмы темпоральных форм семантического образования является проблема функционально-семантической неоднородности включаемых в нее словоформ. Проведенное исследование показывает, что в нашем материале представлены производные форм настоящего времени и форм будущего простого, противопоставленные по лицу и числу, а также производные инфинитива (напомним, что семантика субъекта действия, названного инфинитивом, выражается приинфинитивной формой дательного падежа имени или местоимения).

Наиболее существенным для механизма безморфемного образования темпоральных форм, а значит – и его отражения в парадигме, является противопоставление указанных личных форм и инфинитива в плане выражения

с у б ъ е к т а н а з в а н н о г о г л а г о л о м д е й с т в и я . Любую словоизменительную парадигму характеризует однозначное соответствие позиции и связанного с ней формообразовательного средства. Для парадигмы темпоральных форм семантического образования однозначным является соответствие временного значения производного и определенной модели взаимодействия производящего с темпоральным значением контекста, которое выражается грамматическими, лексическими или комбинированными средствами. В этом отношении все входящие в парадигму формы равноправны. Однако контекстуальное окружение дает только дейктическую основу темпоральной функции, а остальные характеристики, в том числе – способ указания на субъект названного глаголом действия, определяет сама форма. Как известно, основным, центральным, наиболее специализированным и регулярным является выражение субъекта подлежащим в форме именительного падежа при предикате, выраженном глаголом-сказуемым [Бондарко 1992: 43]. Именно оно характеризует функционирование образований, омонимичных формам настоящего и будущего простого. Однако семантика субъекта действия, названного инфинитивом, выражается к о н т е к с т у а л ь н о – приинфинитивной формой дательного падежа имени/местоимения, поскольку инфинитив, взятый изолированно, действительно не выражает отнесенности к лицу и числу производителей обозначенного им действия. Поэтому в плане выражения субъектной семантики образования, мотивированные указанными личными формами, естественно считать центральными, или парадигмообразующими, тогда как производные инфинитива – периферийными. Свойственные им способы указания на субъект действия (в детальное рассмотрение которых не позволяют углубиться задачи настоящей работы) должны стать предметом специального исследования, так как функционально-семантические особенности местоимений и существительных привносят свои оттенки в интерпретацию того аспекта передаваемой

высказыванием ситуации, который характеризует ее субъектное выражение. «Если встать на субъектную точку отсчета в анализе субъектно-предикатного единства, обнаруживаются новые аспекты семантических функций временных форм предиката: по отношению к лексическим элементам содержания предиката они выражают темпоральную характеристику действия, между тем как по отношению к субъекту фиксируют определенные периоды (или точки) существования субъекта во времени», – отмечает Ю.А.Пупынин [Пупынин 1992: 144]. Изучение связи предикативности – а семантическая категория темпоральности, наряду с категорией модальности, составляет центр круга актуализационных предикативных категорий – с субъектностью и объектностью может способствовать решению ряда вопросов семантической деривации в морфологии.

Следует отметить еще одно противопоставление входящих в темпоральную парадигму производных, обусловленное семантической спецификой их производящих. Производные форм настоящего времени лишены, в отличие от производных форм будущего простого и инфинитива, модальных оттенков выражаемого ими грамматического значения. Свойственные производным форм будущего простого оттенки готовности к осуществлению действия, возможности (в случае употребления с отрицанием – невозможности) его совершения и т.д. являются своеобразным отражением идеи потенциальности, сопровождающей значение отнесенности содержания высказывания ко времени после момента речи. Свойственные производным инфинитива модальные оттенки долженствования, неизбежности, необходимости, вынужденности, возможности (в случае употребления с отрицанием – невозможности), недопустимости и т.д. отражают идею обусловленности действия чужой волей, связанную со стандартным для инфинитива обозначением деятельности безотносительно к деятелю.

Установление регулярности моделей семантического образования форм прошедшего, настоящего и будущего времени, функционирующих в текстах повестей XVII столетия, проводится путем их сопоставления с соответствующими формами, представленными в разностильных памятниках письменности старорусского периода. Выводы о семантическом образовании темпоральных форм в современном русском языке делаются на основании анализа работ А.В.Бондарко [Бондарко 1965; 1971], С.С.Ермоленко [Ермоленко 1987], Е.Н.Прокопович [Прокопович 1982] и других исследований, рассматривающих «переносное употребление» форм времени (целенаправленно или наряду с прочими грамматическими явлениями). Примеры из художественной прозы и публицистики (в дальнейшем изложении – просто «литература») XIX и XX веков даются по: [Грамматика I], [Грамматика II].

4.1. Парадигма форм прошедшего времени

В парадигму претеритов, отраженных повествовательными произведениями XVII столетия, мы включаем производные, созданные семантическим способом на базе форм настоящего времени, форм будущего простого и инфинитива, функционирующего с дательным падежом косвенного субъекта действия. Модели образования форм прошедшего времени от форм настоящего и будущего простого являются для начального этапа формирования русского национального языка регулярными и продуктивными: данные исторических исследований свидетельствуют об общеязыковом характере их функционирования в интересующую нас эпоху. Претериты, мотивированные инфинитивом, следует считать устаревшим к XVII веку средством интерпретации прошедшего действия, а модель их образования – непродуктивной. Парадигма претеритов семантического образования, отраженных повестями нашего материала, включает, таким образом, формы, чуждые языковой системе указанного периода, и этим отличается от парадигм форм настоящего и будущего времени, созданных безморфемно.

Поскольку претериты семантического образования омонимичны своим производящим, конечный перечень входящих в парадигму словоформ должен включать в себя 12 лично-числовых форм (6 омонимов форм настоящего времени глаголов несовершенного вида + 6 омонимов форм будущего простого глаголов совершенного вида), а также 6 форм, омонимичных сочетаниям инфинитива глаголов как совершенного, так и несовершенного видов с – в зависимости от способа указания на косвенный субъект действия – местоимениями различных классов/существительными мужского, женского и среднего родов единственного и множественного числа в форме дательного падежа.

Однако в нашем материале реально представлены не все возможные лично-числовые формы прошедшего времени семантического образования. Зафиксированы омонимы форм настоящего времени 1-го лица единственного (*«Прежде, - рече, - преставления его княжа ... за 15 день с праздника Воскресенья Христова к понедельнику в ночь видех видение. Мняхся, **стою** на площади государеве межъ Пречистою соборною и Архангелом. И позрех на царские полаты* Пов. воев. Шуйск., 37) и множественного числа (*И уже **видим** турок на стенах много. И тут мы единогласно закрывали...* Сказ. Азов., 97), 3-го лица единственного и множественного числа (*Загаркал, напустил на них. **Свищет** надубок в руке богатырской, **ломаются** древа копейные, **цепляются** щиты татарские, **валяются** шоломы их з головами татарскими* Пов. Сух., 141), омонимы форм будущего простого 1-го лица единственного (*Али ж я спал дома на перине, проснулся, ан уш в патриаршей хлебне на рогозине, и **хожу** по хлебне, покличу, ан с шелепом ко мне навстречу* Сказ. Сав., 72) и множественного числа (*И в те поры, отчаявшие живот свой в Азове городе, в выручке своей безнадежны стали от человек. Токмо себе чаем помощи от вышняго бога. **Прибежим**, бедные, к своему помощнику предтечеву образу, пред ним, светом, **розыплчемся** слезами горькими* Поэт. Азов., 75-76), 2-го лица единственного числа (*Не токмо государь наш подвигом своим врагов устрашал, но и мыслию **помыслишь** на врагов на Литовских и польских, и оне и от мысли твоя дале бегут, со страхом емлются. И как ты, государь нашъ в полцех у нас **поедешь**, и мы, аки на небесное солнце, назретися не можем* Пов. воев. Шуйск., 32), 3-го лица единственного и множественного числа (*Почали оне к нам на приступ присылать на всякой день людей своих, янычен по 10000 человек, приступают к нам целой день до ночи. Ночь **придет** – на перемену им **придут** другие 10000 человек, - те уж к нам приступают ночь всю до света* Поэт. Азов., 75). При инфинитиве отмечены (в форме дательного падежа) личное местоимение он (*Не малу же времени минушу, абие разболевся Савва и*

бе болезнь его тяжка зело, яко **быти** ему близ смерти Пов. Груд., 254) и определительное местоимение *все* (*Она же со смирением послушание имяше к ним, ни в чем не ослушася, ни вопреки глагола, но почиташе я и вся повеленная ими непреткновенно совершаше, яко всем **дивитися** о ней. И многим искушающим ю в речах и во ответах, она же ко всякому вопросу благочинен и смыслен ответ даяше; и вси дивляхуся разуму ея* Пов. Улиян., 277; примеры в п.1.3 показывают, что это не единственный случай эллипсиса существительных), а также существительные всех трех родов единственного числа (*И не бе гласа поющих слышать и мнетися, аки во иступлении ума сушу, ако и воздуху **потупнути** и земли **стонати** и камению **колебатися**, не токмо стенам, но и граду; и по пророку реци, яко взятся покрову храма от гласа вопиющих* Пов. воев. Шуйск., 34-35). Разумеется, оценка дистрибуции личностно-числовых форм имеет в высшей степени относительную ценность, поскольку выбор конкретного средства обозначения прошедшего действия того или иного лица, а значит – наличие в тексте соответствующей формы, зависит от автора.

Парадигма отраженных литературой XIX и XX столетий претеритов семантического образования включает производные:

- форм настоящего времени (*Только, понимаешь, **выхожу** от мирового, глядь – лошадки мои **стоят** смирнехонько около Ивана Михайлова; Весной 1812 г. Евгения **отправляют** в Петербург. Здесь, в частном пансионе, он **готовится** к вступительным экзаменам* [Грамматика I: 632]);
- форм будущего времени. Имеются в виду как формы будущего простого глаголов совершенного вида (*Денег даже давал, когда под пьяную руку **приедет**; Стою, слушаю – и вдруг что-то как **полыхнет** через все небо. Гляжу - метеор* [Грамматика I: 634]), так и будущего сложного глаголов несовершенного вида (*Об арифметике и помину не было: вряд ли и считать-то умел, но зато лакомиться, **франтить** – мастер! Целое утро **будет сидеть** и не пошевелится, только завей ему волосы; В селе началась*

*короткая, но энергичная пора ...Называлась она навозной. Тогда **не будешь различать**, откуда наносит цветами и откуда наносит пасекой, тогда все заглушит и одолеет и один **будет господствовать** целую неделю иной по силе и крепости, иной по самой окраске своей непередаваемый аромат [Грамматика I: 635]).* Значение прошедшего времени в них осложняется модальными оттенками предположительного допущения, готовности к осуществлению действия, долженствования;

- императивной формы 2-го лица единственного числа глаголов совершенного вида (*Титка, когда мы раскулачивали, он и **напади** на товарища Давыдова; И вот вдруг мне тогда в ту же секунду кто-то и **шепни** на ухо...*[Грамматика I: 625]). Они функционируют в разговорной речи и близких к ней фрагментах литературных произведений, называя неожиданное, неподготовленное или нежелательное действие, отнесенное к плану прошлого, и квалифицируются в современной науке как неизменяемые формы повелительного наклонения единственного числа совершенного вида в функции «драматического императива» (термин А.В.Исаченко [Исаченко 1960]; см. также [Грабье 1983: 108-111]), находящиеся на дальней периферии функционально-семантического поля темпоральности. Они определяются как экспрессивные обороты с устойчивой темпоральной характеристикой, обусловленной их включением в такой тип текста, как живое повествование о прошлом: они подчиняются установленной темпоральной перспективе, а временной план определяется другими средствами (глагольными формами и лексическими темпоральными конкретизаторами) [Прокопович 1982: 143-181; Бондарко 1990а: 57].

Общими для данной парадигмы и парадигмы претеритов семантического образования, нашедших свое отражение в повествовательных произведениях XVII века, являются формы прошедшего времени, созданные на

базе форм настоящего и будущего простого глаголов совершенного вида. Можно с уверенностью утверждать, что обе модели образования претеритов одинаково продуктивны как в начальный период формирования русского национального языка, так и на современном этапе его развития.

Отсутствие в повествовательных произведениях XVII века претеритов, образованных семантическим способом от форм будущего сложного, объясняется, по-видимому, поздним закреплением конструкции «*буду (будеши и т.д.)* + инфинитив глагола несовершенного вида» в письменной литературной речи (см. [Лопушанская 1967: 89-99]). Исследования показывают, что данная конструкция получила широкое распространение только в XVII веке и лишь к XVIII столетию вытеснила все иные аналитические конструкции со сходным значением [Иванов 1982: 129-130]. Примечательно ее полное отсутствие в Уложении 1649 г., отмеченное П.Я.Черных, а также единичные случаи ее употребления в современных Уложению памятниках московского приказного языка, с одной стороны, и ее обычность в рукописи русского перевода 1662 г. печатного издания Литовского статута 1558 г. – с другой [Черных 1953: 42].

Отсутствие в нашем материале форм прошедшего времени, производных от императива, целиком относится нами на счет авторского выбора, поскольку вероятность функционирования подобных форм в художественном тексте начального периода формирования русского национального языка (тем более – отражающем близость к разговорному языку эпохи) не вызывает сомнений. По мнению Л.А.Булаховского, «известное современной экспрессивной речи употребление формы повелительного наклонения ед.<индивидуального> ч.<исчисляемого> от глаголов совершенного вида при всех лицах в значении мгновенно, очень быстро или неожиданно («вдруг») совершившегося действия встречается почти во всех славянских языках, и хотя в памятниках, вообще мало отразивших экспрессивные конструкции, и трудно отметить такое употребление, по всей

вероятности, оно представляет особенность уже древнего славянского синтаксиса. Б.Дельбрюк ... при толковании его исходит из случаев вроде «издали увидит леща, да и хватить его зубами» и объясняет их из приблизительно такого первоначального движения мысли: увидит и думает (говорит себе): «Хвати его зубами»» [Булаховский 1958: 345].

Трактовка производных указанной императивной формы в современном русском языке как наследия аориста представляется необоснованной. Рассмотрим объяснения ее сторонников. Согласно предположению А.А.Шахматова, в связи с утратой аориста близкие к нему в звуковом отношении формы повелительного наклонения и глагольные междометия получили значение прошедшего времени «мгновенного вида» [Шахматов 1927: 57]. Вслед за А.А.Шахматовым А.И.Стендер-Петерсен в своей статье «О пережиточных следах аориста в славянских языках, преимущественно в русском» высказывает мысль о том, что утративший формы числа и лица и функционально смешавшийся с имперфектом аорист (типа *роди, сократи, похвали*) уцелел в устной речи в преобразованном виде: он стал (по аналогии с л-формой) сочетаться с личными местоимениями и существительными в качестве субъектов прошедшего мгновенного действия (осложненного оттенками неожиданности, неумышленности, нечаянности, произвольности или неминуемости, предопределенности действия, в которых А.И.Стендер-Петерсен видит отражение императивных значений). Отсутствие форм 2-го лица в их повествовательном употреблении у этого прошедшего времени, подчеркнутое А.И.Стендер-Петерсеном, В.В.Виноградов считает веским доводом в пользу его генетической связи с аористом: «Дело в том, что уже в XV-XVI вв. форма 2-го лица единственного числа аориста была вытеснена формой сложного прошедшего на *-л* (*был еси* и т.п.). Употреблению формы 2-го лица на *-и* прошедшего времени (в утвердительном высказывании), конечно, мешала и полная омонимия с формой повелительного наклонения (например,

ты пойдѣ и скажи; ср. а ты пойдѣ и скажи?). Между тем отсутствие формы 2-го лица усиливало разницу между этим прошедшим временем и императивом» [Виноградов 1986: 449-450].

На наш взгляд, справедлива точка зрения, отраженная в трудах К.С.Аксакова и А.А.Потебни. К.С.Аксаков выводит значение подобных форм из древних функций желательного наклонения, с которым генетически связан русский императив, отмечая, что императивные формы на *-и*, *-ь* употребляются и как повелительные, и как сослагательные (*как месяц ни свети, но все не солнца свет*), и как желательные (*а он возьми и скажи*) [Аксаков 1875а: 566-567]. А.А.Потебня напрямую связывает формы типа *а я и догадайся...* с повелительным наклонением, подчеркивая, что «повелительность в них только представление, средство изображения изъявительного» [Потебня 1941: 184], но предостерегает от смешения их с формами типа *хватъ, глядь*, никогда не бывшими повелительными, хотя и употребляемыми в повелительном значении. «Употреблением этой формы ... достигается большая живость рассказа, изображение большой быстроты действия. Следует думать, что этот эффект вытекает из предположения, что за повелением немедленно следует исполнение», – отмечает ученый [там же: 184].

В правоте К.С.Аксакова и А.А.Потебни, которых можно назвать сторонниками деривационной трактовки так называемого «драматического императива», убеждает анализ языковой интерпретации императива. Как известно, содержанием категориальной императивной ситуации является волеизъявление, исходящее от субъекта волеизъявления, обращенное к субъекту-исполнителю и направленное на преобразование ирреального в реальное в презентно-футуральной перспективе от момента волеизъявления к более позднему моменту (периоду) [Бондарко 1990б: 80]. Грамматические категории, представленные в императивных формах (морфологического образования), отличаются некоторыми особенностями. Так, специфические

лично-числовые показатели императивных форм свидетельствуют о том, что лицо-число у императива, в отличие от неимперативных форм, являются не согласовательной, а содержательной категорией [Храковский – Володин 1986: 88]. Категория залога выступает в центре поля императивности только в форме актива; соответственно императивность в пассиве представлена в сочетаниях типа *Будь ты проклят; Пусть он будет избран*, представляющих периферию указанного поля. Категория времени не получает в императиве статуса грамматической, так как императивная функция устраняет характерную для индикатива свободу чередования времен, предопределяя устойчивую презентно-футуральную перспективу. Это соответствует традиционному пониманию соотношения категорий времени и наклонения: «Повелительное и сослагательное наклонения форм времени не имеют» [Грамматика I: 626]. И.Б.Хлебникова пишет: «...когда наклонение становится средством передачи не прямого отражения факта действительности, а модальных значений нереальности, пожелания, условия и прочее, связь его с грамматическим временем преобразуется и его формы приобретают зависимое, относительное содержание. И действительно, как можно точно локализовать во времени какое-нибудь желаемое, воображаемое, неосуществленное действие? Его временная отнесенность может быть лишь условной и прикрепляться во временном плане к индикативному временному содержанию ближайшего глагола. Именно потому, что воображаемое, неосуществившееся действие неспособно само по себе уточняться в соответствии с временными ступенями реального времени, оно приобретает своего рода безвременный характер, подобно действию, выражаемому в неличной глагольной форме; как и в неличных формах, такое действие может соотноситься с действием ближайшего или управляющего глагола либо в плане одновременности, либо в плане предшествования» [Хлебникова 1961: 149-150]. Категория вида выступает в императиве в особой модификации, не только обозначая отношение действия к пределу, но и

осложняясь различными семантико-прагматическими функциями, что обуславливает существенные различия в разновидностях повелительности [Бондарко 1990б: 88-89]. Существенно, что при семантическом образовании форм прошедшего времени в качестве производящего выступает только императив глаголов с о в е р ш е н н о г о вида: в производных от нее претеритах подчеркивается обязательная совершенность прошедшего действия, представленного в его неделимой целостности. Кроме того, указанные формы прошедшего времени мотивируются исключительно императивными формами 2-го лица единственного числа. Отметим, что наряду с формами 2-го лица множественного числа они безоговорочно включаются всеми исследователями в состав императивной парадигмы (относительно других ее позиций подобного единодушия нет) и считаются центральными, или парадигмообразующими. Этим формам безусловно свойственны как семантическая однородность, так и однотипность морфологической структуры [Храковский – Володин 1986: 109-110]. Предложения с ними обозначают самую типичную с прагматической точки зрения императивную ситуацию. Обозначаемое их производными действие не может относиться ко 2-му лицу, так как в этом случае форма однозначно интерпретируется как императивная. По этой же причине является обязательным употребление именного или местоименного подлежащего для 1-го и 3-го лица. В отечественной науке с давних пор отмечается общеличное значение рассматриваемой императивной формы, которой «не обозначается никакого определенного лица и, следовательно, никакого определенного числа», а лишь «в о з м о ж н о с т ь определяться лицом» [Некрасов 1865: 112-113] и которая «отличается такой универсальностью в отношении лица и числа, что с трудом можно здесь говорить, как это говорится обычно, о формах 2-го лица единственного числа» [Пешковский 1938: 196].

Таким образом, в повестях XVII столетия могли бы найти свое отражение несколько разновидностей форм прошедшего времени

семантического образования, однако производные форм императива нами не зафиксированы, что может быть обусловлено отсутствием (с точки зрения автора текста) необходимости интерпретировать прошедшие действия как реализацию стороннего волеизъявления. Кроме того, не зафиксированы производные форм будущего сложного, что объясняется спецификой формирования видо-временной системы в начальный период развития русского национального языка.

4.2. Парадигма форм настоящего времени

Анализ произведений повествовательного жанра XVII века показывает, что формы настоящего времени семантического образования представлены в них только производными форм будущего простого: *Покоя себе, своей бедности, не обретаю, лапти розбиваю, а добра **не налему*** Азб. Гол., 230; *Бог, отче, вся видит деяния наша: аще от человека **утаим** странствие наше, но он вся вестъ, обличения не требует* Пов. Сут., 117; *Избу метеш, как и всегда добрый послушник, а как его **опьеш**, так ты, что бес, на старые полати скакнешь, а сам молвиш...* Сл. каб., 54; *Затворили вы тем Азовом городом все море синее: **не дадите** проходу по морю ни кораблем, ни катаргам царевым ни в которые поморския города* Поэт. Азов., 63; *А где он **впроситца** начевать, и он хочет и хозяина-то выжить* Пов. Ерш., 10; *Люди богатые пьют и едят, а голенки не ссужают, а сами того **не распознают**, что и богатые умирают* Азб. гол., 229.

Приведенные примеры показывают, что в нашем материале представлены все теоретически возможные лично-числовые формы, омонимичные формам будущего простого глаголов совершенного вида. Парадигма форм презенса семантического образования – это единственная частная парадигма темпоральных форм, в которой все позиции оказываются занятыми: зафиксированы формы 1-го, 2-го и 3-го лица единственного и множественного числа.

К сожалению, материал повествовательных произведений XVII века не дает полной картины функционирования форм настоящего времени, образованных семантическим способом, в указанную эпоху. Однако из этого не следует, что парадигма названных форм ограничивается производными будущего простого, поскольку выбор той или иной презентной формы, а значит – ее участие в организации текстового пространства, зависит от автора

художественного произведения. Единственное, о чем можно говорить с достоверностью, – это регулярность образования форм настоящего времени на базе форм будущего простого в XVII веке, которая подтверждается историческими исследованиями (см. выше).

В состав парадигмы форм настоящего времени семантического образования, представленных в литературе XIX и XX столетий, входят образования, созданные на базе:

- форм будущего времени. Имеются в виду как формы будущего простого (*Право, **позавидуешь** иногда чиновникам; Что только **не вспомнит** человек, проживший полвека!* [Грамматика I: 634]), так и будущего сложного (*Разве ж один охотник, да еще с одностволкой, может убить матерую волчицу? Нет. Месяц **будет ходить**, а не убьет; Целый день марабу **будет дежурить** у бойни, чтобы получить кусок мяса. Поедает и отбросы у хижин; В литературе, как и в жизни, нужно помнить одно правило, что человек **будет** тысячу раз **раскаиваться** в том, что говорил много, но никогда, что мало* [Грамматика I: 635]). И те, и другие осложнены различными модальными оттенками: возможности, предположительного допущения, готовности субъекта действия к его осуществлению, долженствования;
- форм прошедшего времени глаголов совершенного (*Из чужого табачка всегда такие крутят: утром **закурил** – к вечеру **вынул**; Бывает ведь так: **уехал** человек, которого боялись, он уже не у власти, и тут-то начинается, на ушко: «Вы знаете...»* [Грамматика I: 633]) и несовершенного вида (*Миллионов сколько баб вас да девок, а все, как звери лесные. Как выросла, так и помрет. Ничего **не видала**, ничего **не слыхала**; Вот и делали бы узкорядные сеялки, а не гоняли тракторы вдоль и поперек. А то, вишь ты, – обратился он к сыну, – в одном месте **не начинал** сеять – теряешь половину урожая, а в другом – взад-вперед, вдоль-поперек* [Грамматика I:

634])). Производные глаголов совершенного вида указывают на обычность действия; семантика их производящих находит свое отражение в завершенности единичного факта, представляющего целый ряд таких фактов, отнесенных к широкому плану настоящего времени. Производные глаголов несовершенного вида выступают преимущественно с отрицанием, относя к широкому плану настоящего времени результат нереализации предшествующего действия.

Общими для данной парадигмы и парадигмы форм презенса семантического образования, нашедших свое отражение в повествовательных произведениях XVII века, являются формы настоящего времени, созданные на базе форм будущего простого. Основное грамматическое значение отнесенности действия к временному плану, частично совпадающему с моментом речи (т.е. значение настоящего неактуального) осложняется в них различными модальными оттенками: обобщенной возможности (в случае употребления с отрицанием – невозможности) совершения действия его субъектом, готовности субъекта действия к его осуществлению, долженствования и пр. Можно с уверенностью утверждать, что указанная модель образования форм презенса является одинаково продуктивной как в XVII веке, так и на современном этапе развития русского языка. Относительно более ранних периодов истории, в частности, эпохи языкового синкретизма, говорить о семантическом формообразовании не представляется возможным в силу особенностей деривационного процесса: семантический синкретизм исключает противопоставление производящего производному, следовательно, само возникновение деривационных отношений. Кроме того, только формирование видо-временной системы, в которой видовое значение приписывается каждой глагольной лексеме, сделало возможным семантическое образование форм настоящего времени на базе будущего простого. Напомним, что один и тот же для глаголов несовершенного и совершенного видов формант

не выражает однозначно морфологического значения настоящего или будущего времени: отношение действия к моменту речи определяется видовой семантикой основы.

Отсутствие в нашем материале форм настоящего времени, образованных семантическим способом от форм будущего сложного, объясняется (как и отсутствие претеритов с той же производящей базой) поздним закреплением конструкции «*буду (будеши и т.д.) + инфинитив глагола несовершенного вида*», получившей распространение только в XVII веке и лишь к XVIII столетию вытеснившей все иные аналитические конструкции со сходным значением.

Л-форма в XVII веке, напротив, представляла собой устойчивую и к тому же универсальную (а в памятниках многих жанров – вообще единственную) форму прошедшего времени. То обстоятельство, что ее производные в нашем материале не отмечены, может свидетельствовать об отсутствии – с точки зрения автора текста – необходимости подчеркивать освященность обычных, повторяющихся действий силой традиции (так как рассматриваемые образования обуславливают постоянное существование или повторяемость ситуации в настоящем ее существованием/повторяемостью в прошлом. В лингвистических разысканиях подобные формы традиционно называются гномическими претеритами и с давних пор определяются как «стилистический прием, направленный на то, чтобы сам слушатель мог сделать вывод: то, что было справедливо до сих пор, справедливо сейчас и будет справедливым вечно» [Есперсен 1958: 303-304]). Другими словами, мы допускаем вероятность образования форм настоящего времени от л-форм и предполагаем, что в XVII столетии, как и на современном этапе развития русского языка, они относят к широкому плану настоящего целый ряд действий, представленных единичным – данным в его целостности и ограниченности пределом. Возможно, в интересующую нас эпоху рассматриваемые производные было подчас так же трудно отграничить от

омонимичных им форм прошедшего времени морфологического образования глаголов несовершенного и совершенного видов в акционально-перфектном значении, как и в наши дни (ср.[Бондарко 1983: 167-168; Гуляницкий 1976: 13; Маслов 1987: 206]).

В повествовательных произведениях XVII века нами (за единственным бесспорным исключением, которое будет приведено ниже) не зафиксированы формы презенса семантического образования, омонимичные формам будущего времени глагола *быти* (с основой *буд-* и флексиями настоящего времени). Отметим, что в современном русском языке они осложнены обусловленными семантикой производящей формы оттенками возможности или предположения, приблизительности: [Фонк:] *Сколько господину Мошкину лет?* [Вилицкий:] *Лет пятьдесят, я думаю, **будет**; Ага, самка, ангорская. Погляди, какая она жирная, полпуда **будет*** [Грамматика I: 635]. Примечательно, что в грамматической теории А.А.Шахматова подобные производные трактуются как формы предположительного наклонения, синонимичные конструкциям с модальными словами *кажется, вероятно, может быть* и т.п. [Шахматов 1927: 74]. Эти достаточно продуктивные (особенно в разговорной речи) сейчас образования, в которых присутствует образный оттенок «распознавания» фактов [Грамматика I: 635], функционировали с теми же особенностями и в публицистике и деловых документах XVII столетия. Так, нами в «Житии протопопа Аввакума» отмечены следующие случаи: *Егда аз в попех был, тогда имел у себя детей духовных много, по се время сот с пять или с шесть **будет*** Жит. Авв., 6; *А егда в Енисейск привезли, другой указ пришел: велено в Дауры вести, тысящ з дватцетъ от Москвы и больши **будет*** Жит. Авв., 20 (ср., однако, форму *будет* в безусловно футуральном значении в том же «Житии» протопопа Аввакума: *И зело жирна гораздо, на сковороде жарить нельзя осетрины: все жир **будет*** Жит. Авв., 33). С.П.Лопушанская фиксирует в документах «Слова и дела государевых» XVII столетия случаи «использования

глагола *будет* в так называемом предположительном наклонении, которое обнаруживает отсутствие четкого значения будущего времени»: *Евсевий Стрекаловъ с целовальники дали гнилой ржи с четверик нешто **будет**; А свекра ея поместья и ныне за продажами осталось мужа ея, что было справлено за мужемъ ея, перед сестриным шацким помещьем **будет** вдвое; Тому недели с 2 или **будет** меньше ... взят был он, Ивашко, из тюрьмы* [Лопушанская 1967: 100-101]. В.А.Бондарева приводит примеры из деловых писем: *И я с нимъ послал к тебе государюлуку...московские меры **будет** пят четвериков; А по смете государь **будет** всеи земли десятин с полтораста; И ты государь вели выложит сколка **будет** десятин* [Бондарева 1971: 119]. Поскольку подобные формы настоящего времени достаточно регулярны в памятниках, отражающих черты живого разговорного языка XVII столетия, вполне вероятным представляется их использование в повествовательных произведениях новой книжной традиции, тем более что в «Сказании о роскошном житии и веселии», пародирующем дорожные XVII столетия, обнаружен один случай употребления рассматриваемых форм: *Да там же есть едина горка, а около ея **будеть** 90 миль польских* Сказ. роск. жит., 32. Следовательно, почти полное отсутствие рассматриваемых производных в сатирических и сказочных повестях можно считать обусловленным исключительно волей авторов повестей.

Таким образом, в повестях XVII века свое отражение могли бы найти несколько разновидностей форм настоящего времени семантического образования, однако реально представленной оказалась лишь одна.

4.3. Парадигма форм будущего времени

Анализ произведений повествовательного жанра XVII века показывает, что формы будущего времени семантического образования представлены в них производными форм настоящего времени и инфинитива, функционирующего с дательным падежом косвенного субъекта действия.

Поскольку формы футурума семантического образования омонимичны своим производящим, конечный перечень входящих в парадигму словоформ должен включать в себя 6 лично-числовых форм (омонимов форм настоящего времени глаголов несовершенного вида), а также 6 форм, омонимичных сочетаниям инфинитива глаголов как совершенного, так и несовершенного видов с — в зависимости от способа указания на косвенный субъект действия — местоимениями различных классов/существительными мужского, женского и среднего родов единственного и множественного числа в форме дательного падежа. Однако в нашем материале зафиксированы лишь омонимы форм настоящего времени 1-го (*А ежели слуша́тца не будешь, то **не иду** к тебе во служение* Пов. куп., 130) и 3-го лица единственного числа (*Не перелетит через силу нашу турецкую никакова птица паряца, устрашится людей от много множества сил наших, вся **валитса** с высоты на землю* Поэт. Азов., 64) и 1-го (*Аще нас господь бог от сия смерти избавит, то мы не будем в Азове городе жить и **идем** на тихой Дон Иванович и построим мы, казаки, монастырь* Сказ. Азов., 110) и 2-го лица множественного числа (*А есть ли толко вы из Азова города сея ноци вон не выдете, **не можете** завтра от нас живы быти* Поэт. Азов., 63). При инфинитиве отмечены (в форме дательного падежа) личные местоимения я (*Тогда она рече ему: «Возми, бога ради, понеже ризы многия и драгия в сундуках тех, дабы тати не украли у меня сундуков тех. Тогда, государь, мне от мужа моего **быть** в наказании, и в ту пору станет ми говорить: «Ты бы-де положила на соблюдение человеку доброму до меня»* Пов.

Сут., 119), *ты (Царю Василей! Аще ево ныне не докончаеш, утре тебе тою ж самому смертью умереть* Пов. Мих., 362), *он (А которой без ума живет, а впред не промышляет, так ему жити, яко в век живет с позоры* Сл. каб., 57), *она (Да како могу тебя пустити, понеже нас запрут двоих. Да како же ей, девичье дело, како ей раздетца при тебе!* Пов. куп., 133), *мы (Сей двор постоялой, тут нам начевать* Пов. куп., 130), *вы (Азовцы же з города наругахуся и глаголаша войску: «Сколко де вам, казакам, под городом Азовом ни стоять, а нашего де вам Азова не взять»* Поэт. Азов., 54), указательные местоимения *тот (А хто от вас к нам с такою глупою речью впредь будет, тому у нас под стеною города быть* убиту Поэт. Азов., 70) и *то (Или мниши яко покаянием сим избудеши от нас? Ни, убо, не мни убо того; быти тому – аз убо елико могу со всею силою моею подвигнуся на тя!* Пов. Груд., 256), вопросительное *кто (Есть и пить довольно, чего у кого привольно, сколь душа примет; кому не умереть – немедленно живота избавит* Леч. инозем., 96), а также существительные мужского (*Ну, мой друг, уже быть так, что владеть дочерью нашею плуту такому, уже так бог судил* Пов. Скоб., 164) и женского родов единственного числа (*Что есть того похвалнее и дивнее и безстрастнее: в руках будучи у своего злаго сопостата и врага, и у смерти стоячи, и всякую нужу терпячи, и лиц своих противу его, сопостата, не стыдят и в очи ему говорят, что отнюд ево воли не бывати* и самому ему у нас не живати, да не токмо ему, но и рожденному от него, аще не освятится тако, яко же мы, божиею благодатию Нов. пов. Рос. царств., 15). Отметим еще раз, что выбор конкретного средства обозначения будущего действия того или иного лица, а значит – наличие в тексте соответствующей формы, зависит от автора.

Сопоставление материала повествовательных произведений XVII века и современных им памятников деловой и бытовой письменности, а также публицистики, позволяет сделать вывод об общезыковом характере

функционирования форм будущего времени, мотивированных формами настоящего и инфинитива, в начальный период формирования русского национального языка.

В состав парадигмы форм будущего времени семантического образования, представленных в литературе XIX и XX столетий, входят образования, созданные на базе:

- форм прошедшего времени глаголов совершенного вида, представляющие будущее действие как уже осуществившееся (*Если он не вернется, мы **пропали**; Бежать, бежать! Иначе я **умер*** [Грамматика I: 633]). Грамматическое значение подобных форм, отличающихся яркой разговорной экспрессией, чаще всего осложняется модальным оттенком уверенности в том, что действие обязательно осуществится;
- форм настоящего времени. В «Грамматике-80» такие производные делятся на «настоящее время намеченного действия» (*Я будущей зимой **уезжаю** за границу; Завтра, значит, **берем** подряд на очистку поля от зайцев* [Грамматика I: 633]) и «настоящее время воображаемого действия» (*А потом будут сумерки, освещенная церковь, суeta возле паперти... **Подкатывают** кареты, а щеголь-пристав **горячится**, чтобы сохранить порядок в этой церемонии* [Грамматика I: 633]). В обоих случаях будущие действия представлены как процессы, одновременные моменту речи;
- инфинитива, в которых футуральное значение осложняется модальными оттенками долженствования, неизбежности, вынужденности, возможности, а в случае употребления с отрицательной частицей *не* – невозможности осуществления действия (*Мы любим друг друга, но свадьбе нашей **не быть!*** [Грамматика II: 373]). Грамматическое значение будущего времени инфинитив получает благодаря контексту, определяющему изображаемую ситуацию как следующую за моментом речи. При этом действие единично, лишено элемента узуальности (обобщенности, типизированности), что и

позволяет отграничить указанные формы от сходных с ними конструкций с независимым инфинитивом, выражающих ирреальную модальность «в чистом виде» (*Не плакать же мужчине от боли* [Грамматика II: 378]).

Общими для данной парадигмы и парадигмы форм будущего времени семантического образования, нашедших свое отражение в повествовательных произведениях XVII века, являются образования, мотивированные формами настоящего времени и инфинитивом. В производных инфинитива основное грамматическое значение отнесенности действия к временному плану, следующему за грамматической точкой отсчета, осложняется различными модальными оттенками: неизбежности, вынужденности (в случае употребления с отрицанием – невозможности) осуществления действия. Указание на субъект последнего, названный именем или местоимением в дательном падеже, обязательно: его отсутствие является безусловным показателем абстрактного, нелокализованного во времени долженствования, вынужденности и т.д. Можно с уверенностью утверждать, что указанная модель производства форм футурума является одинаково продуктивной как в XVII столетии, так и на современном этапе развития русского языка. Производные форм настоящего времени представляют будущие действия как процессы, одновременные моменту речи. Поскольку видо-временная система в начальный период формирования русского национального языка не обнаруживает значительных отличий от современной, семантическое образование форм будущего времени на базе настоящего в XVII веке имеет те же особенности, что и в наши дни.

То обстоятельство, что в нашем материале не отмечены формы будущего времени, мотивированные л-формой глаголов совершенного вида, вероятно, свидетельствует об отсутствии (с точки зрения автора текста) необходимости представлять будущие действия как уже осуществившиеся. Яркая разговорная экспрессия указанных форм в современном русском языке позволяет говорить о теоретической возможности их функционирования в тех

произведениях повествовательного жанра XVII столетия, которые отражают близость к живому разговорному языку эпохи, то есть в сатирических, сказочных и других повестях новой книжной традиции.

Завершая анализ темпоральных форм семантического образования, отраженных повестями XVII столетия, отметим следующее: поскольку субъект повествования выступает в качестве свидетеля и/или истолкователя событий прошлого, созданные безморфемно претериты преобладают над соответствующими формами презенса и футурума, занимающими в силу особенностей повествовательного жанра относительно небольшое место в текстовом пространстве.

Заключение

Диссертационное сочинение представляет собой опыт изучения темпоральных форм семантического образования в языке художественной русской литературы XVII столетия. Материалом исследования являются оригинальные произведения повествовательного жанра указанной эпохи. Проведен детальный анализ образования и функционирования темпоральных форм, созданных семантическим способом, в текстах повестей: в соответствующих главах рассмотрены формы прошедшего, настоящего и будущего времени. В ходе решения поставленных исследовательских задач получены следующие результаты:

1. Складывание особенностей семантического образования темпоральных форм на всем протяжении исторического развития русского языка шло параллельно и взаимосвязанно со становлением видо-временной системы и во многом определялось неравномерностью ее эволюции. Как указывает В.Б.Силина, в те периоды истории языка, когда он не был связан кодифицированной нормой, развитие морфологической системы представляло собой вероятностный процесс. Шел выбор одного из возможных путей развития, испытывались различные формы выражения одного и того же значения; сначала эти формы сосуществовали в качестве вариантов, но затем вступали в конкурентную борьбу. Обобщение и выравнивание шло, как правило, по наиболее продуктивному образцу [Силина 1982: 160]. Сказанное, на наш взгляд, в полной мере относится ко всем средствам выражения категории темпоральности. Поэтому в повествовательном жанре XVII столетия, произведения которого соединяют черты живого языка эпохи и архаичные элементы, устаревающие и выходящие из употребления темпоральные формы семантического образования сосуществуют с образованиями, созданными по актуальным и

продуктивным моделям. Так, претериты, созданные на базе инфинитива, являются в начальный период формирования русского национального языка архаичным средством выражения отнесенности действия к плану прошлого. Все остальные темпоральные формы семантического образования, отмеченные в нашем материале, созданы по моделям, актуальным для XVII века. Далее: функционирование в повествовательных произведениях указанной эпохи форм настоящего времени, мотивированных формами будущего простого, а также форм будущего времени, мотивированных формами настоящего, оказалось возможным не только в силу распада древнейшего синкретизма настоящего/будущего времени, исключавшего противопоставление производящего производному (а значит – само возникновение деривационных отношений), но и благодаря формированию видо-временной системы, в которой видовое значение становится составной частью семантики всякой глагольной лексемы. Следовательно, языковая интерпретация темпоральных форм семантического образования является исторически обусловленной постольку, поскольку исторически обусловлена языковая интерпретация смыслового содержания их производящих.

2. Функционирование темпоральных форм семантического образования в повествовательном тексте XVII столетия обнаруживает однозначную зависимость от литературной традиции, в которой создана повесть. В произведениях, следующих характерным особенностям старой книжности («Повесть о некоей брани» Евстратия, «Предание об основании Москвы Олегом»), указанные семантические дериваты отсутствуют полностью. Крайне ограниченное их использование демонстрируют повести, в которых традиционно-книжные элементы явно преобладают над народно-поэтическими: в «Повести об Улиянии Осорьиной» единичны случаи употребления претеритов, мотивированных инфинитивом, а в «исторической» повести Азовского цикла – претеритов, производных от

форм настоящего времени. Наибольшее разнообразие темпоральных форм семантического образования отмечено в текстах, сочетающих традиционную книжную риторику с живой разговорной речью («Новая повесть о преславном Российском царстве», «поэтическая» повесть Азовского цикла, «Повесть о Савве Грудцыне» и нек. др.). Там, где последняя доминирует (например, в сатирических и сказочных произведениях повествовательного жанра), функционируют только те производные, которые созданы по актуальным в рассматриваемую эпоху моделям семантического образования темпоральных форм. Таким образом, семантические дериваты, выступающие в качестве средства выражения временных отношений, являются в художественном тексте XVII столетия одним из жанрообразующих факторов.

3. В повествовательных произведениях XVII столетия темпоральные формы, образованные морфологическим и семантическим способами, способны выступать как синонимичные. Однако говорить об их полном функциональном тождестве, а значит – взаимозаменяемости, представляется неправомерным. Анализ, основанный на принципе выделения первоначально общих значений и их последующей конкретизации, позволяет выявить такие особенности темпоральных форм семантического образования, которые отсутствуют у их грамматических синонимов морфологического образования. Специфика темпоральных форм, образованных безморфемным способом, определяется семантикой их производящих. Обязательным семантическим компонентом дериватов, мотивированных формами настоящего времени, становится значение процессуальности, обусловленное категориальным значением несовершенного вида. Значение образований, соотнесенных с формами будущего простого, осложняется оттенками, связанными с футуральной семантикой – модальность возможности/невозможности совершения действия, готовности к его осуществлению и т.д. – а также с категориальной семантикой совершенного

вида. Обозначение инфинитивом действия безотносительно к деятелю отражается в функционировании его производных с дательным падежом косвенного субъекта; с обусловленностью деятельности чужой волей связаны и модальные оттенки долженствования, непредвиденности, вынужденности и т.д., осложняющие значение темпоральных форм, мотивированных инфинитивом.

4. В произведениях повествовательного жанра XVII века реально представлены не все теоретически возможные лично-числовые формы семантического образования, поскольку выбор конкретного средства обозначения темпоральной отнесенности действия того или иного лица, а значит — наличие в тексте соответствующей формы, зависит от автора. По этой же причине ни в одной из повестей нашего материала не отмечены все возможные формы одного и того же глагольного слова, созданные безморфемным способом. Однако парадигма темпоральных форм семантического образования сохраняет тождество глагольной лексики в ее грамматических видоизменениях, выражаемое наличием у всех членов парадигмы инвариантной части — постольку, поскольку его сохраняют формы исходной парадигмы (морфологического образования) и инфинитив.
5. Говоря о характеризующем любую словоизменительную парадигму однозначном соответствии позиции и связанного с ней формообразовательного средства, необходимо отметить, что в качестве последнего при семантическом формообразовании выступает та или иная модель взаимодействия единиц, принятых за исходные, и их среды. Следовательно, для парадигмы темпоральных форм, функционирующих в повествовательных произведениях XVII столетия, однозначным является соответствие темпорального значения производного (предшествование, одновременность или следование действия по отношению к точке отсчета) и

определенной модели взаимодействия производящего (в качестве которого в нашем материале могут выступать формы настоящего времени, формы будущего простого и сочетание инфинитива с дательным падежом имени/местоимения) с темпоральным значением контекста, которое выражается грамматическими, лексическими или комбинированными средствами. Специфика безморфемной деривации в морфологии находит свое отражение в составе и строении темпоральной парадигмы, обуславливая функционально-семантическую неоднородность входящих в нее форм.

6. Модели семантического производства темпоральных форм, нашедшие свое отражение в повестях XVII столетия, являются (за исключением модели создания претеритов на базе инфинитива с дательным падежом косвенного субъекта действия) продуктивными и для современного русского языка, о чем свидетельствует сопоставление соответствующих парадигм. Кроме того, оно показывает, что в художественной прозе XIX и XX веков представлены образования, не отмеченные в нашем материале. Отсутствие в повествовательном жанре XVII века претеритов и форм презенса, мотивированных формами будущего сложного, вероятно, объясняется поздним закреплением последних, лишь в XVIII столетии получивших статус общерусских. Отсутствие претеритов, соотнесенных с императивной формой 2-го лица единственного числа глаголов совершенного вида, форм презенса и футурума, производных от л-форм глаголов обоих видов, а также форм презенса, омонимичных формам будущего времени глагола *быть*, относится целиком на счет автора, определяющего критерии допустимого и недопустимого в повествовательном тексте и выбирающего способы решения художественных задач последнего, так как грамматическая система русского языка XVII века допускает образование перечисленных форм.
7. Анализ основных особенностей семантического образования темпоральных форм в его параллелизме морфологическому формообразованию сделал

возможной с и с т е м н о - п а р а д и г м а т и ч е с к у ю квалификацию семантических дериватов, что и позволяет говорить о принципиальной новизне проведенного исследования. Разумеется, взятые на вооружение принципы грамматического описания и система исходных понятий рассчитаны на уточнение и развитие в ходе последующих исследований функциональной ориентации. Тем не менее предпринятый нами опыт разработки теоретических оснований семантического формообразования создает р е а л ь н у ю основу для решения проблемы изучения эмоционально-экспрессивных и образных возможностей грамматических единиц.

Список источников и литературы

I. Источники

Азб. гол. – *Азбука о голом и небогатом человеке* (по Трондхеймскому списку 1663 г.) / Подготовила к печати В.П.Адрианова-Перетц // Русская демократическая сатира XVII века. – М.: Наука, 1977. – С.229-231.

Жит. Авв. - *Житие протопопа Аввакума, им самим написанное* / Подготовил к печати И.Назимов // Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения. – М: ТЕРРА – Книжный клуб, 2001. – С. 5-69.

Зач. Моск. – *Сказание о зачатии Москвы и Крутицкой епископии* / Подготовила к печати М.А.Салмина // Повести о начале Москвы. – М.-Л.: Наука, 1964. – С. 245-247.

Ист. Азов. – *«Историческая» повесть Азовского цикла* / Подготовил к печати А.Н.Робинсон // Военские повести Древней Руси. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1949. – С.47-56.

Каляз. Чел. – *Калязинская челобитная* / Подготовила к печати В.П.Адрианова-Перетц // Русская демократическая сатира XVII века. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1954. – С.65-69.

Котош. – *Г.К.Котошихин. О России в царствование Алексея Михайловича* / Подготовили к печати С.П.Обнорский и С.Г.Бархударов // Обнорский С.П., Бархударов С.Г. Хрестоматия по истории русского языка. Часть первая. – М.: Аспект Пресс, 1999. – С. 308-316.

Леч. инозем. – *Лечебник на иноземцев* / Подготовила к печати В.П.Адрианова-Перетц // Русская демократическая сатира XVII века. – М.: Наука, 1977. – С. 95-96.

Нов. пов. Рос. царств. – *Новая повесть о преславном российском царстве* / Подготовил к печати Н.И.Тотубалин // Русская повесть XVII века. – Л.: ГИХЛ, 1954. – С. 9-28.

Отп. Тарб. Бас. – *Отписка Степана Тарбеева и Ивана Басова* / Подготовила к печати О.А.Белоброва // АН СССР. Ин-т рус. лит-ры (Пушкинский дом). Труды отдела древнерусской литературы. – 1972. – Т. XXVII. – С. 269-272.

Пов. бражн. – *Повесть о бражнике* / Подготовила к печати В.П.Адрианова-Перетц // Русская демократическая сатира XVII века. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1954. – С. 107-109.

Пов. воев. Шуйск. – *Повесть о смерти воеводы М.В.Скопина-Шуйского* / Подготовил к печати М.О.Скрипиль // Русская повесть XVII века. – Л.: ГИХЛ, 1954. – С. 29-38.

Пов. Горе Зл. – *Повесть о Горе и Злочасти* / Подготовил к печати В.В.Сиповский // Сиповский В.В. Русские повести XVII-XVIII вв. – СПб, 1905. – С. 1-13.

Пов. Григ. – *Повесть о некоем купце Григории, како хоте его жена с чародеем уморити* / Подготовил к печати М.О.Скрипиль // АН СССР. Ин-т лит-ры (Пушкинский дом). Труды отдела древнерусской литературы. – 1948. – Т. VI. – С. 329-332.

Пов. Груд. – *Повесть о Савве Грудцыне* / Подготовил к печати М.О.Скрипиль // АН СССР. Ин-т лит-ры (Пушкинский дом). Труды отдела древнерусской литературы. – 1947. – Т. V. – С. 234-293.

Пов. Ерш. – *Повесть о Ерше Ершовиче* / Подготовила к печати В.П.Адрианова-Перетц // Русская демократическая сатира. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1954. – С. 7-13.

Пов. жит. Кер. – *Повесть о житии Варлаама Керетского* / Подготовил к печати Л.А.Дмитриев // АН СССР. Ин-т лит-ры (Пушкинский дом). Труды отдела древнерусской литературы. – 1970. – Т. XXV. – С. 191-196.

Пов. зач. Моск. – *Повесть о зачале Москвы* / Подготовила к печати М.А.Салмина // Повести о начале Москвы. – М.-Л.: Наука, 1964. – С. 173-187.

Пов. крест. – *Повесть о крестьянском сыне* / Подготовила к печати В.П.Адрианова-Перетц // Русская демократическая сатира XVII века. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1954. – С.110-113.

Пов. куп. – *Повесть о купце* / Подготовил к печати М.О.Скрипиль // Русская повесть XVII века. – Л.: ГИХЛ, 1954. – С. 126-135.

Пов. Мар. – *Повесть о Марфе и Марии* / Подготовил к печати М.О.Скрипиль // Русская повесть XVII века. – Л.: ГИХЛ, 1954. – С. 48-53.

Пов. Мих. – *Повесть о византийском царе Михаиле* / Подготовили к печати С.П.Обнорский и С.Г.Бархударов // Обнорский С.П., Бархударов С.Г. Хрестоматия по истории русского языка. Часть первая. – М.: Аспект Пресс, 1999. – С. 360-362.

Пов. раз. – *Повесть о разуме человеческом* / Подготовил к печати М.О.Скрипиль // АН СССР. Ин-т лит-ры (Пушкинский дом). Труды отдела древнерусской литературы. – 1948. – Т. VI. – С. 324-327.

Пов. расст. – *Повесть о розстриге Григории* / Подготовили к печати С.П.Обнорский и С.Г.Бархударов // Обнорский С.П., Бархударов С.Г. Хрестоматия по истории русского языка. Часть первая. – М.: Аспект Пресс, 1999. – С. 290-291.

Пов. Скоб. – *Повесть о Фроле Скобееве* / Подготовил к печати И.П.Лапицкий // Русская повесть XVII века. – Л.: ГИХЛ, 1954. – С. 155-166.

Пов. Сут. – *Повесть о Карне Сутулове* / Подготовила к печати В.П.Адрианова-Перетц // Русская демократическая сатира XVII века. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1954. – С. 114-120.

Пов. Сух. – *Повесть о Сухане* / Подготовил к печати В.И.Малышев // Малышев В.И. Повесть о Сухане. Из истории русской повести XVII века. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1956. – С. 139-143.

Пов. Тв. Мон. – *Повесть о Тверском отроче монастыре* / Подготовил к печати М.О.Скрипиль // Русская повесть XVII века. – Л.: ГИХЛ, 1954. – С. 116-125.

Пов. Туш. – *О новоявльшемся развратнице Тишине, его же имя нарицаешся дикой вор тушинской* / Подготовили к печати С.П.Обнорский и С.Г.Бархударов // Обнорский С.П., Бархударов С.Г. Хрестоматия по истории русского языка. Часть первая. – М.: Аспект Пресс, 1999. – С. 289-290.

Пов. Улиян. – *Повесть об Улиянии Осорьиной* / Подготовил к печати М.О.Скрипиль // АН СССР. Ин-т лит-ры (Пушкинский дом). Труды отдела древнерусской литературы. – 1948. – Т.VI. – С. 276-284.

Пов. Ф. Е. – *Повесть о Фоме и Ереме* / Подготовила к печати В.П.Адрианова-Перетц // Русская демократическая сатира XVII века. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1954. – С. 43-45.

Посл. недр. – *Послание дворителное недругу* / Подготовила к печати В.П.Адрианова-Перетц // Русская демократическая сатира XVII века. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1954. – С. 37-38.

Пов. Шем. – *Повесть о Шемякином суде* / Подготовила к печати В.П.Адрианова-Перетц // Русская демократическая сатира XVII века. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1954. – С. 20-23.

Поэт. Азов. – *«Поэтическая» повесть Азовского цикла* / Подготовил к печати А.Н.Робинсон // Воинские повести Древней Руси. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1949. – С.57-81.

Сказ. Азов. – *«Сказочная» повесть Азовского цикла* / Подготовил к печати А.Н.Робинсон // Воинские повести Древней Руси. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1949. – С. 85-112.

Сказ. кур. – *Сказание о куре и лисице* / Подготовила к печати В.П.Адрианова-Перетц // Русская демократическая сатира XVII века. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1954. – С. 73-77.

Сказ. роск. жит. – *Сказание о роскошном житии и веселии* / Подготовила к печати В.П.Адрианова-Перетц // Русская демократическая сатира XVII века. – М.: Наука, 1977. – С. 31-33.

Сказ. Сав. – *Сказание о попе Савве* / Подготовила к печати В.П.Адрианова-Перетц // Русская демократическая сатира XVII века. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1954. – С.70-72.

Сказ. уб. Дан. – *Сказание об убиении Даниила Суздальского и о начале Москвы* / Подготовила к печати М.А.Салмина // Повести о начале Москвы. – М.-Л.: Наука, 1964. – С.199-212.

Сл. каб. – *Служба кабаку* / Подготовила к печати В.П.Адрианова-Перетц // Русская демократическая сатира XVII века. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1954. – С. 46-64.

Сл. куп. – *Слово о купцы и сыне его и жене сыновне* / Подготовил к печати М.О.Скрипиль // АН СССР. Ин-т лит-ры (Пушкинский дом). Труды отдела древнерусской литературы. – 1948. – Т.VI. – С.327-328.

Сл. муж. – *Слово о мужах ревнивых* / Подготовила к печати В.П.Адрианова-Перетц // Русская демократическая сатира XVII века. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1954. – С. 132-133.

Чел. Вас. Пол. – *Челобитная Василия Полозова* / Подготовила к печати О.А. Белоброва // АН СССР. Ин-т рус. лит-ры (Пушкинский дом). Труды отдела древнерусской литературы. – 1972. – Т. XXVII. – С. 266-269.

II. Исследования

Аверьянова 1955 – Аверьянова Г.Н. Особенности синтаксиса сатирических произведений и повестей XVII в. Способы выражения сказуемого: Дис. ... канд. филол. наук / Г.Н.Аверьянова; Ленингр. гос. пед. ин-т. им. А.И.Герцена. – Л., 1955. – 310 с.

Агафонова 1981 – Агафонова Т.И. Глагольные формы в сочинении Г.К.Котошихина «О России в царствование Алексея Михайловича» (1666 – 1667 гг.): Дис. ... канд. филол. наук / Т.И.Агафонова; Моск. гос. ун-т. – М., 1981. – 216 с.

Адрианова-Перетц 1977 – Адрианова-Перетц В.П. У истоков русской сатиры / В.П.Адрианова-Перетц // Русская демократическая сатира XVII века. – М.: Наука, 1977. – С.107-142.

Аксаков 1875а – Аксаков К.С. Критический разбор «Опыта исторической грамматики русского языка» Ф.И.Буслаева / К.С.Аксаков // К.С.Аксаков. Сочинения филологические. – М.: Катков и К*, 1875. – С. 439-644.

Аксаков 1875б – Аксаков К.С. О русских глаголах / К.С.Аксаков // К.С.Аксаков. Сочинения филологические. – М.: Катков и К*, 1875. – С. 405-438.

Бенвенист 1974 – Бенвенист Э. Общая лингвистика / Э.Бенвенист. – М.: Прогресс, 1974. – 448 с.

Бондарева 1971 – Бондарева В.А. К вопросу о функциях глагола *буду* в деловой письменности XVII в. / В.А.Бондарева // Русский язык. Материалы и исследования: Сб.ст. – Ставрополь: Ставропольская правда, 1971. – Вып. 5. – С. 115-121.

Бондарева 1973 – Бондарева В.А. Система временных форм глагола в языке бытовой и деловой письменности XVII века: Дис. ... канд. филол. наук / В.А.Бондарева; Моск. гос. ун-т. – М., 1973. – 170 с.

Бондарко 1958 – Бондарко А.В. Настоящее историческое глаголов несовершенного и совершенного видов в языке русских памятников XV-XVII вв. / А.В.Бондарко // Уч. зап. Ленингр. гос. пед. ин-та им А.И.Герцена. – 1958. – Т. 173. – С. 55-71.

Бондарко 1965 – Бондарко А.В. Некоторые особенности переносного употребления времен глагола / А.В.Бондарко // Русский язык в школе. – 1965. – №5. – С. 79-83.

Бондарко 1971 – Бондарко А.В. Грамматическая категория и контекст / А.В.Бондарко. – Л.: Наука, 1971. – 115 с.

Бондарко 1976 – Бондарко А.В. Теория морфологических категорий / А.В.Бондарко. – Л.: Наука, 1976. – 255 с.

Бондарко – Буланин 1967 – Бондарко А.В. Русский глагол / А.В.Бондарко, Л.Л.Буланин. – Л.: Просвещение, 1967. – 192 с.

Бондарко 1983 – Бондарко А.В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии / А.В.Бондарко. – Л.: Наука, 1983. – 208 с.

Бондарко 1984 – Бондарко А.В. Функциональная грамматика / А.В.Бондарко. – Л.: Наука, 1984. – 136 с.

Бондарко 1987 – Бондарко А.В. Основания функциональной грамматики / А.В.Бондарко // Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. – Л.: Наука, 1987. – С. 5-39.

Бондарко 1990а – Бондарко А.В. Темпоральность / А.В.Бондарко // Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. – Л.: Наука, 1990. – С. 5-58.

Бондарко 1990б – Бондарко А.В. К анализу категориальных ситуаций в сфере модальности: императивные ситуации / А.В.Бондарко // Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. – Л.: Наука, 1990. – С.80-89.

Бондарко 1991 – Бондарко А.В. Семантика лица / А.В.Бондарко // Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость. – СПб.: Наука, 1991. – С. 5-40.

Бондарко 1992 – Бондарко А.В. Субъектно-предикатно-объектные ситуации / А.В.Бондарко // Теория функциональной грамматики. Субъектность. Объектность. Коммуникативная перспектива высказывания. Определенность/неопределенность. – СПб.: Наука, 1992. – С. 29-71.

Булаховский 1958 – Булаховский Л.А. Исторический комментарий к русскому литературному языку / Л.А.Булаховский. – Киев: Радянська школа, 1958. – 488 с.

Виноградов 1986 – Виноградов В.В. Русский язык: Грамматическое учение о слове / В.В.Виноградов. – М.:Высшая школа, 1986. – 640 с.

Гак 1973 – Гак В.Г. Высказывание и ситуация / В.Г.Гак // Проблемы структурной лингвистики-1972: Сб.ст. – М.: Наука, 1973. – С. 349-372.

Георгиева 1978 – Георгиева В.Л. Безличные предложения / В.Л.Георгиева // Историческая грамматика русского языка. Синтаксис. Простое предложение. – М.: Наука, 1978. – С. 230-295.

Грабье 1983 – Грабье Вл. Семантика русского императива / Вл.Грабье // Сопоставительное изучение грамматики и лексики русского языка с чешским языком и другими славянскими языками: Сб.ст. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1983. – С. 105-128.

Грамматика I – Русская грамматика: В 2 т. – М.: Наука, 1982. – Т.1. – 783 с.

Грамматика II – Русская грамматика: В 2 т. – М.: Наука, 1982. – Т.2. – 709 с.

Гуляницкий 1976 – Гуляницкий Л. Глаголы «обратимого» действия / Л.Гуляницкий // Russian language journal. – 1976. – Vol. XXX. – № 6. – Р. 9-15.

Даневич 1961 – Даневич А.В. Грамматические особенности русских повестей второй половины XVII века: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / А.В.Даневич; Ин-т языковедения им. А.А.Потебни АН УССР. – Киев, 1961. – 17 с.

Демиденко 1964 – Демиденко Л.П. Синтетические (морфологические) и аналитические (синтаксические) способы выражения начала глагольного действия в истории русского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Л.П.Демиденко; Ленингр. гос.пед. ин-т им. А.И.Герцена. – Л., 1964. – 19 с.

Дмитриев 1972 – Дмитриев Л.А. Жанр севернорусских житий / Л.А.Дмитриев // АН СССР. Ин-т рус. лит-ры (Пушкинский дом). Труды отдела древнерусской литературы. – Т. XXVII. – Л.: Наука, 1972. – С. 181-202.

Дмитриев 1973 – Дмитриев Л.А. Житийные повести Русского Севера как памятники литературы XIII-XVII вв.: Эволюция жанра легендарно-биографических сказаний / Л.А.Дмитриев. – Л.: Наука, 1973. – 303 с.

Евгеньева 1944 – Евгеньева А.П. Язык былин в записях XVII века / А.П.Евгеньева // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. – 1944. – Т. 3. – Вып. 4. – С. 165-176.

Ермоленко 1987 – Ермоленко С.С. Образные средства морфологии / С.С.Ермоленко. – Киев: Наукова думка, 1987. – 121 с.

Есперсен 1958 – Есперсен О. Философия грамматики / О.Есперсен. – М.: Изд-во иностр. лит., 1958. – 404 с.

Жирмунский 1954 – Жирмунский В.М. Внутренние законы развития языка и проблема грамматической аналогии / В.М.Жирмунский // Труды ин-та языкознания АН СССР. – 1954. – Т. IV. – С. 74-110.

Жолобов 2002 – Жолобов О.Ф. Епифаний премудрый как носитель древнерусского языкового сознания / О.Ф.Жолобов // Язык и этнос. Материалы Первой выездной академической школы для молодых лингвистов-

преподавателей вузов РФ 30 ноября - 2 декабря 2001 г. – Казань: РИЦ «Школа», 2002. – С. 149-153.

Жульева 1973 – Жульева В.А. Формы глагола прошедшего времени в русских повестях XV-XVIII вв.: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / В.А.Жульева; Владимир. гос.пед. ин-т им. П.И.Лебедева-Полянского. – Казань, 1973. – 16 с.

Зализняк 1995 – Зализняк А.А. Древненовгородский диалект / А.А.Зализняк. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. – 720 с.

Золотова 1982 – Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса / Г.А.Золотова. – М.: Наука, 1982. – 368 с.

Иванов 1982 – Иванов В.В. История временных форм глагола / В.В.Иванов // Историческая грамматика русского языка. Морфология. Глагол. – М.: Наука, 1982. – С. 25-131.

Исаченко 1960 – Исаченко А.В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким. Ч. 2. / А.В.Исаченко. – Братислава: Изд-во Словацкой Академии наук, 1960. – 577 с.

Кацнельсон 1986а – Кацнельсон С.Д. О грамматической категории / С.Д.Кацнельсон // С.Д.Кацнельсон. Общее и типологическое языкознание: Сб.ст. – Л.: Наука, 1986. – С. 107-129.

Кацнельсон 1986б – Кацнельсон С.Д. О грамматической семантике / С.Д.Кацнельсон // С.Д.Кацнельсон. Общее и типологическое языкознание: Сб.ст. – Л.: Наука, 1986. – С. 145-152.

Кацнельсон 1986в – Кацнельсон С.Д. Грамматическая семантика и синтаксические формализмы / С.Д.Кацнельсон // С.Д.Кацнельсон. Общее и типологическое языкознание: Сб.ст. – Л.: Наука, 1986. – С. 152-159.

Колесов 1989 – Колесов В.В. Древнерусский литературный язык / В.В.Колесов. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1989. – 295 с.

Кошмидер 1962 – Кошмидер Э. Очерк науки о видах польского глагола. Опыт синтеза / Э.Кошмидер // Вопросы глагольного вида: Сб.ст. – М.: Изд-во иностр. лит., 1962. – С. 105-167.

Курилович 1962 – Курилович Е. Деривация лексическая и деривация синтаксическая / Е.Курилович // Е.Курилович. Очерки по лингвистике: Сб.ст. – М.: Изд-во иностр. лит., 1962. – С. 57-70.

Лайонз 1978 – Лайонз Дж. Введение в теоретическую лингвистику / Дж.Лайонз. – М.: Прогресс, 1978. – 543 с.

Лихачев 1967 – Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы / Д.С.Лихачев. – Л.: Наука, 1967. – 372 с.

Ломтев 1952 – Ломтев Т.П. Об употреблении глагола относительно категории времени в древнерусском языке / Т.П.Ломтев // Ученые записки Моск. гос. ун-та. – 1952. – Вып. 150. – С. 219-253.

Лопушанская 1961 – Лопушанская С.П. Глагольные формы по памятнику XVII века «Слово и дело государевы»: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / С.П.Лопушанская; Ленигр. гос. пед. ин-т им. А.И.Герцена. – Л., 1961. – 22 с.

Лопушанская 1967 – Лопушанская С.П. Очерки по истории глагольного формообразования / С.П.Лопушанская. – Казань: Татарское книжное изд-во, 1967. – 174 с.

Малышев 1956 – Малышев В.И. Повесть о Сухане: Из истории русской повести XVII века / В.И.Малышев. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1956. – 224 с.

Марков 2001a – Марков В.М. Заметки по исторической стилистике русского языка / В.М.Марков // В.М.Марков. Избранные работы по русскому языку: Сб.ст. – Казань: ДАС, 2001. – С. 149-155.

Марков 1997 – Марков В.М. К истории форм прошедшего времени в русском языке / В.М.Марков // Beiträege zur Slavistik. – 1997. – Bd. XXXIII. – С. 295-304.

Марков 2001б – Марков В.М. О семантическом способе словообразования в русском языке / В.М.Марков // В.М.Марков. Избранные работы по русскому языку: Сб.ст. – Казань: ДАС, 2001. – С. 117-135.

Маслов 1984 – Маслов Ю.С. Очерки по аспектологии / Ю.С.Маслов. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1984. – 263с.

Маслов 1987 – Маслов Ю.С. Перфектность / Ю.С.Маслов // Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. – Л.: Наука, 1987. – С. 195-209.

Матхаузерова 1972 – Матхаузерова С. Функция времени в древнерусских жанрах / С.Матхаузерова // АН СССР. Ин-т. рус. лит-ры (Пушкинский дом). Труды отдела древнерусской литературы. – 1972. – Т. XXVII. – С. 227-235.

Мещанинов 1978 – Мещанинов И.И. Члены предложения и части речи / И.И.Мещанинов. – Л.: Наука, 1978. – 387 с.

Морозова Е.С. 1997 – Морозова Е.С. Об особенностях функционирования претеритарной системы древнерусского и старорусского языков в разностильных письменных памятниках XI-XVII вв. / Е.С.Морозова // Вестник Мордовского ун-та. – 1997. – № 1. – С. 33-39.

Морозова С.Е. 1979 – Морозова С. Е. Сложноподчиненные предложения условия / С.Е.Морозова // Историческая грамматика русского языка. Синтаксис. Сложное предложение. – М.: Наука, 1979. – С. 233-261.

Некрасов 1865 – Некрасов Н.П. О значении форм русского глагола / Н.П.Некрасов. – СПб.: Изд-во тип. и лит. И.Паульсона и К*, 1865. – 314 с.

Никифоров 1952 – Никифоров С.Д. Глагол, его категории и формы в русской письменности второй половины XVI века / С.Д.Никифоров. – М: Изд-во АН СССР, 1952. – 344 с.

Николаев 1987 – Николаев Г.А. Русское историческое словообразование. Теоретические проблемы / Г.А.Николаев. – Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 1987. – 152 с.

Овсянико-Куликовский 1902 – Овсянико-Куликовский Д.Н. Синтаксис русского языка / Д.Н.Овсянико-Куликовский. – СПб.: Изд-во Д.Е.Жуковского, 1902. – 312 с.

Павлов 1992 – Павлов В.М. Субъект в безличных предложениях / В.М.Павлов // Теория функциональной грамматики. Субъектность. Объектность. Коммуникативная перспектива высказывания. Определенность/неопределенность. – СПб.: Наука, 1992. – С. 71-100.

Падучева 1986 – Падучева Е.В. Семантика вида и точка отсчета (в поисках инварианта видового значения) / Е.В.Падучева // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. – 1986. – Т. 45. – № 5. – С. 413-424.

Петрухин 1996 – Петрухин П.В. Нарративная стратегия и употребление глагольных времен в русской летописи XVII века / П.В.Петрухин // Вопросы языкознания. – 1996. – № 4. – С. 62-84.

Пешковский 1938 – Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении / А.М.Пешковский. – М.: ОГИЗ, 1938. – 452 с.

Поспелов 1966 – Поспелов Н.С. О двух рядах грамматических значений глагольных форм в современном русском языке / Н.С.Поспелов // Вопросы языкознания. – 1966. – № 2. – С. 17-29.

Потебня 1941 – Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. Т.4. Глагол. Местоимение. Числительное. Предлог / А.А.Потебня. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1941. – 320 с.

Потебня 1958 – Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. Т. 1-2. / А.А.Потебня. – М.: Учпедгиз, 1958. – 536 с.

Прокопович 1982 – Прокопович Е.Н. Глагол в предложении: семантика и стилистика видо-временных форм / Е.Н.Прокопович. – М.: Наука, 1982. – 286 с.

Пупынин 1992 – Пупынин Ю.А. Субъектность и актуализационные категории предиката / Ю.А.Пупынин // Теория функциональной грамматики.

Субъектность. Объектность. Коммуникативная перспектива высказывания. Определенность/неопределенность. – СПб.: Наука, 1992. – С. 141-154.

Размусен 1891 – Размусен Л.П. О глагольных временах и об отношении их к видам в русском, немецком и французском языках / Л.П.Размусен // Журнал министерства народного просвещения. – 1891. – Вып. 275. – С. 376-417.

Ремчукова 2000 – Ремчукова Е.Н. Морфологическая транспозиция как тип функционального варьирования грамматической формы / Е.Н.Ремчукова // Проблемы функциональной грамматики. Категории морфологии и синтаксиса в высказывании. – СПб.: Наука, 2000. – С. 79-90.

Робинсон 1949 – Робинсон А.Н. Повести об Азовском взятии и осадном сидении / А.Н.Робинсон // Воинские повести Древней Руси. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1949. – С. 166 – 243.

Рюмина – Крепких 1990 – Рюмина О.Л. Семантика глагольных форм прошедшего времени в языке переводной новеллы XVII в. (формы аориста и имперфекта) / О.Л.Рюмина, Т.А.Крепких // Языковые единицы в семантическом аспекте: Сб.ст. – Таганрог, 1990. – С. 139-146.

Сабельфельд 1985 – Сабельфельд Н.М. Система глагольных форм в Сибирских летописях XVII века: Дис. ... канд. филол. наук / Н.М.Сабельфельд; Томск. гос. ун-т. – Новосибирск, 1985. – 188 с.

Силина 1982 – Силина В.Б. История категории глагольного вида / В.Б.Силина // Историческая грамматика русского языка. Морфология. Глагол. – М.:Наука, 1982. – С.158-279.

Сильницкий 1990 – Сильницкий Г.Г. Функционально-коммуникативные типы наклонений и их темпоральные характеристики / Г.Г.Сильницкий // Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. – Л.: Наука, 1990. – С. 90-109.

Скрипиль 1954а – Скрипиль М.О. Повесть о Горе-Злочасти / М.О.Скрипиль // Русская повесть XVII века. – Л.: ГИХЛ, 1954. – С. 400-417.

Скрипиль 1954б – Скрипиль М.О. Повесть о Марфе и Марии / М.О.Скрипиль // Русская повесть XVII века. – Л.: ГИХЛ, 1954. – С. 359-365.

Тимофеев 1959 – Тимофеев К.А. Об основных типах инфинитивных предложений в древнерусском языке / К.А.Тимофеев // Уч. зап. Ленингр. ун-та. – 1959. – № 277. – Вып. 55. – С. 3-27.

Тотубалин 1954 – Тотубалин Н.И. Новая повесть о преславном Российском царстве / Н.И.Тотубалин // Русская повесть XVII века. – Л.: ГИХЛ, 1954. – С. 329-343.

Ульянов 1895 – Ульянов Г.К. Значения глагольных основ в литовско-славянском языке. Ч II. Основы, обозначающие различия по видам / Г.К.Ульянов. – Варшава, 1895. – 341 с.

Фоменко 1963 – Фоменко Ю.В. Язык Сибирских летописей 17 века (наблюдения над морфологическим строем): Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ю.В.Фоменко; Моск. обл. пед. ин-т им. Н.К.Крупской. – М., 1963. – 16 с.

Фортунатов 1956 – Фортунатов Ф.Ф. Сравнительное языковедение / Ф.Ф.Фортунатов // Ф.Ф.Фортунатов. Избранные труды: В 2 т. – М.: Учпедгиз, 1956. – Т.1. – С. 23-197.

Хабургаев – Рюмина 1971 – Хабургаев Г.А. Глагольные формы в языке художественной литературы Московской Руси XVII века (к вопросу о понятии «литературности» в предпетровскую эпоху) / Г.А.Хабургаев, О.Л.Рюмина // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. – 1971. – №4. – С. 65-76.

Хлебникова 1961 – Хлебникова И.Б. О релятивном характере временных форм глагола / И.Б.Хлебникова // Уч. зап. Моск. ин-та международных отношений. – 1961. – №7. – С. 146-160.

Храковский 1987 – Храковский В.С. Семантика фазовости и средства ее выражения / В.С.Храковский // Теория функциональной грамматики. Введение.

Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. – Л.: Наука, 1987. – С. 153-180.

Храковский – Володин 1986 – Храковский В.С. Семантика и типология императива. Русский императив / В.С.Храковский, А.П.Володин. – Л.: Наука, 1986. – 272 с.

Цейтлин 1990 – Цейтлин С.Н. Необходимость / С.Н.Цейтлин // Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. – Л.: Наука, 1990. – С. 142-156.

Черных 1953 – Черных П.Я. Язык Уложения 1649 года. Вопросы орфографии, фонетики и морфологии в связи с историей Уложенной книги / П.Я.Черных. – М.: Изд-во АН СССР, 1953. – 375 с.

Шахматов 1927 – Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. Вып. 2. Учение о частях речи. Дополнения / А.А.Шахматов. – Л.: Изд-во АН СССР, 1927. – 212 с.

Шмелев 1960 – Шмелев Д.Н. Абсолютное и относительное употребление форм времени русского глагола / Д.Н.Шмелев // Русский язык в национальной школе. – 1960. – №6. – С. 3-10.

Якобсон 1985 – Якобсон 1985 – Якобсон Р.О. О структуре русского глагола / Р.О.Якобсон // Роман Якобсон. Избранные работы: Сб.ст. – М.: Прогресс, 1985. – С. 210-221.

Белић 1928 – Белић А. О синтаксичком индикативу и «релативу» / А.Белић // *Symbolae grammaticae in honorem Joannis Rozwadowski*. – Cracoviae, 1928. – Vol. II. – С. 47-55.

Reichenbach 1947 – Reichenbach H. Elements of symbolic logic / H. Reichenbach. – N.Y.: The MacMillan Co., 1947. – 437 p.